

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ «ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН – зав. Центром азиатских и тихоокеанских исследований, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, доцент (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ВЫПУСКА «АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Берлин, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р исторических наук, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Краков, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

**ADVISORY BOARD OF ACADEMIC JOURNAL
«VESTNIK OF NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY.
SERIES: HISTORY, PHILOLOGY»**

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)
- A. P. Derevyanko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

**EDITORIAL BOARD
OF THE ISSUE «ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY»**

Executive Editor

- A. I. Krivoschapkin Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

- L. A. Bobrov Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)
- R. M. Krause Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)
- B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)
- L. V. Lbova Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- A. Nagler Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)
- Z. S. Samashev Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)
- K. Sh. Tabaldiev Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)
- E. F. Fursova Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- S. Hansen Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)
- J. Chochorowski Doctor of Historical Sciences, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
- Yu. S. Khudyakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Suk-Bae Jung Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2018. Том 17, № 7: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Гнездилова И. С., Нестеркина А. Л., Соловьева Е. А., Соловьев А. И.* Корейский полуостров и Японские острова: сложение особенностей и заимствование культурных традиций в эпоху палеометалла (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») 9

История и теория науки, новые методы исследований

- Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С.* Опыт мультидисциплинарного исследования памятников и материалов эпохи голоцена Барабинской лесостепи: к 45-летию Западносибирского археологического отряда Института археологии и этнографии СО РАН 18
- Горохов С. В.* История, проблемы, цели и перспективы анализа состава металла православных нательных крестов конца XVI – XIX века в Сибири и на Дальнем Востоке 44
- Волков П. В., Лбова Л. В., Губар Ю. С., Швец О. Л.* Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования 56

Археология Евразии

- Деревянко А. П., Кандыба А. В., Чеха А. М.* Новые данные о позднеплейстоценовых – раннеголоценовых каменных индустриях на территории Северного Вьетнама 67
- Анойкин А. А.* Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст 74
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В.* Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея 86
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю.* Коллекция железных наконечников стрел эпохи Кыргызского Великодержавия из Кыргызского Национального музея в Бишкеке 99
- Татаурова Л. В., Богомолов В. Б.* Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) 107

Этнография народов Евразии

- Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В.* Динамика численности бурятского населения в районах преимущественного расселения в 1959–2010 годах 121
- Чемчиева А. П.* Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение 135

Рецензии

- Скобелев С. Г.* Рецензия на книгу: Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т; Сиб. отд-ние Академии горных наук, 2018. 156 с. 146

Научная информация

- Кривошапкин А. И., Папин Д. В., Хаценович А. М.* Итоги IX Съезда Азиатской палеолитической ассоциации на базе научно-исследовательского стационара «Денисова Пещера» в Алтайском крае 150
- Павленок К. К., Бычков Д. А.* Методический семинар «Поиск и определение границ объектов археологического наследия: роль естественнонаучных дисциплин, новые технологические возможности, нормативно-правовые аспекты» 155
- Скобелев С. Г., Трошкина И. Н.* V Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, востоковеда, археолога Виталия Епифановича Ларичева 160
- Октябрьская И. В., Романова Е. Н.* Города, люди, традиции (по материалам круглого стола «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе» в рамках III Международной конференции «Города и люди: коммуникации и цифровизация») 165
- Список сокращений 169
- Информация для авторов 172

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Gnezdilova I. S., Nesterkina A. L., Solovyeva E. A., Solovyev A. I.* Korean Peninsula and Japanese Islands: Forming Features and Borrowing Cultural Traditions during the Paleometall Epoch (Materials for Educational Course “Archaeology of Foreign Asia”) 9

History and Theory of a Science, New Methods of Researches

- Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Nesterova M. S.* Multidisciplinary Research of Sites and Materials of the Baraba Forest-Steppe in Holocene: To the 45th Anniversary of the West-Siberian Archaeological Detachment of the SB RAS 18
- Gorokhov S. V.* On History, Issues, Objectives and Perspectives of Composition Analysis of the Orthodox Cross Pendants Metal Compounds Produced in the Late 16th – 19th Centuries in Siberia and the Far East 44
- Volkov P. V., Lbova L. V., Gubar Yu. S., Shvets O. L.* A Mammoth Figure from Ust'-Kova Site: Results of Microscopic Study 56

Archaeology of Eurasia

- Derevianko A. P., Kandyba A. V., Chekha A. M.* New data on stone industries of Late Pleistocene – Early Holocene Period on the territory of Northern Vietnam 67
- Anoikin A. A.* Coastal Dagestan Middle Paleolithic Marine Isotope Stage 5 Assemblages: Regional Context 74
- Borodovsky A. P., Oborin Yu. V.* Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the Hun-Sarmatian Age from the Middle Yenisei 86
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu.* Collection of Iron Arrowheads of the Kyrgyz Great Power Epochs from the Kyrgyz National Museum in Bishkek City 99
- Tataurova L. V., Bogomolov V. B.* Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes (Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region) 107

Ethnography of the Peoples of Eurasia

- Dashinamzhilov O. B., Lygdenova V. V.* Dynamics of the Buryats population in the areas of major settlement in 1959–2010 121
- Chemchieva A. P.* Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance 135

Review

- Skobelev S. G.* Review on Monograph: Kimeev V. M. Siberian Ostrogs of Tom River Basin. Kemerovo: Kemerovo State University; Siberian Branch Academy of Mining Sciences, 2018, 156 p. 146

Scientific Information

- Krivoshapkin A. I., Papin D. V., Khatsenovich A. M.* Results of 9th Meeting of Asian Paleolithic Association in the Field Research Center “Denisova Peshchera” (Altai Region, Russia) 150
- Pavlenok K. K., Bychkov D. A.* Methodological Seminar “Search and Determination of the Borders of Archaeological Heritage Objects: The Role of Natural Sciences, New Technological Opportunities, Regulatory-Legal Aspects” 155
- Skobelev S. G., Troshkina I. N.* V International Scientific Conference “The Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and Neighboring Territories” Dedicated to the 85th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Orientalist, Archaeologist Vitalii E. Larichev 160
- Oktyabrskaya I. V., Romanova E. N.* Cities, People, Traditions (On Materials of the Round Table «Space of Traditional Calendar Holidays in a Megacity» in the Framework of the III International Conference «Cities and People: Communications and Digitalization») 165
- List of Abbreviations 169
- Instructions to Contributors 172

УДК 902.694

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-9-17

**Корейский полуостров и Японские острова:
сложение особенностей и заимствование культурных традиций
в эпоху палеометалла (материалы к учебному курсу
«Археология зарубежной Азии»)**

И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Период наиболее интенсивных контактов древнего населения Корейского полуострова и Японских островов (III–VII вв. н. э.) известен широким распространением традиции строительства курганов, которые позволяют изучать различные аспекты жизни общества, в том числе и культурные контакты. Курганная традиция Кореи связана с эпохой троецарствия (III–VII вв.). Строительство курганов началось в Когурё в I в. до н. э., затем с III в. н. э. в Пэкче, Силла и Кая. Прекратили их строить в середине VI в. вследствие распространения буддизма. Курганы на Японских островах появились еще в период *яёй* (III в. до н. э. – III в. н. э.), расцвет их строительства пришелся на период *кофун* (III–VII вв. н. э.). Изучение конструктивных особенностей курганов позволяет сделать вывод о наличии сходства в формах и материалах насыпей, конструкции погребальных камер. Изучаемые территории объединяет культурно-исторический фон – распространение земледелия, основанного на культивации риса, производство бронзовых и железных изделий, появление государственных образований.

Ключевые слова

Корейский полуостров, Японские острова, I в. до н. э. – VII в. н. э., курганы, традиции

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 180900507)

Для цитирования

Гнездилова И. С., Нестеркина А. Л., Соловьева Е. А., Соловьев А. И. Корейский полуостров и Японские острова: сложение особенностей и заимствование культурных традиций в эпоху палеометалла (материалы к учебному курсу «Археология зарубежной Азии») // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 9–17. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-9-17

**Korean Peninsula and Japanese Islands:
Forming Features and Borrowing Cultural Traditions
during the Paleometall Epoch (Materials for Educational Course
“Archaeology of Foreign Asia”)**

I. S. Gnezdilova, A. L. Nesterkina, E. A. Solovieva, A. I. Soloviev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The period of the most intensive contacts of the ancient population of the Korean peninsula and the Japanese Islands (3rd – 7th centuries AD) is of special interest for study. The period witnessed a wide spread of the tradition of

© И. С. Гнездилова, А. Л. Нестеркина, Е. А. Соловьева, А. И. Соловьев, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

building burial mounds (kurgans). Due to the artifacts found in the kurgans, it becomes possible to study various aspects of the people's social life, including cultural contacts. We aimed at studying territorial alliances based on the cultural and historical background, such as the spread of agriculture based on wet rice cultivation, bronze and iron production, the emergence of states.

Results. The kurgan tradition on the Korean peninsula is associated with the era of the Three Kingdoms (3rd – 7th centuries AD). The tradition of erecting mounds started in Koguryo state in the 1st century BC, then from the 3rd century AD it continued in Baekje, Silla and Kaya, and disappeared in the middle of the 6th century AD because of adopting Buddhism. Common barrows had stone embankments, but they are also found with earthen mounds. Burial chambers were first constructed vertically, then horizontal ones appeared. On the Japanese Islands, kurgans first appeared during the *Yayoi* period (3rd century BC – 3rd century AD) and were widely constructed during the *Kofun* period (3rd – 7th centuries AD). The barrows had earthen embankments with burial chambers inside. The barrows differed in the form of their embankment and size. The burials of the *Kofun* period in Japan continued the *Yayoi* period traditions to a certain extent. They had earthen embankments and were decorated with bronze mirrors and stone ornaments in the burial chambers. In addition, their feature is clay *hanwa* figurines around the perimeter of the embankment. Starting from approximately the 5th century AD, there began to appear a certain homogeneity in the funerary structures of the Korean peninsula and the Japanese archipelago. *Sueci* ceramics became a typical element of the funeral rite, as well as bronze and iron objects, gold jewelry and luxury items which appeared in burial chambers. The construction of kurgans acquired some new features, such as stone chambers with side corridors. Both on the Korean Peninsula and the Japanese Islands, we observe similar types of embankments, such as round (*embun*), square (*ho:fun*), double round (*so:embun*), double square (*so:ho:fun*) and in the form of a "Japanese sea scallop" (*hatategaishikikofun*).

Conclusion. The study of the structural features of the kurgans on the Korean Peninsula and the Japanese Islands allows us to conclude that there are similarities in the forms and materials of embankments and the forms of burial chamber construction. The main difference is the larger size of Japanese kurgans. The similarities we revealed can be explained by the mutual influence of the population of the Korean peninsula and the Japanese islands.

Keywords

Korean peninsula, Japanese islands, 1st century BC – 7th century AD, burial mounds, tradition

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 180900507

For citation

Gnezdilova I. S., Nesterkina A. L., Solovyeva E. A., Solovyev A. I. Korean Peninsula and Japanese islands: Forming Features and Borrowing Cultural Traditions during the Paleometall Epoch (Materials for Educational Course "Archaeology of Foreign Asia"). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 9–17. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-9-17

Начиная с эпохи раннего металла, древние культуры Корейского полуострова и Японского архипелага развивались в постоянном взаимодействии. Наибольшей интенсивности контакты древнего населения этих территорий достигли в III–VII вв. н. э. В этот период в обоих регионах повсеместно получили распространения сходные по ряду базовых признаков памятники – курганы. Они представляют собой уникальные по своей концепции объекты и в то же время маркеры особой исторической эпохи как для Корейского полуострова, так и для Японского архипелага. Возникновение феномена близкого сходства данных комплексов требует специального исследования и объяснения его с привлечением широкого круга источников.

Актуальность данной темы связана с важнейшей ролью, которую сыграли контакты носителей восточноазиатских традиций – островной и материковой, в дальнейшей истории Кореи и Японии. Изучение начального этапа данного процесса, определение направлений взаимодействия двух культурных традиций, выявление особенностей и общих черт на примере курганных конструкций представляется крайне значимым. Проведение сравнительного изучения памятников курганного типа предпринимается в отечественной науке впервые, что и определяет новизну исследования. Главной целью является исследование конструкций курганных комплексов Корейского полуострова и Японских островов. Реализация поставленной цели предполагает решение нескольких задач: изучить конструкцию курганных комплексов Корейского полуострова и Японских островов эпохи палеометалла, определить сходство и различие в формах курганов, выявить сходные конструктивные элементы и предположить

направления влияния культурных традиций. Целью данной публикации является также знакомство студенческой аудитории с важными процессами древней истории населения Японских островов и Корейского полуострова, особенностями культурных контактов.

На Корейском полуострове данное время соответствует периоду троецарствия, который получил в литературе также название – «эпоха курганов». В японской археологии за данным временем закрепилось наименование «*кофун*», что дословно переводится как «период курганов». Для этого временного интервала курганы являются самым полным источником для изучения различных аспектов жизни общества, в том числе и его внешних культурных контактов. Кроме того, общие черты задает культурный фон – на обеих территориях распространено сельское хозяйство, основанное на влажной культивации риса, производство бронзовых изделий, основы которого были привнесены на территорию Японского архипелага с территории Кореи.

Следует отметить, что исторический фон на изучаемых территориях заметно различался. Если в целом характеризовать политические процессы, происходившие на Корейском полуострове, то данный период представлял собой время конфликтов, вооруженных столкновений различных государственных образований, имевших собственные отличительные черты. На Японских же островах происходило постепенное распространение власти политического центра Ямато и интеграция прилегающих районов сначала на острове Кюсю, затем далее на северо-восток. Корейский полуостров в силу географического положения, особенно северная его часть, испытывал сильное, в том числе и культурное, влияние со стороны императорского Китая. Японский архипелаг испытал это в меньшей степени – сказалась специфика его географического положения. Фиксируемые культурные импульсы со стороны Срединного государства достигали его территории в значительной мере опосредованно, через Корейский полуостров. Это касается как проникновения буддизма и иероглифической письменности в более поздние эпохи, так и появления на островах предметов материальной культуры, навыков производства изделий из металла, строительства различных сооружений [Ямамото, 2018. С. 38].

Курганы начали строить в Когурё еще в I в. до н. э., в Пэкче – с начала III в., в Силла и Кая – с середины III в. Предшественниками курганов на Корейском полуострове (IV–II вв. до н. э.) являются каменные ящики (Кведжондон, Намсонри, Тонсори) или грунтовые могилы (Тэгонни, Чхонхори) с деревянным гробом. В верхней части заполнения этих могил обнаружено большое количество обломков породы, которые изначально составляли насыпь.

Ранние курганы Корейского полуострова были одиночными сооружениями небольших размеров с погребальной камерой вертикального типа. Расцвет курганной традиции на Корейском полуострове пришелся на эпоху *троецарствия* (III–VII вв.). В это время появились монументальные курганы с земляной насыпью длиной более 100 м, с горизонтально и вертикально расположенными погребальными камерами («*силлаского*» типа), в которых обнаружено большое количество погребального инвентаря. В конце VI в. курганная традиция в Корее переживала упадок: размеры насыпей и количество инвентаря в их камерах уменьшалось. Прекратили их строить в середине VII в. [Ким Гиун, 2000. С. 7; Ким Гильсик, 2017]. Данное явление, как предполагают исследователи, связано с распространением буддизма в Корее и, как следствие, изменением погребального обряда [Ким Гильсик, 2017].

Насыпи курганов сооружались из земли или камня.

Каменные характерны для ранней традиции Когурё и Пэкче. Они часто имели четырехугольную ступенчатую форму, обычно с 3–5 и более ступенями. Центром распространения строений со ступенчатой формой насыпи являлось Когурё. Типичным ступенчатым курганом культуры Когурё можно назвать могилу *Чангунчхон* («Мавзолей полководца») 412 г. в провинции Цзилинь Китайской Народной Республики, которая в древности входила в состав корейского государства Когурё (рис. 1, 1, 2)¹. Курган представляет собой сложенную из

¹ Фотографии, за исключением специально оговоренных случаев, выполнены А. И. Соловьевым во время научных командировок.

огромных каменных блоков семиступенчатую пирамиду высотой 11,3 м и $29,3 \times 29,7$ м в основании, возведенную на цоколе двухметровой высоты [Ким Гиун, 2000. С. 13–14]. Последовательность возведения курганов с каменной насыпью выглядела следующим образом: сначала на уровне древней дневной поверхности устраивали подсыпку из камня, на которой после совершения захоронения возводилась насыпь, строился каменный ящик или сооружалась каменная комната-гробница.

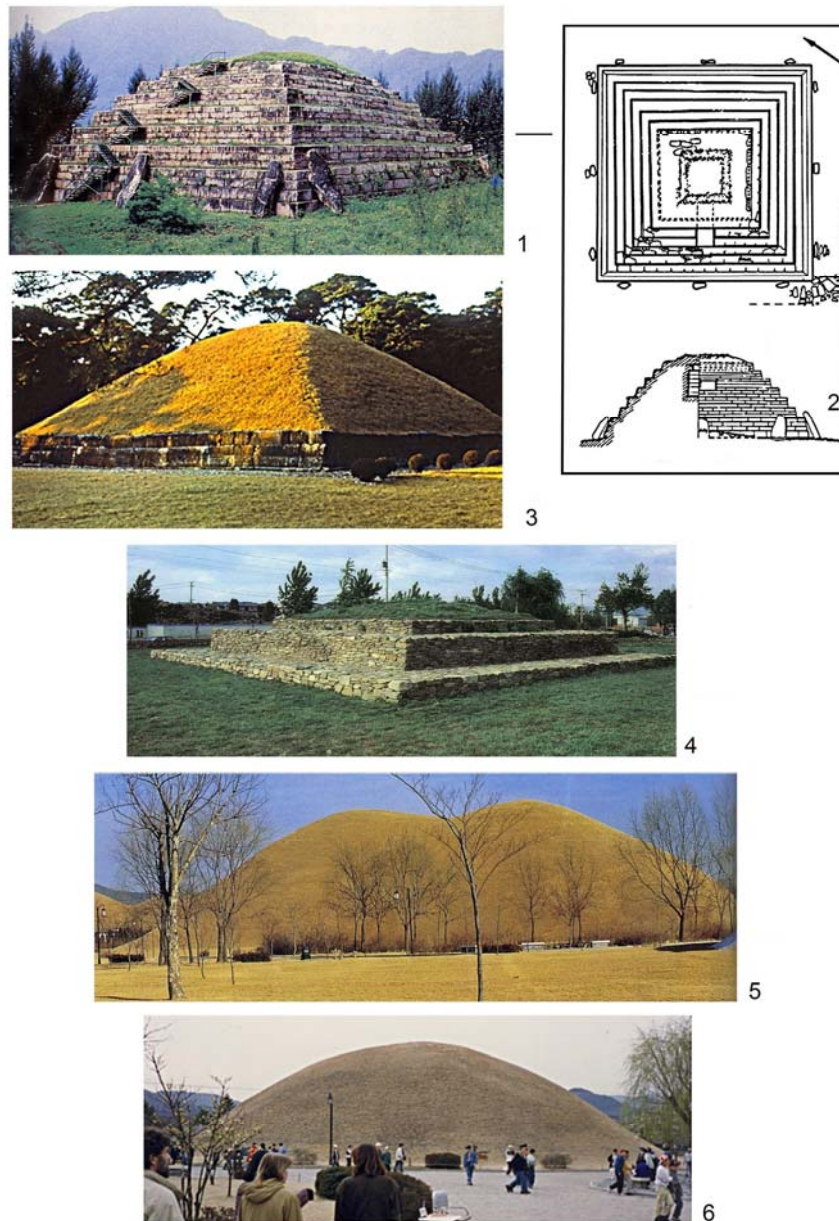

Рис. 1. Курганы Корейского полуострова:
1, 2 – Чангунчхон («Мавзолей полководца»); 3 – «Могила короля Тонмёна»; 4 – Сокчхондон;
5 – Хваннамдэчхон; 6 – Чхонмачхон («Гробница летящей лошади»)
(1–3, 5 по: [Ким Гиун, 2000])

Fig. 1. Mounds of the Korean Peninsula:
1, 2 – Changuncheon (“Commander’s Mausoleum”); 3 – “The Tomb of King Tonmyon”; 4 – Sokchondon;
5 – Hwannamdachon; 6 – Chonmacheon (“Tomb of the Flying Horse”)
(1–3, 5 by: [Kim Kiun, 2000])

Когурёские курганы с земляной насыпью считаются более поздними. Они представляют собой строения с каменной комнатой, расположенной на уровне древней дневной поверхности или слегка углубленной в грунт, поверх которой возводилась земляная насыпь (рис. 1, 3). Стены каменной комнаты таких курганов часто украшались великолепными фресками [Ким Хёнсук, 2007. С. 224–234]. Для начального периода Пэкче характерны разнообразные формы погребальных сооружений: курганы с простой или ступенчатой каменной насыпью, курганы с каменно-земляной насыпью, каменные ящики с деревянным гробом, погребения в урнах, грунтовые могилы и т. д. [Сон Джонён, Со Хёнджу, 2007. С. 261–264]. Широко известны монументальные курганные сооружения с трехступенчатой насыпью могильника Сокчхондон культуры раннего Пэкче, расположенные в черте Сеула [Ким Гиун, 2000. С. 30–31] (рис. 1, 4). Считается, что такие курганы начали сооружаться в Пэкче в результате влияния со стороны Когурё; к последствиям когурёского влияния относят и традицию строительства курганов с каменными комнатами, которая получила широкое распространения в поздний период Пэкче [Сон Джонён, Со Хёнджу, 2007. С. 264–267].

Курганы с земляной насыпью были особенно популярны в Силла и Кая. В Силла они часто сооружались на каменном фундаменте [Ким Ёнсон, 2007. С. 311–315]. Насыпи имели округлую или 8-образную в плане форму. Типичным примером такого сооружения является могила Хваннамдэчхон в г. Кёнджу на юго-востоке Корейского полуострова, которая состоит из двух соединенных вместе насыпей диаметром 82 м, высотой 23 м [Ким Гиун, 2000. С. 62–63] (рис. 1, 5). Пространство по периметру курганов часто ограничивалось подобием каменной оградки или рвом. Погребальные камеры сооружались до или после возведения курганной насыпи. На ранних этапах они были вертикальными, сооружались из камня или представляли собой грунтовую яму. На поздних этапах (IV–VI вв.) были популярны одно- и многокамерные курганы с погребальными камерами горизонтального типа с коридором или без него, которые сооружались, в основном, из каменных блоков. Типичным примером конструкции с горизонтально расположенной каменной погребальной камерой является курган Сансанчхон в г. Кёнджу [Ким Гиун, 2000. С. 70–71]. В культуре Силла сформировался особый тип погребальной камеры: она строилась из дерева, а после совершения захоронения засыпалась обломками породы, над которыми возводилась земляная насыпь. К данному типу относятся такие широко известные курганы, как «Могила золотой короны» *Кымгванчхон* и могила «Гробница летящей лошади» *Чхонмачхон* [Ким Гиун, 2000. С. 63–64] (рис. 1, 6). В большинстве случаев тело умершего помещалось в погребальную камеру в деревянном гробу или керамической урне.

Погребальный инвентарь варьировался в зависимости от района, культурной принадлежности и датировки. В целом, инвентарь включал предметы, указывающие на прижизненный социальный статус или род занятий погребенного: личные украшения, предметы конской упряжи, оружие и доспехи, орудия труда, керамические сосуды. В насыпях курганов и у входов в камеры часто находили предметы, связанные с поминальными ритуалами. В Когурё и Пэкче сами предметы погребального инвентаря часто заменяли их изображением на стенах погребальных камер курганов.

Традиция захоронения в курганах на Японских островах брала свое начало еще в период *яёй* (III в. до н. э. – III в. н. э.) и продолжалась в следующую эпоху. Это земляные насыпи, помещение в погребения бронзовых зеркал, каменных украшений. При этом появились такие специфические черты, как помещение глиняных фигур *ханива* по периметру насыпи.

К концу периода *яёй* возникла традиция погребения в курганах *фукьюбо*, представляющих собой круглую либо квадратную насыпь, окруженную рвом с водой и дамбой через него. Такие погребения могли стать прототипами квадратно-круглых курганов периода *кофун* (III–VII вв.), которые получили широкое распространение с III в. н. э. Все большие курганы периода *кофун* в Японии (с длиной основания более 200 м) только квадратно-круглой формы (рис. 2, 1) [Хирозэ, 2015. С. 64]. Территория их распространения очень обширна: от префектуры Иватэ (на севере) до префектуры Кагосима (на юге о-ва Кюсю) [Imamura, 1996. С. 194].

Курганы начального периода имели свои отличия: передняя их часть строилась в форме трапеции, основание которой было значительно больше вершины (т. е. места соединения двух частей). Задняя (круглая) часть у ранних курганов, как правило, выше передней и представляла собой высокую пятиступенчатую насыпь.

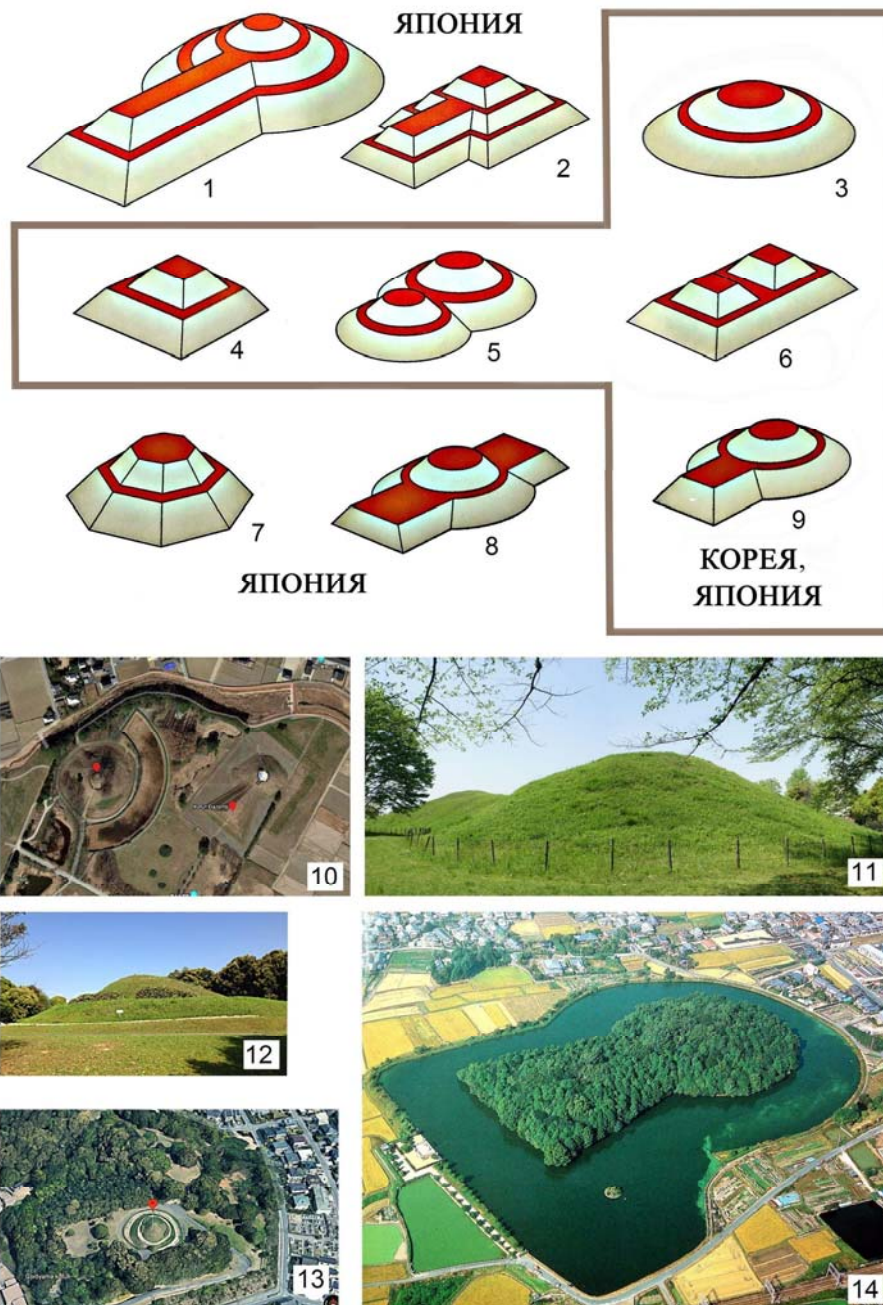

Рис. 2. Курганы Японских островов:
1–9 типы курганов; 10, 11 – курганы Сакитама, префектура Сайтама; 12, 13 – курган Горо: яма, префектура Фукуока; 14 – курган Хо: райсан (мавзолей императора Суйнина), префектура Нара (14 по: [Yamatono kofun II, 2006])

Fig. 2. Mounds of the Japanese Islands:
1–9 types of burial mounds; 10, 11 – Sakitama mounds, Saitama Prefecture; 12, 13 – Goro: Yama mound, Fukuoka Prefecture; 14 – Ho: Rysan mound (mausoleum of Emperor Suinin), Nara Prefecture (14 by: [Yamatono kofun II, 2006])

В среднем периоде стали возводить курганы, у которых обе насыпи были примерно одной высоты, а передняя часть постепенно превратилась в прямоугольник, ширина основания которого практически сравнялась с диаметром основания круглой части. К этому же времени относится сложение традиции возведения обеих насыпей трехступенчатыми – просуществовала до конца периода *кофун* [Хиросэ, 2015. С. 66]. У квадратно-прямоугольных курганов (рис. 2, 2) задняя насыпь имела в основании форму квадрата. Такие курганы в длину не превышали 180 м. На территории Японии их число относительно невелико – около 500 погребений. Круглые курганы (рис. 2, 3) составляют 90 % всех таких памятников периода *кофун* и распространены по всей территории Японии.

Со второй половины VI в. постепенно квадратные курганы (рис. 2, 4) сменялись квадратно-круглыми, маркируя погребения глав кланов и местных вождей. Они получили наибольшее распространение в районах Кинки и Канто.

Двойной круглый курган (рис. 2, 5) внешне выглядел как две соединенных друг с другом круглых насыпи. Однако внутри он имеет только одну погребальную камеру, но с двумя саркофагами. В настоящее время выявлено только одно подобное сооружение – курган Канаяма (уезд Канан префектуры Осака). Единственным известным двойным квадратным объектом (рис. 2, 6) является курган Футагодзука, обнаруженный в уезде Тайси префектуры Осака. Он имеет вид двух соединенных квадратных насыпей [Хиросэ, 2015. С. 41]. Как и двойные круглые, двойные квадратные курганы выделяются в отдельный тип, поскольку подобная форма создавалась целенаправленно, а не являлась результатом случайного «соседства».

Курганы в форме многоугольников (рис. 2, 7) сооружались в период Асука для погребения родственников императора. К настоящему времени изучены три погребальных комплекса, имеющих в основании шестиугольник. Наиболее известен курган Марукояма (дер. Асука префектуры Нара) [Хиросэ, 2015. С. 41]. В конце VI в. появилась традиция возводить насыпи в виде восьмиугольника, которая связывается с влиянием даосизма, проникавшего из Китая. Такие сооружения пришли на смену квадратно-круглым в качестве императорских усыпальниц. К настоящему моменту обнаружено 12 погребений, к наиболее известным относятся усыпальница императора Дзёмэй (курган Даннодзука), совместная усыпальница императора Тэмму и императрицы Дзито (курган Ногутио:бо), усыпальница императора Момму (курган Накаояма) и др. [Хиросэ, 2015. С. 74].

Парные квадратные с круглой средней частью курганы (рис. 2, 8) относятся к начальному периоду эпохи *кофун*. Обнаружены на острове Сикоку и побережье острова Хонсю, выходящем к Харимскому морю [Хиросэ, 2015. С. 41]. Наиболее известны курган Кусяма (г. Тенри префектуры Нара), курган Нэкодзука (г. Такамацу префектуры Кагава, о-в Сикоку).

Курганы в форме морского гребешка (рис. 2, 9) отличались от квадратно-круглых короткой квадратной частью и, как правило, общим меньшим размером. Начало их сооружения относится к V в. Вероятнее всего, они строились над захоронениями местных вождей и чиновников невысокого ранга [Хиросэ, 2015. С. 76].

На разных этапах периода *кофун* менялось устройство погребальных камер. В начальный период создавались вертикально расположенные погребальные камеры (*татэана сэкисицу*) с глиняным основанием. Для погребения в них использовались деревянные колоды. Стенами камеры служили каменные плиты, которые плотно подгонялись друг к другу. Сверху постройка также перекрывалась плитами. Для герметичности свободные пространства между ними засыпались грунтом либо запечатывались глиняной массой. Внутри получившегося склепа создавались водоотводные каналы. В среднем периоде эпохи *кофун* (в конце IV – начале V в.) отмечается сооружение горизонтально расположенных погребальных камер (*ёкоана сэкисицу*), для погребения внутри которых стали использоваться каменные саркофаги. При создании горизонтальных камер могли применяться мегалиты. Прекращение практики строительства курганов стало следствием принятия буддизма и применения практики кремации.

Примерно с V в. в погребальных сооружениях Корейского полуострова и Японского архипелага начало проявляться сходство, которое можно рассматривать даже как явную одно-

родность. Среди общих для Корейского полуострова и Японских островов форм курганных построек следует выделить круглые, квадратные, двойные круглые, двойные квадратные и в форме морского гребешка строения (рис. 2, 3–6, 9). На территории Японских островов в период *кофун* наиболее распространены круглые курганы (рис. 2, 12, 13), аналогичными которым являются курганы Силла и Пэкче в южной части Корейского полуострова. При этом наиболее известным и значимым с точки зрения социальной иерархии типом курганов на Японских островах становится квадратно-круглый (рис. 2, 10, 11). В Корее в качестве аналога квадратно-круглым курганам Японии, вероятно, можно рассматривать 13 объектов с длиной насыпи от 24 до 76 м, расположенных во внутриконтинентальных районах юго-запада полуострова (провинция Чолла-намдо). Не все такие строения можно точно датировать, однако находки цилиндрических глиняных фигур типа *ханива* и деревянных ритуальных предметов, оставленных в свое время на поверхности на некоторых сооружениях, позволяют отнести их к концу V – началу VI в., хотя данный вопрос остается дискуссионным. Под курганными насыпями, начиная с V в., появились каменные комнаты с боковыми коридорами [Ямамото, 2018. С. 38]. Керамика *суэки* стала типичным элементом погребального обряда как на Японских островах, так и на Корейском полуострове; встречаются изделия из железа, золотые украшения, предметы роскоши.

Но если конструктивные элементы курганных сооружений приобретали со временем общие черты, то размеры этих сооружений стали ключевым различием для погребальной архитектуры Корейского полуострова и Японских островов. Курганы Японского архипелага характеризуются большими размерами, причем, чаще всего, размеры кургана напрямую связаны с положением погребенного человека в обществе (рис. 2, 14).

Выделенные в результате изучения курганов Корейского полуострова периода троецарствия и Японских островов периода *кофун* их общие черты позволяют говорить о наличии в эпоху палеометалла единства в формах, конструкциях и погребальном инвентаре. Таким образом, можно сделать вывод о процессах взаимопроникновения элементов культуры населения этих двух территорий.

Материалы данного обзора могут способствовать повышению мотивации студентов к изучению археологии Восточной Азии, культурных контактов древнего населения региона, могут быть полезны при выборе тем и написании курсовых и дипломных работ.

Список литературы / References

- Imamura K.** Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. Honolulu, University of Hawai'i Press, 1996, 246 p.
- Кан Хёнсук.** Когурё // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). Сеул: Хангук когохакхве, 2007. С. 223–254. (на кор. яз.)
 Kan Khensuk. Kogure [Kogure]. *Khanguk kogokhak kanyi* [Lectures on the Archaeology of Korea; Kogure]. Seoul, Khanguk kogokhakhve, 2007, p. 223–254. (in Kor.)
- Ким Гиун.** Кобун (Курганы). Сеул: Тэвонса, 2000. 120 с. (на кор. яз.)
 Kim Giun. Kobun [Mounds]. Seoul, Tevonsa, 2000, 120 p. (in Kor.)
- Ким Гильсик.** Кобун (Курганы) // Хангук когохак чонмун саджон (Кобунпхён) (Специализированный справочник по археологии Кореи). 02.08.2017. URL: http://portal.nrich.go.kr/kor/archeologyUsrView.do?menuIdx=797&idx=2739&st_char=&sk= (дата обращения 26.08.2017) (на кор. яз.)
 Kim Gilsik. Kobun [Kurgans]. *Khanguk kogokhak chonmun sadzhon (Kobunpkhen)* [Specialized Referencebook on Archaeology of Korea], 02.08.2017. Available at: http://portal.nrich.go.kr/kor/archeologyUsrView.do?menuIdx=797&idx=2739&st_char=&sk= (accessed 26.03.2017) (in Kor.)
- Ким Ёнсон.** Силла // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). Сеул: Хангук когохакхве, 2007. С. 301–330 (на кор. яз.)
 Kim Enson. Silla [Silla]. *Khanguk kogokhak kanyi* [Lectures on Archaeology of Korea]. Seoul, Khanguk kogokhakhve, 2007, p. 301–330. (in Kor.)

- Лим Ёнджин.** Кванджу Вольгедон-ый чангобун 2-ги (Два квадратно-круглых кургана Вольгедон в г. Кёнджу) // Хангук когохакпо (Археология Кореи). 1994. № 31. С. 237–264 (на кор. яз.)
Lim Ëndzhin. Kvandzhu Vol'gedon-yi changobun 2-gi [Two square-rounded Volgedon mounds in the city of Gyeongju]. *Khanguk kogokhakpo* [Archaeology of Korea], 1994, no. 31, p. 237–264. (in Kor.)
- Сон Джонъён, Со Хёнджу.** Пэкче // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). Сеул: Хангук когохакхве, 2007. С. 255–2300 (на кор. яз.)
Son Dzhon'en, So Khendzhu. Pekche [Pekche]. *Khanguk kogokhak kanyi* [Lectures on Archaeology of Korea]. Seoul, Khanguk kogokhakhve, 2007, p. 255–2300. (in Kor.)
- Хиросэ К.** Тисики дзэро кара но кофун ню:мон. [古墳入門ゼ口からの知識] (Введение в изучение эпохи кофун). Токио: Гэнто:ся, 2015. 174 с. (на яп. яз.)
Hirose K. *Tisiki ero kara no kofun nyu: mon* [An Introduction to Studying Kofun Period]. Tokyo, Gentosha, 2015, 174 p. (in Jap.)
- Ямамото Т.** Кодай канханто: то яматококу. [倭国と古代韓半島] (Древний Корейский полуостров и страна Ямато). Токио: Чуокорон синся, 2018. 256 с. (на яп. яз.)
Yamamoto T. Kodai kanhanto to yamatokoku [Ancient Korean Peninsula and Yamato Country]. Tokyo, Chuokoron shinsha, 2018, 256 p. (in Jap.)
- Ямато-но кофун II [大和古墳 II].** (Курганы Ямато II). Киото: Дзимбунсёин, 2006. 188 с. (на яп. яз.)
Yamatono kofun II [Burial mounds of Yamato II]. Kyoto, Jimbunshoin, 2006, 188 p. (in Jap.)

Материал поступил в редколлегию

Received
24.08.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Гнездилова Ирина Сергеевна**, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, gnezdilova06@mail.ru)
Irina S. Gnezdilova, junior researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, gnezdilova06@mail.ru)
- Нестеркина Анастасия Леонидовна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, a.l.subbotina@yandex.ru)
Anastasiya L. Nesterkina, PhD in History, researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, a.l.subbotina@yandex.ru)
- Соловьёва Елена Анатольевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, easolovievy@mail.ru)
Elena A. Solovieva, PhD in History, researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, easolovievy@mail.ru)
- Соловьёв Александр Иванович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, easolovievy@mail.ru)
Aleksander I. Soloviev, Doctor of History, leading researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, easolovievy@mail.ru)

УДК 902.3

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-18-43

**Опыт мультидисциплинарного исследования памятников
и материалов эпохи голоцена Барабинской лесостепи:
к 45-летию Западносибирского археологического отряда
Института археологии и этнографии СО РАН**

Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева, М. С. Нестерова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Представлены краткие результаты изысканий за последние 15 лет в рамках мультидисциплинарного подхода к исследованиям, проведенным Западносибирским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН на памятниках Барабинской лесостепи (Тартас-1, Венгерово-2, -2А, Старый Тартас-5, Усть-Тартас-1;-2; Чича-1; Венгерово-6 и др.) в тесном сотрудничестве с учеными естественнонаучного профиля: в области геофизики (Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; Институт Людвиг-Максимилиана, Мюнхен, Германия), физико-химических методов в изучении артефактов, древней керамики и каменных индустрий (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН; Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН, Новосибирск, Россия), молекулярно-генетических исследований древнего населения региона (Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск, Россия), изучения древней пищевой диеты аборигенного населения (Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя», Новосибирск, Россия; Центр археологии Курта Энгельхорна, Мангейм, Германия), изучения очажных устройств и древней металлургии, планиграфии древних поселков и архитектурных особенностей поселений (Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя», Новосибирск, Россия), хронологии древних комплексов радиоуглеродным методом (Гейдельбергский университет, Германия; Институт ядерной физики СО РАН, Новосибирск, Россия).

Ключевые слова

Барабинская лесостепь, неолит – ранний железный век, археологические памятники, методы естественных наук

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

Для цитирования

Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С. Опыт мультидисциплинарного исследования памятников и материалов эпохи голоцена Барабинской лесостепи: к 45-летию Западносибирского археологического отряда Института археологии и этнографии СО РАН // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 18–43. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-18-43

**Multidisciplinary Research of Sites and Materials
of the Baraba Forest-Steppe in Holocene: To the 45th Anniversary
of the West-Siberian Archaeological Detachment of the SB RAS**

L. N. Mylnikova, L. S. Kobeleva, M. S. Nesterova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. We show the main directions of work of the West Siberian archaeological detachment (team) of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, demonstrate the methods used and present the results and the possibilities of their interpretation.

© Л. Н. Мыльникова, Л. С. Кобелева, М. С. Нестерова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

Results. In 2018, the West Siberian archaeological detachment celebrates the 45th anniversary of its formation. The long-term head of the team is academician V. I. Molodin. All studies are carried out within the framework of a multidisciplinary approach starting from the search for archaeological objects (sites Tartas-1, Vengerovo-2, -2A, -6, Staryi Tartas-5, Ust'-Tartas-1,-2; Chicha-1, Vengerovo-6 and others) to their laboratory investigation. We widely apply a range of analytical methods in all of our activities including almost all stages of research: from the search for archaeological sites to their processing in close cooperation with various scientists. We collaborate with specialists from the Institute of Geology and Mineralogy SB RAS, Novosibirsk, Russia; the Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS, Novosibirsk, Russia; the Institute of Solid State Chemistry and Mechanochemistry SB RAS, Novosibirsk, Russia; the Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk, Russia; the Institute of Nuclear Physics SB RAS, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia; the Center of Collective Use (CCU) "Geochronology of Cenozoic", Novosibirsk, Russia; Heidelberg University, Heidelberg, Germany; Ludwig-Maximilian Munich Institute, Munich, Germany; the Center of Archaeology of Kurt Engelhorn, Mannheim, Germany and others.

Conclusion. Studies of the West Siberian archaeological detachment, which were carried out over the recent two decades, have provided new data that develop existing points of view, clarify existing concepts or allow to build new concepts of historical and cultural processes. It is obvious that the modern paradigm of science requires participation of specialists in natural sciences at all stages of archaeological research.

Keywords

Baraba Forest Steppe, archaeological sites, the Neolithic – Early Iron Age, methods of natural sciences

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

For citation

Mylnikova L. N., Kobeleva L. S., Nesterova M. S. Multidisciplinary research of sites and materials of the Baraba forest-steppe in Holocene: to the 45th anniversary of the West-Siberian Archaeological Detachment of the SB RAS. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 18–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-18-43

В 2018 г. Западносибирский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, бессменным руководителем которого является академик В. И. Молодин, отмечает 45-летие со времени образования. Исследования памятников в Барабинской лесостепи позволили В. И. Молодину разработать концепцию этнокультурных процессов в регионе от эпохи верхнего палеолита до этнографической современности. Раскопки отряда начала XXI в. привели к открытиям, принципиальным образом изменившим представления о динамике древнейших исторических процессов в Северной Азии. Этому способствует комплексный подход к изучению памятников и полученных материалов, постановка новых методических и исследовательских задач, привлечение и анализ новых источников [Деревянко и др., 2005; 2007; 2016; Конькова, 2001; Молодин, 2001а; Ушаков, Черных, 2016; Цетлин, Волкова, 2010].

Сегодня археологическая наука во многом связана с мультидисциплинарным подходом. Область применения таких аналитических методов разнообразна и включает в себя почти все этапы: от поиска археологических объектов до их камеральной обработки [Деревянко и др., 2005; 2007; 2016; Молодин, 2001а; 2001б]. Исследования, проводимые Западносибирским археологическим отрядом, также базируются на применении мультидисциплинарного подхода, что и демонстрирует данная статья.

Все работы ведутся в тесном сотрудничестве с коллективами ученых естественнонаучного профиля. В области геофизики это Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия), Институт Людвиг-Максимилиана (Мюнхен Германия); в физико-химических методах в изучении артефактов, древней керамики и каменных индустрий – Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН, Институт химии твердого тела и механохимии СО РАН (Новосибирск, Россия); в молекулярно-генетических исследованиях древнего населения региона – Институт цитологии и генетики СО РАН (Новосибирск, Россия); в изучении древней пищевой диеты аборигенного населения – Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» (Новосибирск, Россия), Центр археологии Курта Энгельхорна

(Мангейм, Германия), в изучении очажных устройств и древней металлургии, планиграфии древних поселков и архитектурных особенностей поселений – Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» (Новосибирск, Россия); хронологии древних комплексов радиоуглеродным методом – Гейдельбергский университет (Германия), Институт ядерной физики СО РАН (Новосибирск, Россия). Такая совместная деятельность обеспечивает высокий уровень результатов изысканий за последние почти 20 лет на археологических памятниках Барабинской лесостепи (Тартас-1, Венгерово-2, -2А, Старый Тартас-5, Усть-Тартас-1;-2; Чича-1; Венгерово-6 и др.).

Представление основных направлений данной работы и введение в научный оборот полученных результатов, демонстрация возможностей их объективной интерпретации, опирающейся на неоспоримые данные естественных наук, является целью данной публикации.

Предваряющим этапом археологических исследований является геофизический мониторинг территории. Использование аппаратно-программного комплекса сверхчувствительных приборов с высокой скоростью сканирования и соответствующим программным обеспечением позволяет оперативно получать магнито- и радарограммы, а также карты распределения удельного электрического сопротивления археологических объектов [Молодин, 2001а; 2001б; Эпов и др., 2017]. Благодаря этому археологи еще до начала раскопок имеют представление о характере памятника, его границах и определяют стратегию дальнейших исследований объекта.

Результатом продолжающегося сотрудничества с группой геофизиков ИНГГ СО РАН и Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана на грунтовых разновременных памятниках Тартас-1 и Усть-Тартасские курганы (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) отработаны различные методы съемки (высокоточная магнитометрия, высокоточная магнитометрия на легких БПЛА, геоэлектрика). Данные съемки проверены археологическими раскопками. В итоге получены сводные карты распределения градиента магнитного поля, опробованы различные геофизические приборы, выявлены новые археологические объекты на уже известных памятниках. В частности, в полевом сезоне 2016 г. при геофизической съемке периферии объектов саргатской культуры на территории могильника раннего железного века Усть-Тартасские курганы было обнаружено наличие аномалий, не связанных с площадью курганов. В 2017–2018 гг. проведены раскопки этих новых объектов, в результате которых установлено, что могильник саргатской культуры сооружен на более ранних памятниках – стоянке эпохи раннего неолита и могильнике эпохи неолита – развитой бронзы.

На периферии курганов саргатской культуры памятников Венгерово-6, Тартас-2, Одиночный курган Государево Озеро, Усть-Тартасские курганы во время раскопок зафиксированы различные элементы конструкции, читаемые на геофизических картах как аномалии: двойные рвы, ров подквадратной формы, погребения, расположенные по кругу, погребения во внутренних рвах. Все перечисленные элементы, за исключением подквадратных рвов, на территории Центральной Барабы для курганов саргатской культуры выявлены ранее и могут быть обозначены как типичные составные конструкции [Парцингер и др., 2016].

Раскопки памятника Тартас-1 изначально ведутся сплошной площадью в рамках геофизической сетки, что позволяет проводить корректные сопоставления археологических и геофизических данных [Эпов и др., 2016]. В ходе многолетних исследований на могильнике выявлены разновременные и разнокультурные объекты: могильники эпохи неолита – позднего Средневековья, стоянка эпохи неолита, ритуальные строения эпохи поздней бронзы. Для захоронений эпохи развитой бронзы установлены различные формы организации погребального пространства: расположение захоронений рядами, обособление одного или нескольких захоронений округлым, в некоторых случаях разомкнутым ровиком и ритуальными ямами аморфной формы, которые также в виде аномалий читались на геофизических картах (рис. 1).

На поселении Венгерово-2 выполнен большой объем магнитной (2563 кв. м) и электромагнитной съемки (2133,5 кв. м). При использовании метода вертикального градиента выяв-

лены особенности жилищных западин: контуры конструкций, наличие земляной завалинки, местоположение очага и других объектов, имеющих следы воздействия высокой температуры [Дядьков, Позднякова, 2017; Эпов и др., 2016], что дало возможность оптимально организовать процесс раскопок на лесистой местности.

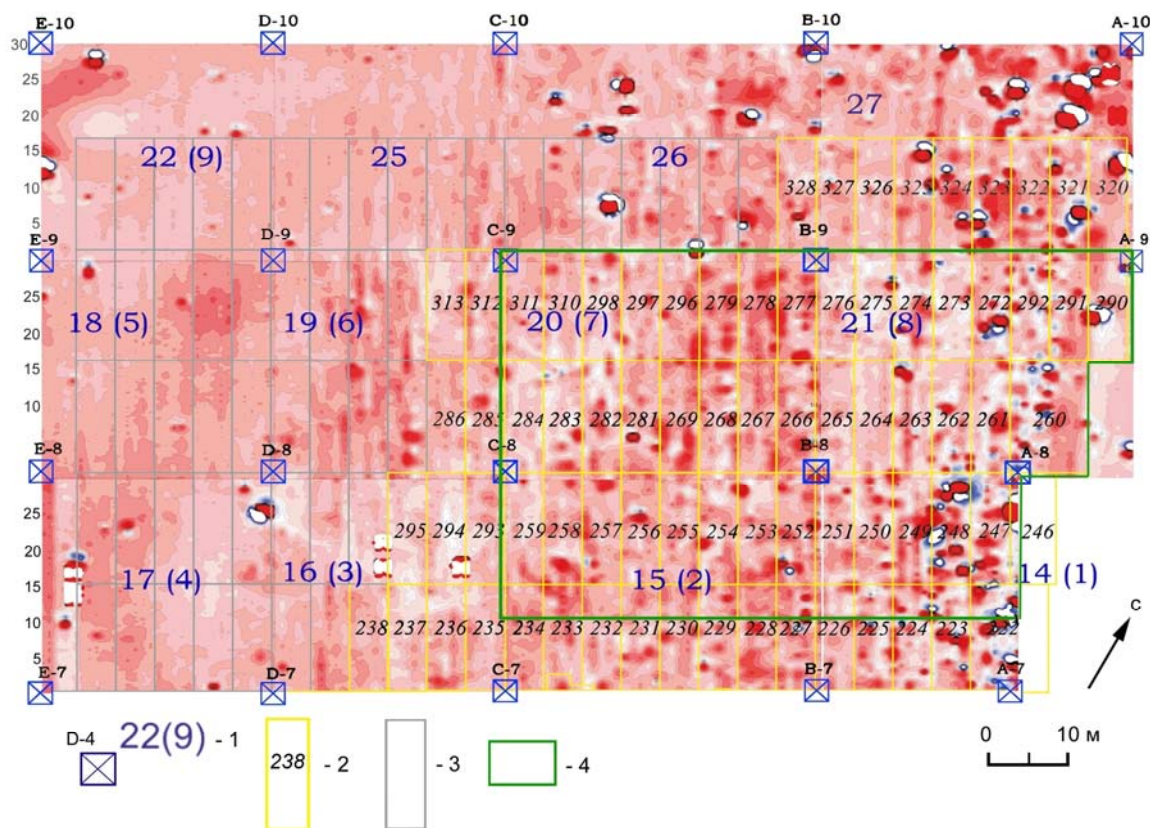

Рис. 1. Геофизическая карта участка памятника Тартас-1:

1 – геофизические отметки; 2 – раскопанные траншеи с обозначением порядкового номера; 3 – нераскопанные траншеи; 4 – границы археологически исследованного участка памятника, представленного на фото (см. рис. 2)

Fig. 1. Geophysical map of the of the Tartas-1 site:

1 – geophysical marks; 2 – excavated trenches with the designation of the sequence number; 3 – not excavated trenches; 4 – the boundaries of the archaeological site presented on the photo (look fig. 2)

Собственно полевые работы отряда базируются на применении современных методов фиксации, обеспечивающих сбор полноценной информации в процессе изучения памятника. Качественная и достоверная фиксация является обязательным условием проведения любых археологических исследований [Шакиров, 2015; Зайцева, Пушкарев, 2009]. Использование тахеометров, цифровых фотографий, в том числе сделанных с квадрокоптера (рис. 2) при фиксации археологических объектов, обеспечивает точность чертежей, стратиграфических профилей и планов с индивидуальной привязкой всех обнаруженных артефактов. В свою очередь, работа с цифровой документацией дает возможность их дальнейшей статистической и компьютерной обработки с помощью специального программного обеспечения (CorelDRAW, IndorCAD, ArcGIS и др.) [Афанасьев, 2004; Коробов, 2016]. Дополнительным преимуществом становится и доступность информации в электронном виде для широкого круга специалистов – геоморфологов, геофизиков, картографов.

Рис. 2. Фото с квадрокоптера участка памятника Тартас-1 с рядами исследованных могил, ям и конструкций в виде погребений, окруженных ровиками

Fig. 2. Photos from the quadcopter of the Tartas-1 site with rows of investigated graves, pits and structures in the form of burials surrounded by dugouts

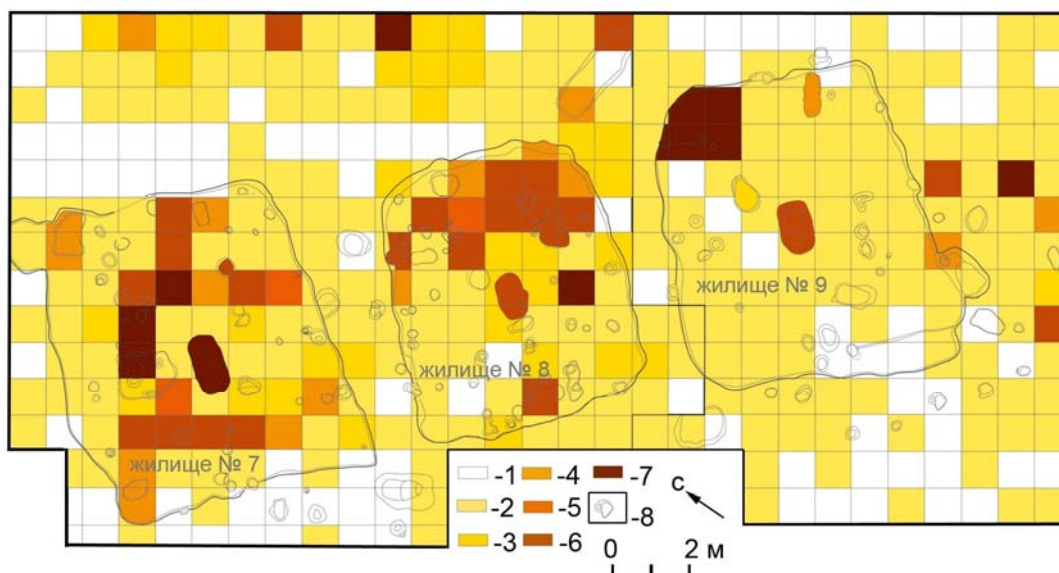

Рис. 3. Статистико-планиграфическое распределение фрагментов керамики на 1 кв м площади в жилищах № 7–9 поселения Венгерово-2:

1 – керамика отсутствует; 2 – 1–19; 3 – 20–29; 4 – 30–39; 5 – 40–49; 6 – 50–80; 7 – от 80 и более фрагментов; 8 – границы жилищных котлованов и объектов

Fig. 3. Statistical- planigraphic distribution of ceramic fragments on a square meter in dwellings no 7 to 9 of the settlement of Vengerovo-2:

1 – pottery is absent; 2 – 1–19; 3 – 20–29; 4 – 30–39; 5 – 40–49; 6 – 50–80; 7 – 80 or more fragments; 8 – the boundaries of the housing of excavations and objects

Индивидуальная фиксация артефактов с привязкой к археологическим структурам позволила на примере поселения кротовской культуры Венгерово-2 осуществить статистическое и планиграфическое распределение различных категорий находок в структуре жилищного и межжилищного пространства. Полученные планы по плотности распределения артефактов отразили не только размещение хозяйственно-производственных зон, но и основные пути передвижения древнего населения по площади поселка (рис. 3).

Процесс камеральной обработки материала включает обязательный этап отбора образцов непосредственно в полевых условиях для различных видов естественнонаучного анализа при участии соответствующих специалистов. Перечень исследований, для которых проводится отбор образцов и составление на них паспортов, включает палеоантропологическое, палеоостеологическое, палеоихтиологическое, палеоорнитологическое, химическое, петромагнитное направления. Для радиоуглеродного анализа по возможности формируются дублирующие образцы из одного комплекса, но из разных материалов: дерево, уголь, кости животных, кости человека, керамика, что обеспечивает методическую верификацию полученных датировок. Отбор материала для палеогенетических исследований непосредственно в полевых условиях при использовании защитных перчаток и масок (рис. 4) предотвращает возможную контаминацию образцов [Молодин, Пилипенко, 2015].

Для более эффективного планирования магнитометрических исследований и использования их результатов при интерпретации магнитных аномалий на памятнике Тартас-1 сотрудниками ИНГГ СО РАН д-ром геол.-минерал. наук А. Ю. Казанским и д-ром геол.-минерал. наук Г. Г. Матасовой проведено геоморфологическое изучение почв и установлено, что на разных участках магнитная чувствительность почвы имеет значительные отличия. Корреляция археолого-геофизических данных показала, что аномалии от археологических объектов, наполненных черноземными почвами, имеют четкие формы, в других случаях они аморфны или не фиксируются [Матасова и др., 2016]. В 2011–2015 гг. были осуществлены геохимические и петромагнитные исследования на памятниках Венгерово-2 и Старый Тартас-5 [Эпов и др., 2016]. Они определили перспективы применения данных методов при изучении объектов, заполнение которых отличается гумусированным составом. К таким структурам относятся хозяйственные ямы, территория межжилищного пространства вдоль забора, окружающего поселок, а также пространство внутри котлована вдоль его стен. Таким образом, применение выработанной методики дает возможность качественно повысить поиск разнотипных и разновременных археологических объектов и существенно оптимизировать стратегию исследования древних памятников.

Рис. 4. Процесс отбора для специальных исследований образцов палеоантропологического материала из неолитического погребения на поселении Венгерово-2 (фото Л. Н. Мыльниковой)

Fig. 4. The process of sampling of paleo-anthropological material from the Neolithic burial in the settlement of Vengerovo-2 for special studies (photo by L. N. Mylnikova)

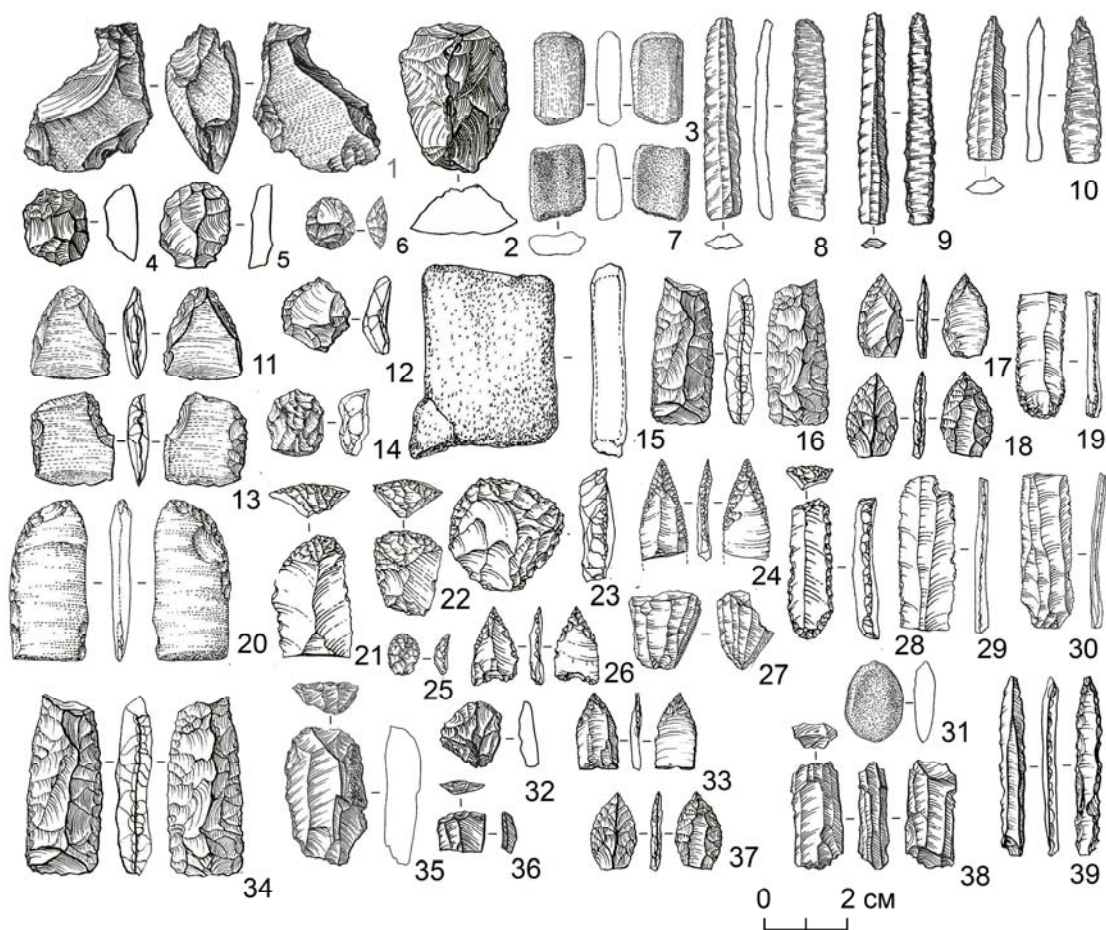

Рис. 5. Каменный инвентарь из памятников эпохи голоцена Барабинской лесостепи:
 1–10 – стоянка эпохи раннего неолита Тартас-1; 11–19 – могильник позднего неолита Венгерово-2А;
 20–30 – поселение одиновской культуры Старый Тартас-5; 31–39 – поселение кротовской культуры Венгерово-2

Fig. 5. Archaeological finds of stone from the sites of the epoch of the Holocene in Baraba steppe:
 1–10 – early Neolithic site Tartas-1; 11–19 – the burial of the late Neolithic Vengerovo-2A; 20–30 – settlement
 Odino culture Staryi Tartas-5; 31–39 – settlement Krotovo culture Vengerovo-2

Второй этап исследования включает анализ полученных материалов специальными археологическими и доступными на современном уровне развития науки естественнонаучными методами.

Значительной по объему категорией инвентаря на памятниках эпохи неолита и бронзы Барабинской лесостепи являются каменные орудия. Однако информационный потенциал этого источника остается слабо востребованным. В условиях отсутствия выходов каменного сырья на этой территории поиск критериев для различия каменного инвентаря разных культур и хронологических периодов весьма актуален для установления автохтонности или импорта, преемственности или смены культурных традиций. В рамках решения этой задачи был проведен анализ каменной индустрии эпохи неолита – бронзы Барабинской лесостепи по материалам памятников Тартас-1, Венгерово-2А, Старый Тартас-5, Венгерово-2 (рис. 5), включающий технико-морфологический и петрографический методы (определения выполнены канд. геол.-мин. наук Н. А. Кулик).

Сравнение коллекций стоянки эпохи раннего неолита, неолитического могильника позднего неолита и поселений бронзового века позволяет сделать вывод об идентичности технологии обработки каменных орудий, характеризующейся как пластинчатая при большом значении вкладышей. Исключение составляет комплекс эпохи раннего неолита, отличающийся наличием таких специфических изделий, как пластины со скошенным торцом или преднамеренно усеченные, вкладыши с крутой притупляющей вентральной ретушью, полуреберчатые пластины, а также использованием, помимо отжимной техники, удара мягким отбойником. Отличием комплексов бронзового века является больший износ поселенческих артефактов и употребление населением даже самых непрезентабельных отщепов и сколов в хозяйственной деятельности, о чем свидетельствуют следы вторичной обработки и ретушь утилизации практически на всех каменных изделиях.

В качестве сырья для большинства артефактов использовались окремненные и окварцованные мелко- и среднезернистые кварцевые песчаники и песчанистые алевролиты. Вторую группу образуют породы, применявшиеся в качестве абразивов. Для «жестких» абразивов использовались мелко- и среднезернистые олигомиктовые песчаники, песчанистый алевролит, обломки кварц-полевошпатовой тонкозернистой породы с каолинизированным полевым шпатом. «Мягкие» абразивы изготовлены на обломках гальки кислого эффузива, замещенного слюдистым агрегатом гидрослюдистого сланца. Таким образом, отсутствует выраженная специализация различных видов каменного сырья [Молодин и др., 2015б].

Галечный характер сырья и принадлежность большей его части к северо-казахстанскому типу позволяет сделать вывод, что сырьевой базой для каменной индустрии памятников эпохи неолита – бронзы Барабинской лесостепи могли выступать лишь аллювиальные отложения р. Иртыш. Значительное количество мелких отщепов, сколов и чешуек при малой численности нуклеусов говорит о доставке на поселения / места обитания сырья в виде заготовок. Следы использования мелких отходов, как и части сработанных нуклеусов, подчеркивают дефицитность каменного материала, подтверждая его приносной, импортный характер. Таким образом, поступление сырья происходило с запада, возможно, с водной транспортировкой его по р. Омь, что позволяет на новом уровне интерпретировать наличие культурных связей населения эпохи неолита и бронзы Барабинской лесостепи с западными «соседями».

С момента возникновения археологии изучение керамики является одной из фундаментальных дисциплин как отечественной, так и зарубежной науки: в отличие от других материалов гончарные изделия хрупки, но нетленны. Посуда из глины начиная с эпохи раннего неолита становится одним из массовых продуктов человеческой деятельности.

Сегодня в российской археологии все больше утверждается технология анализа этого массового материала, основанная на совокупности традиционных археологических методов и методов естественных наук [Современные подходы..., 2013; 2015; Традиции и инновации..., 2016].

Используемые для изучения керамики методы можно объединить по группам: 1) выделение технологической информации; 2) изучение форм; 3) анализ орнамента; 4) реконструкция культурных традиций в гончарстве. Всем группам отвечают бинокулярная микроскопия, трасология и эксперимент (физическое моделирование), активно привлекаемые для решения задач керамистики в рамках историко-культурного подхода (см. [Бобринский, 1978; Васильева, 1993; 2011; Васильева, Салугина, 1999; Волкова, 1996; 1998; 2010; Цетлин, 2012] и др.). Сегодня единственным регионом России, где гончарство как древнейшее производство реконструировано с эпохи неолита до XVI–XVIII вв., а результаты изучения керамических комплексов привлечены для решения историко-культурных вопросов, является Самарское Поволжье [Васильева, Салугина, 2010].

Для обобщения информации о технологии изготовления сосудов, выделения гончарных традиций и определения места и времени их существования традиционно используются методы статистики, картографирования, стратификации, корреляции выделенных технико-

технологических характеристик с морфологией и орнаментом изделий [Генинг, 1973; 1992; Клейн, 1991; Nordström, 1972; Shepard, 1965].

Методы естественных наук, представляющие результаты для реконструкции гончарной технологии, разнообразны (см. [Методы минералогических исследований..., 1985; Глушков, 1996; Гражданкина, 1965; Гребенщиков, Деревянко, 2001; Дьякова, 1993; Жущиховская, 2004; Жущиховская, Залищак, 1986; Круг, 1963; 1965; Ламина и др., 1995; Сайко, 1960; 1965; 1982; Сайко, Жущиховская, 1990; Horejs et al., 2010; Bourchard, 1971; Hugo Morley-Fletcher, 1985; Glascock, 1992; Hoffman, 1983; Leeuw, 2002; Lode, 1987; Mabias, 2002; Malina, 1980; Matson, 1971; Mayes, 1961; Noll, 1991; Recent developments in ceramic Petrology, 1997; Sala, 1996; Shepard, 1965; Tite, 1969] и др.). Сведения о текстуре можно получить по результатам оптической, сканирующей электронной и атомно-силовой микроскопии; химический состав формовочных масс изучается с помощью химического анализа («мокрая химия»), рентгеновской флуоресценции, атомно-абсорбционной спектроскопии и нейтронной активации; кристаллические фазы в формовочной массе регистрирует рентгенофазовый анализ; петрография определяет количественное и качественное соотношение между компонентами формовочной массы; термические методы предоставляют информацию об изменении свойств керамики при изменении температуры.

В Новосибирском научном центре коллективом археологов ИАЭТ СО РАН и химиков НОЦ НГУ научному сообществу предложен комплекс методов, включающий петрографию [Жущиховская, 2004; Жущиховская, Залищак, 1986; Круг, 1963; 1965; Ламина и др., 1995; Глушков и др., 1999; Сайко, 1960; 1965; 1982; Сайко, Жущиховская, 1990], порошковую рентгенографию (РФА) [Гражданкина, 1965; Методы..., 1985] и термический анализ [Drebushchak et al., 2005]. Результативность сочетания этих методов обеспечивается взаимным дополнением друг друга, что снижает стоимость работ и повышает информативность результатов. Отработана также методика выявления качества обжига изделий [Ibid.].

В настоящее время с применением этого сочетания методов изучены керамические комплексы памятников Барабинской лесостепи. В итоге создана оригинальная база данных, состоящая из коллекции петрографических шлифов образцов керамики и их полного описания, графов термогравиметрических кривых и дифрактограмм.

Гончарство в лесостепи Барабы развивалось особым путем, что объяснялось технологической целесообразностью [Жущиховская, 2006]. При наличии достаточно разнообразного ожелезненного исходного сырья (глины, суглинки), особенностью сырьевой базы является отсутствие выходов камня, поэтому основной примесью в формовочные массы с эпохи неолита являлся шамот. Этот факт не позволяет выделять традиции составления формовочных масс гончарами. Но легко диагностируется привозная керамика: любой комплекс, имеющий в рецепте формовочных масс породные обломки, будет не местным, а привозным.

В последнее десятилетие в Барабинской лесостепи выявлены памятники неолита с комплексами плоскодонной посуды. По материалам могильников Тартас-1, Усть-Тартас-2, поселения Венгерово-2, где обнаружена плоскодонная керамика, получена серия ранних дат [Молодин и др., 2018]. Все датировки образцов укладываются в пределы VII тыс. до н. э., включая рубежи VI и VIII тыс. до н. э. На основе их анализа можно говорить о существовании в Барабе и лесостепном правобережном Прииртышье не известного ранее периода неолита – раннего неолита, что вовлекает регион в общую для Западной Сибири проблематику – взаимоотношения с другими культурными образованиями (см. [Ивасько, 2002; 2008; Ковалева, Зырянова, 2008; Косинская, 2010; 2014; Мерц, 2015; Стефанов, Борзунов, 2008] и др.).

Технико-технологические особенности керамических комплексов раннего неолита выражены в плоскодонной форме, технике формовки изделий упорядоченным лоскутным налепом, использовании формовочного шнура на верхней части сосуда, наличии валика-наплыва по периметру дна как результата формовки, разнообразии орнаментальных мотивов и отсутствии стандартной композиционной схемы.

Керамика позднего неолита представлена круглодонными (приостреннодонными) формами с неодинаковыми морфологическими характеристиками. Отмечено использование разно-

го сырья и шамота с различной степенью подготовки, а также разной органики (сухая и переработанная). Объединяет керамику способ изготовления – жгутовой по емкостной программе, а также манера нанесения орнамента: со дна, из углубления в центре, горизонтальными витками по спирали по всей поверхности изделия не зависимо от формы орнамента. Таким образом, у одной группы населения фиксируется наличие разных традиций отбора исходного сырья, составления формовочных масс, обработки поверхности и морфологическое разнообразие посуды, что свидетельствует о смешанном характере гончарных традиций населения эпохи позднего неолита [Бобринский, 1978; Цетлин, 2012].

Анализ керамических комплексов переходного времени от бронзового к железному веку также позволил сделать ряд важных выводов по проблемам историко-культурного характера в рамках диалога культур.

Состояние гончарства населения лесостепи охарактеризовано как неустойчивое, синкретичное. Сосуществование разных гончарных традиций у населения одного поселка, наличие смешанных комплексов – отличительные черты периода, что неоднократно отмечено исследователями [Матвеев, Аношко, 2009; Молодин, 2014; Мыльникова, Чемякина, 2002; Папин, Шамшин, 2005; Труфанов, 1990; Шерстобитова, 2008; 2010]. Например, на городище Чича-1 зарегистрировано одновременное существование вместе с автохтонной ирменской – позднеирменской традиции гончарства – сузгунской, красноозерской, молчановской, берликовской [Молодин, 2015] и «северной». Керамика двух последних классифицирована как привозная.

В поясе лесостепи Западной Сибири, в том числе в Барабе, в переходное время выделены два типа памятников, различающихся составом компонентов гончарных традиций. Это памятники с автохтонной керамической традицией (к ней в Барабе относится Омь-1), где комплексы демонстрируют единую эволюционную линию развития (ирменская – позднеирменская), и памятники многокомпонентные, в коллекциях которых сочетаются автохтонный (ведущий) и инокультурный (ые) компонент (ы) (Чича-1). По результатам изучения многокомпонентных объектов выделены три модели взаимодействия автохтонной традиции с инокультурной: механическая (демонстрируют материалы памятников с «привозной» керамикой без признаков адаптации к местной среде), синкретичная (связана с памятниками, в коллекциях которых фиксируются разные гончарные традиции, их взаимовлияние, смешение в пределах одного комплекса) и опосредованная (результат реализации второй модели – наличие керамики со смешанными чертами при отсутствии «первоначальных» компонентов).

С применением методов естественных наук уточнены характеристики каждой выделенной культурной группы. Шамотная позднеирменская традиция составления формовочных масс четко отделяется от гамаюнской (примесь талька) и традиций таяжских культур (примесь дробленых гранитоидов)¹ (рис. 6). Это позволяет улавливать направления контактов населения.

В технологии изготовления сосудов для посуды позднеирменской культуры можно говорить о преобладании ленточного налепа, сузгунской и красноозерской – жгутовой, берликовской – лоскутной.

Отмечается превалирование в морфологии горшковидных плоскодонных сосудов, наличие у определенного процента изделий эпохально «модной» «молчановской» горловины при большой схожести других морфологических элементов (рис. 7, 1, 2). Керамические комплексы демонстрируют наличие «привычных» форм, отражающих автохтонные традиции, однако большинство сосудов принадлежит к «переходным» формам – «формам-подражаниям» (рис. 7, 3).

Для керамики отмечается одинаковая направленность в украшении сосудов. Общими элементами орнамента являются сетка, горизонтальные линии, заштрихованные ленты, «жемчужник», полоса горизонтального орнамента, заключенная между двумя прочерченными горизонтальными линиями. Керамика позднеирменской группы с памятников Барабинской

¹ Петрографический анализ выполнен петрографами И. Ю. Вильковской и Л. И. Зубаревой.

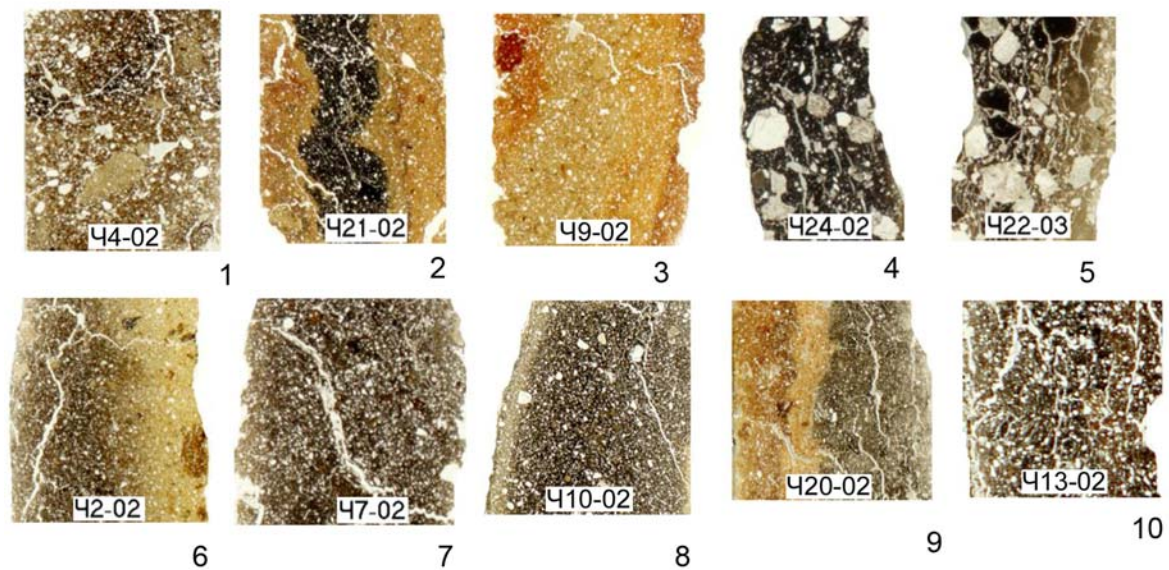

Рис. 6. Фото участков шлифов образцов керамики городища Чича-1 с обозначением шифра (номера) шлифа: 1–3 – красноозерская группа; 4–5 – керамика с крестовым орнаментом (северная); 6 – берликовская группа; 7 – керамика с чертами раннего железного века; 8–9 – ирменско-позднеирменская группа; 10 – сузгунская группа

Fig. 6. Photos of petrographic thin sections of samples of settlement ceramics Chicha-1 with the numbers: 1–3 – Krasnoozerska group; 4–5 – ceramics decorated with a stamp in the form of a cross (Northern); 6 – Berlik group; 7 – ceramics with the characteristics of the early Iron age; 8–9 – Irmen-Pozdneirmen group; 10 – Suzgun group

лесостепи наиболее полно несет на себе черты позднеирменской культуры: здесь двойной ряд «жемчужника» с разделителем, своеобразные венчики со скошенной наружу орнаментированной площадкой; сосуды с молчановской горловиной встречаются чаще, чем на других территориях ареала.

Важные результаты получены при исследовании термогравиметрическим анализом керамических комплексов эпохи неолита – Средневековья (термический анализ выполнен канд. хим. наук В. А. Дребушак и канд. хим. наук Н. В. Штерцер, рентгенофазовый анализ проведен канд. хим. наук Т. Н. Дребушак, Новосибирский государственный университет). Образцы эпохи неолита имеют низкое качество обжига. Вместе с тем большая часть исследованных образцов эпохи бронзы (рис. 8) и раннего железного века также подвергалась кратковременному низкотемпературному обжигу, при котором минералы глин (каолинит и монтмориллонит) теряли межслоевую воду и частично гидроксилы, но сами не исчезали.

По результатам термического анализа установлено, что в некоторых случаях гончары позднеирменской и саргатской культур Барабы для изготовления дна, стенок и венчика использовали формовочную массу разного состава, включая различное количество отошителей. Данный технологический прием для названных культур зафиксирован впервые. Подчеркнем также, что термический метод позволил выявить на материалах городища Чича-1 функциональное назначение некоторых сосудов: например, для хранения огня. Археологическими методами подобные результаты получить невозможно.

Проведено исследование технологии изготовления керамики саргатской культуры раннего железного века Барабинской лесостепи [Кобелева, 2009]. Все проанализированные на петрографическом микроскопе образцы сосудов изготовлены из суглинков монтмориллонит-гидроалюминистого состава с незначительной примесью пылеватого обломочного материала (полевошпатово-кварцевого).

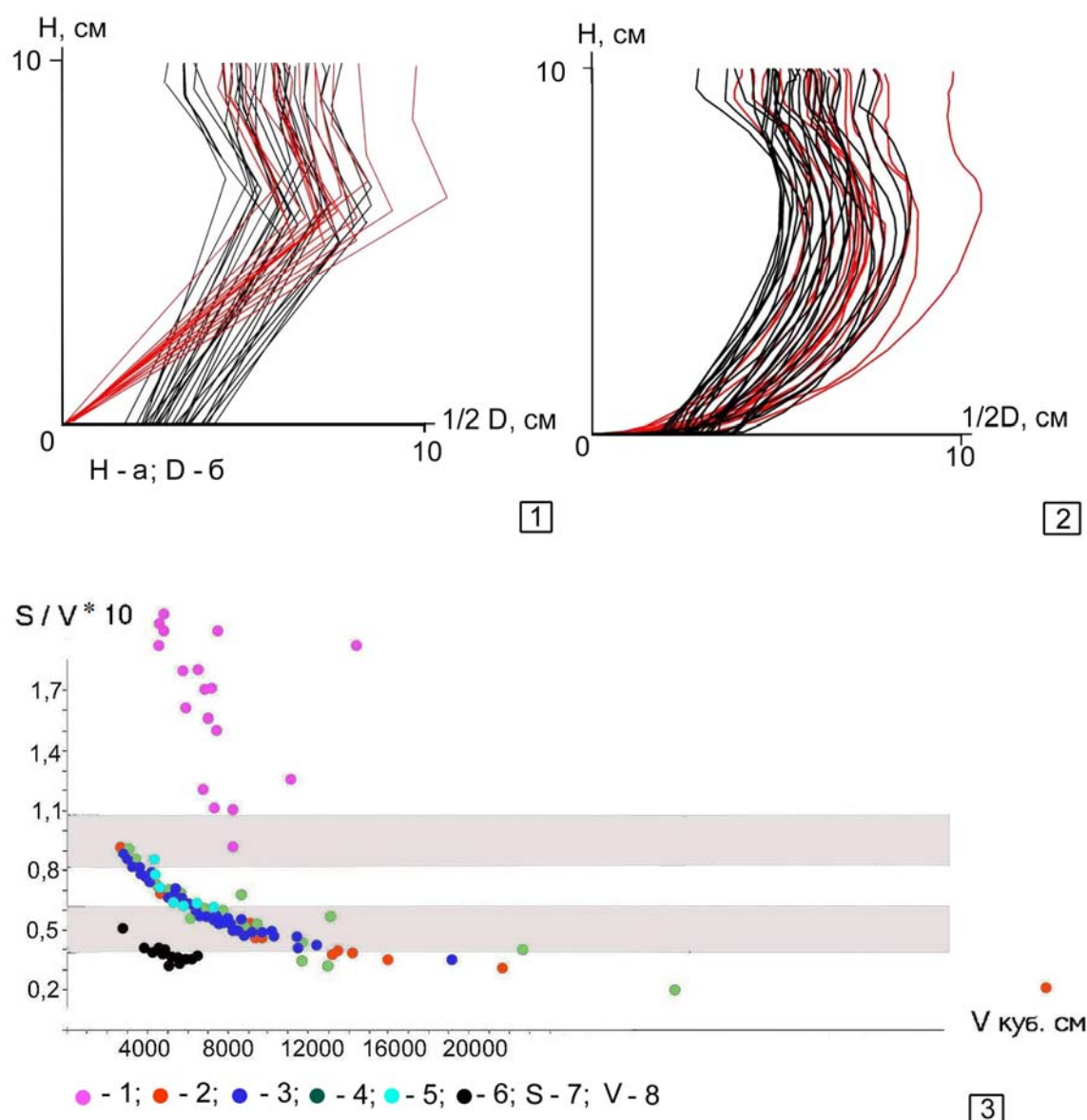

Рис. 7. Графическая демонстрация результатов изучения морфологии сосудов городища Чича-1:

1 – «полускелеты» сосудов ирменско-позднеирменской группы керамики (красным цветом обозначены круглодонные, черным – плоскодонные изделия); а – высота сосуда; б – диаметр по венчику; 2 – полупрофили сосудов ирменско-позднеирменской группы керамики (красным цветом обозначены круглодонные, черным – плоскодонные изделия); 3 – график общей пропорциональности сосудов городища Чича-1: 1 – ирменско-позднеирменская группа, круглодонные изделия с горловиной; 2 – ирменско-позднеирменская группа, сосуды без горловины; 3 – ирменская – позднеирменская группа, плоскодонные изделия с горловиной; 4 – красноозерская группа; 5 – группа синкретичной керамики; 6 – берликовская группа; 7 – площадь сосуда; 8 – объем сосуда

Fig. 7. Graphical demonstration of the results of studying the morphology of the ceramic vessels from the site Chicha-1:

1 – “Semi-skeletons” of vessels Irmen-Pozdneirmen group of ceramics (red color indicates round-bottomed, black – flat-bottomed products); a – the height of the vessel; b – diameter at the rim of the vessel; 2 – “Semi-profiles” of vessels Irmen-Pozdneirmen group of ceramics (red color indicates round-bottomed, black – flat-bottomed products); 3 – graph of the total proportionality of the vessels of the settlement Chicha-1: 1 – Irmen-Pozdneirmen group, flat bottom products with neck; 2 – Irmen-Pozdneirmen group, round-bottomed products without the neck; 3 – Irmen-Pozdneirmen group, flat bottom products with neck; 4 – Krasnoozerska group; 5 – pottery group with mixed ornamental motifs; 6 – Berlic group; 7 – the area of the vessel; 8 – the vessel volume

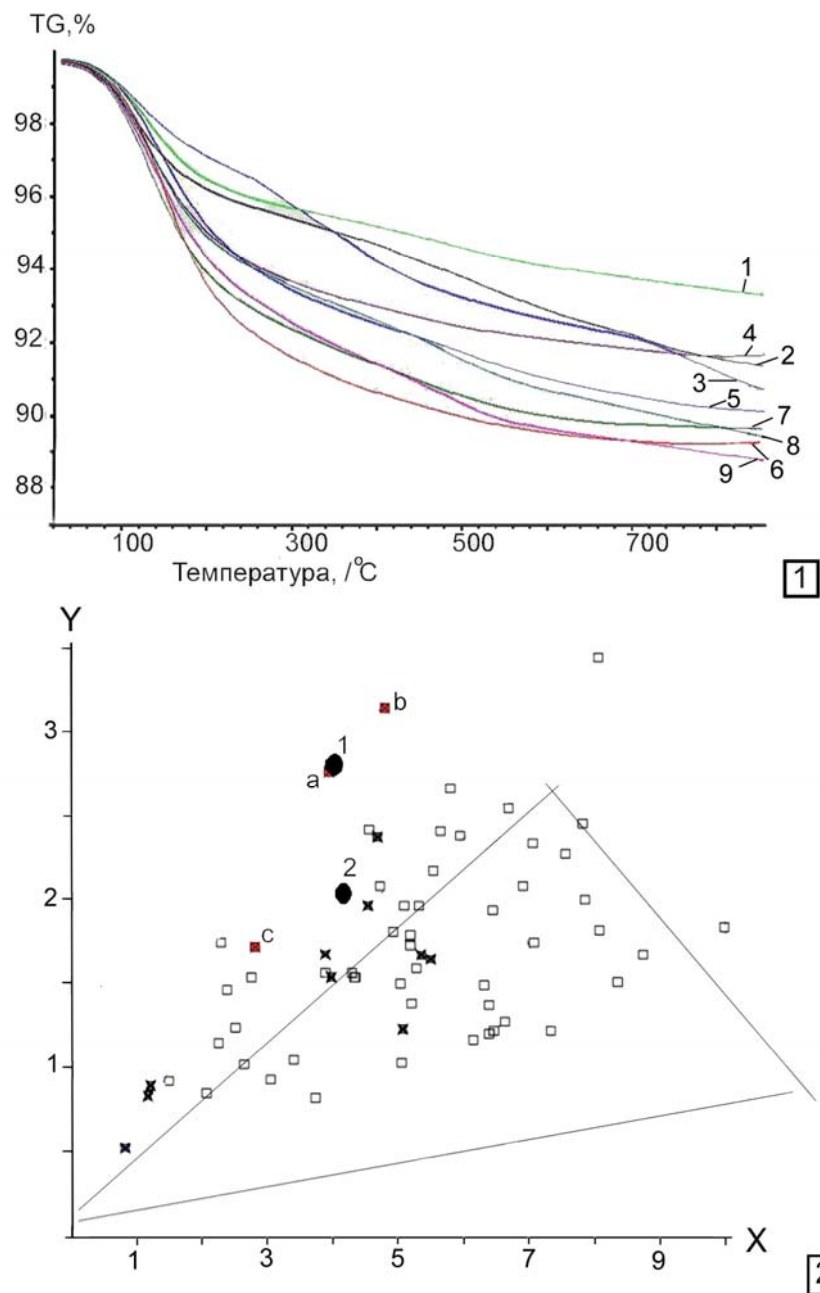

Рис. 8. Сводка результатов термогравиметрических измерений образцов керамики городища Чича-1:

1 – кривые потери массы (кривые TG) образцами керамики ирменской группы городища Чича-1 (1 – Ч27-01; 2 – Ч46-02; 3 – Ч30; 4 – Ч45-02; 5 – Ч47-02; 6 – Ч19-01; 7 – Ч43-02; 8 – Ч32-01; 9 – Ч14-02); 2 – диаграмма потери массы образцами глин и керамики с городища Чича-1: X – потеря массы образцами на интервале температур 350–600 °C; Y – потеря массы на интервале температур 0–350 °C (1 – координаты образцов керамики с кальцитом в формовочной массе; 2 – координаты образцов глин из окрестностей памятника: а – берег оз. Чича, b – материковые суглинки из раскопа 2; c – образец керамики Ч13-02)

Fig. 8. Summary of the results of thermogravimetric measurements of samples of ceramics of the site Chicha-1:

1 – curves of mass loss (TG curves) by ceramic samples of the Irmen group of the ancient settlement Chicha-1 (1 – Ч27-01; 2 – Ч46-02; 3 – Ч30; 4 – Ч45-02; 5 – Ч47-02; 6 – Ч19-01; 7 – Ч43-02; 8 – Ч32-01; 9 – Ч14-02); 2 – a chart of the mass loss of samples of clay and ceramics from the site of Chicha-1: X – weight loss by samples in the temperature range of 350–600 °C; Y – is the mass loss in the temperature range 0–350 °C (1 – coordinates of samples of ceramics with calcite in the molding mass; 2 – coordinates of clay samples from the vicinity of the settlement: a – the shore of the lake Chicha, b – continental loams from excavation 2; c – samples of ceramics Ч13-02)

Для поселенческой и погребальной посуды выделено четыре рецепта формовочных масс: глина + песок; глина + шамот, глина + шамот + песок + органика, глина + шамот + органика.

Зафиксировано три программы формовки сосудов. Донная характерна для плоскодонных изделий. Дно-лепешка формовалось из одного комка глины. Нижняя лента обвивалась вокруг лепешки или ставилась на нее. Примазка дна снаружи шла снизу вверх, от дна на ленту, поэтому профиль перехода дна в тулово округлый. Тулово формовалось путем навивания колец из лент (шириной 4–6 см) или жгутов и соединения их друг с другом встык.

Круглодонные сосуды изготовлены по емкостной или емкостно-донной программе. В первом случае лепили верхнюю часть сосуда, начиная с горловины. При этом сосуд ставили горловиной вниз, из-за чего венчик у большинства рассмотренных образцов слегка приплюснут. Для того чтобы укрепить горловину, нередко делали на нее «подлеп» еще одной ленты с наружной стороны. Затем постепенно наращивали тулово. Донная часть сосуда изготавливалась двумя способами: наращиванием лоскутами по кругу и путем выдавливания из одного куска глины. На завершающем этапе конструирования обе части сосуда соединяли.

Сформованная посуда подвергалась первичной обработке твердым инструментом. Орудие было достаточно гладким. Из-за характерных мелких бороздчатых следов можно предположить, что это деревянная лопатка или щепка. Следы заглаживания руками отмечены как на внешней, так и на внутренней поверхности изделий.

Техника нанесения орнамента многообразна. Преобладает накольчатая в виде различных по форме насечек, нанесенных под углом к поверхности сосуда. Резная техника подразумевает резные, прочерченные, нанесенные ребром лопаточки и гладким штампом элементы. Ямочная представлена «ямками» и «жемчужинами». В редких случаях встречается гребенчатый орнамент (поселение Омь-1).

Среду обжига можно охарактеризовать как восстановительную. Скорее всего, сосуды помещались в обжиговом устройстве вверх дном: изломы подавляющего большинства сосудов – двухцветные: черные изнутри и более светлые снаружи.

Техническая керамика, связанная с бронзолитейным производством, особенно представлена обломками, редко становится предметом изучения археологов. В результате полевых исследований последних лет накоплен значительный фактический материал, разработан и опробован целый ряд естественнонаучных методов изучения этого вида источников. Составлена сводка находок технической керамики кротовской культуры лесостепной Барабы. Она представлена значительной серией, включающей несколько категорий предметов: формы, тигли, льячки, сопла.

Анализ формовочных масс и техники изготовления технической керамики кротовской культуры эпохи бронзы (середина III – начало II тыс. до н. э.) позволил сделать вывод, что в ее металлообработывающем производстве формировался своеобразный комплекс оборудования, включающий керамические формы и связанный с ними модельный комплект (модели, подмодельные плиты, формовочные инструменты), два типа тиглей, льячки и сопла.

Образцы литейных форм и тиглей были изучены методом термогравиметрии. В результате установлено, что все образцы, не зависимо от их местоположения на изделии (внутри изделия, снаружи и др.), имеют хорошее и очень хорошее качество обжига. Важно то обстоятельство, что эксперименты с применением термического метода показали возможность определения функционального назначения фрагментов технической керамики (тигель или форма).

Многолетние комплексные исследования поселения Венгерово-2 позволили реконструировать планиграфию поселка. Выявлено его овальное двухрядное строение. Котлованы жилищ трапециевидной формы размещались двумя параллельными рядами вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. С северо-западной стороны «улица» замыкалась самым крупным жилищем. Вход в жилище № 1 был выделен двумя материковыми останцами, направленными внутрь камеры; в жилище № 5 он представлял собой небольшой

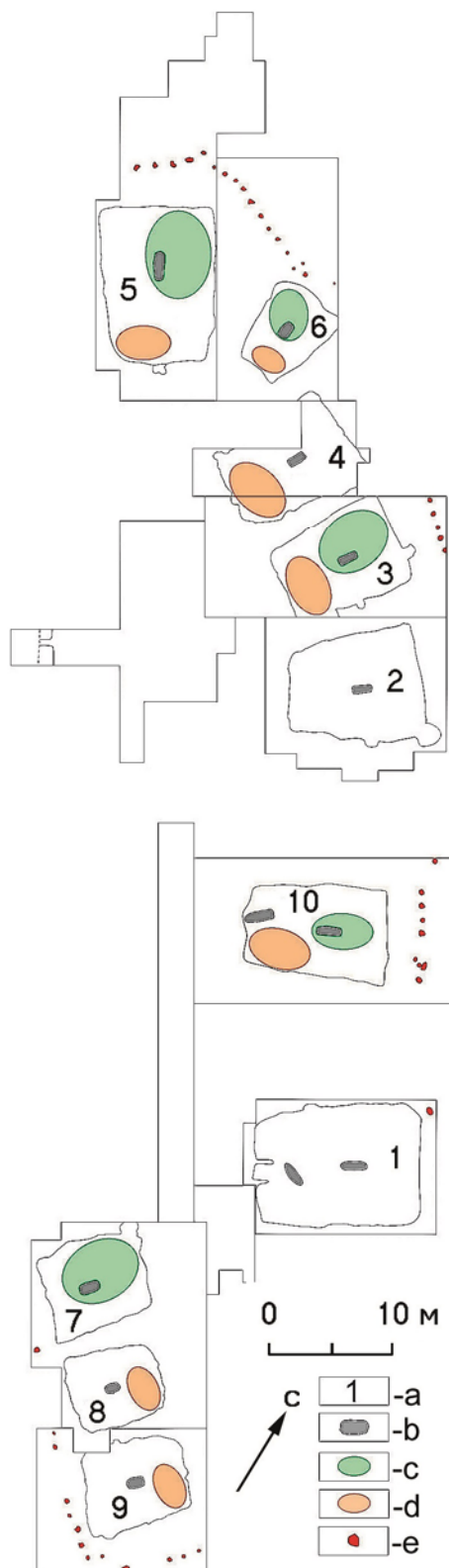

Рис. 9. План-схема раскопа на поселении Венгерово-2 с указанием исследованных жилищ: *a* – номер котлована жилища; *b* – очаги; *c* – хозяйственная зона, связанная с бронзолитейным производством; *d* – хозяйственная зона, связанная с концентрацией фрагментов керамики и орудий из них; *e* – столбовые ямы забора

Fig. 9. The plan of the excavation at the settlement of Vengerovo-2 with the indication of the investigated dwellings: *a* – number of the pit dwelling; *b* – hearth; *c* – economic zone associated with bronze casting production; *d* – economic zone associated with the concentration of ceramic fragments and tools from them; *e* – pillar fence pits

тамбур. В обоих случаях входы направлены внутрь поселка и находились в торцевой, более узкой, стене камеры. Поселение было обнесено забором, в том числе со стороны водоема (рис. 9). Соблюдение формы овала, трапецевидная и подпрямоугольная формы построек и их взаиморасположение позволяют предполагать строительство домов по заранее намеченному плану.

Реконструкция хозяйственной деятельности населения кротовской культуры была проведена с привлечением результатов различных естественнонаучных методов. Так, тщательный планиграфический и стратиграфический анализ артефактов и объектов поселения Венгерово-2 позволил сделать вывод о существовании как минимум двух стандартизованных хозяйственно-производственных зон в каждом жилище (см. рис. 9), а также специализированной на бронзолитейном производстве постройки. Одна зона каждого из жилищ связана с циклом вторичной металлообработки и включала в себя очажное устройство, сопутствующие хозяйственные ямы. Во второй зоне размещались площадки по вторичной обработке керамики, а также, вероятно, по обработке кожи.

Следует отметить, что на других поселениях кротовской культуры свидетельства бронзолитейного производства не столь очевидны и отмечены не во всех жилищах (Абрамово-10) или отсутствуют вовсе (Черноозерье IV) [Стефанова, 1988], а очажные устройства представляют собой обычные округлые, иногда углубленные, кострища. Это позволяет ставить вопрос о специализированном характере поселения Венгерово-2. В пользу этого свидетельствуют и зна-

чительные объемы тиглей (до 0,7 кг), обнаруженные на производственных участках, а также стандартизованные литейные формы на фрагментах керамики, предназначенные для отливки бронзовых стержней.

Отдельное направление было связано с формированием и апробацией комплекса методов для изучения очажных устройств. Помимо собственно полевой методики, заключающейся в погоризонтной выборке и просеивании или флотации заполнения с фиксацией находок, микростратиграфии и планиграфии для их последующей визуализации, привлечены также экспериментальные данные, методы статистики. Подобное исследование позволило сделать вывод о том, что способ устройства центрального очага в каждом жилище был стандартизирован. Размеры и мощность заполнения очага коррелируют с площадью жилища. Особенно взи-мостерасположения углистых, золистых и прокаленных участков свидетельствуют о многофункциональном характере теплотехнических устройств, среди которых можно выделить освещение и обогрев помещения, приготовление пищи (разными способами). Металлургическую функцию очага подтверждают находки бронзовых всплесков, костей с бронзовыми окислами, фрагментов тиглей и литейных форм со следами использования. Экспериментальные исследования позволили выявить признаки для отличия преднамеренно прокаленных участков грунта от следов пожара.

Отдельному анализу были подвергнуты кальцинированные кости из заполнения очажных устройств. Остеологические определения получены для 244 фрагментов (выполнены канд. биол. наук С. К. Васильевым). Идентифицированы кости овцы, лисицы, единично кости соболя, птицы. Присутствуют фрагментарно практически все части скелетов овцы и лисицы, однако преобладают фаланги. Это связано с размерами данных костей, малым количеством мягких тканей, что обеспечивает им целостность при сгорании органики до минерального матрикса [Mogin, 2010. P. 215–221]. Макроструктура, цвет, характер растрескивания костей (глубокие трещины, изменение пропорций, изогнутость), наличие огромного количества микрофрагментов (до 2 500 в каждом очаге) свидетельствуют, во-первых, о высокой температуре горения в процессе функционирования очага (не менее 900 °C), а во-вторых, о значительном количестве сжигаемых костей. В свою очередь, это позволяет предполагать, что кость использовалась в качестве топлива преднамеренно.

Одной из наиболее репрезентативных частей памятника Тартас-1 являются погребально-поминальные комплексы андроновской (федоровской) культуры. Еще на ранних стадиях работ были отмечены определенные новации в андроновском погребальном комплексе, например присутствие в захоронениях остатков ихтиофауны.

Произведена диагностика видового и возрастного состава рыб (анализ выполнен канд. биол. наук Л. А. Коневои, НГПУ). Определены время вылова и численность особей по ихтиологическим материалам из погребений андроновской (федоровской культуры), а также из синкретичных кротовско-андоновских комплексов могильника Тартас-1 [Молодин и др., 2015а]. Выделены три основных варианта местонахождения находок ихтиофауны: в надмогильных сооружениях, в засыпке (заполнении) могильной ямы и на дне могилы в непосредственной близости к погребенному. Использование рыбы в погребальном обряде андроновской (федоровской) культуры на этом памятнике является определенным новшеством, не характерным для памятников андроновского (федоровского) круга. Возможно, подобная ситуация связана с серьезными идеологическими изменениями, произошедшими в результате адаптации пришлоого андроновского (федоровского) населения к новым условиям жизнедеятельности, и его активными контактами с местными, автохтонными, жителями.

Проведение молекулярно-генетических исследований останков древнего населения из различных районов западносибирской лесостепи открывает перспективы получения новых объективных данных о генетической истории той или иной этнокультурной группы. При интеграции данных археологии и физической антропологии с результатами палеогенетических исследований возможны постановка и решение задач о динамике состава населения и особенностей его материальной культуры во времени и пространстве, а также о возможных миграциях [Молодин и др., 2017].

Подобные исследования были проведены на материалах погребальных памятников саргатской культуры раннего железного века Венгерово-6 и Погорелка-2. Экспериментальная часть работы выполнена на базе Межинститутского сектора палеогенетики ИАЭТ СО РАН

и ИЦиГ СО РАН [Пилипенко и др., 2010]. Исследование разнообразия линий мтДНК в генофонде саргатского населения позволило определить основные направления его генетических связей. Высказано предположение об определяющем воздействии притока населения с юга, из степного пояса Евразии [Пилипенко и др., 2017]. Очевидно, доминирующим было сарматское влияние. Эти данные подтверждаются и результатами палеоантропологического анализа саргатских материалов Барабы. Вероятно влияние восточных групп, генетически связанных с хунну [Молодин и др., 2017]. В ходе исследования генофонда мтДНК и Y-хромосомы населения саргатской культуры получены молекулярно-генетические данные, позволяющие сделать несколько предварительных выводов относительно роли родственных связей индивидов при их погребении в одном кургане. В частности, выявлены случаи близкого родства по отцовской и материнской линии, свидетельствующие, что родство было одним из мотивов погребения индивидов под одним курганом. При этом не все, погребенные под одним надмогильным сооружением, являлись близкими родственниками. Следовательно, в саргатском обществе существовали и другие мотивы для захоронения индивидов в одном кургане [Пилипенко и др., 2017].

Таким образом, исследованиями Западносибирского археологического отряда с использованием междисциплинарных методов за последние 15 лет получены новые данные, развивающие существующие точки зрения, уточняющие или позволяющие строить новые концепции историко-культурных процессов на территории крупного региона Сибири. Совершенно очевидно, что современная парадигма науки предполагает участие специалистов естественнонаучного профиля на всех этапах археологического исследования. Это существенно расширяет возможности достижения новых результатов, которые нельзя получить на основе традиционных методов, а также увеличивает уровень доказательности и объективности выдвигаемых историко-культурных положений.

Список литературы / References

- Афанасьев Г. Е.** Основные направления применения ГИС- и ДЗ-технологий в археологии // Круглый стол «Геоинформационные технологии в археологических исследованиях» (Москва, 2 апреля 2003 г.). М.: АГИС, ИА РАН, 2004. (CD-ROM).
Afanasiev G. E. Osnovnye napravleniya primeneniya GIS- i DZ-tekhnologii v arkhologii [Main Directions of Using GIS and DZ Remote Sensing Technologies in Archaeology]. *Kruglyi stol Geoinformatsionnye tekhnologii v arkhologicheskikh issledovaniyakh (Moskva, 2 aprelya 2003)* [Geoinformation Technologies in Archaeological Research (Moscow, 2 April, 2003)]. Moscow, AGIS IA RAS Publ., 2004, Electronic optical disk: CD-ROM. (in Russ.)
- Бобринский А. А.** Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
Bobrinskii A. A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy: istochniki i metody izucheniya [Pottery Eastern Europe: Sources and Methods of Study]. Moscow, Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.)
- Васильева И. Н.** Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 248 с.
Vasilieva I. N. Goncharstvo Volzhskoi Bolgarii v X–XIV vv. [Pottery of the Volga Bulgaria in 10–14th centuries]. Ekaterinburg, Nauka Publ., 1993, 248 p. (in Russ.)
- Васильева И. Н.** Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 70–81.
Vasilieva I. N. Ranneneoliticheskoe goncharstvo Volgo-Ural'ya (po materialam elshanskoi kul'tury) [Early Neolithic Pottery of the Volga-Ural Region (Based on the Materials of the Elshan Culture)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, no. 2 (46), p. 70–81. (in Russ.)
- Васильева И. Н., Салугина Н. П.** Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Коллективная монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 181–199.
Vasilieva I. N., Salugina N. P. Eksperimental'nyi metod v izuchenii drevnego goncharstva: k probleme razrabotki struktury nauchnogo issledovaniya s ispol'zovaniem fizicheskogo modelirovaniya [The Experimental Method in the Study of Ancient Pottery (on developing the structure of scientific research using physical modeling)]. *Aktual'nye*

problemy izucheniya drevnego goncharstva [Topical Issues of Studying Ancient Pottery]. Samara, SamSPU Publ., 1999, p. 181–199. (in Russ.)

Васильева И. Н., Салугина Н. П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства Самарского Поволжья // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Самара: Офорт, 2010. Вып. 15. С. 135–152.

Vasilieva I. N., Salugina N. P. Nekotorye itogi izucheniya drevnego i srednevekovogo goncharstva Samarskogo Povolzh'ya [Some Results of Studying Ancient and Medieval Pottery of the Samara Volga Region]. *40 let Srednevolzhskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. Kraevedcheskie zapiski* [40 Years of the Middle Volga Archaeological Expedition: Local Lore Notes]. Samara, Ofort Publ., 2010, iss. 15, p. 135–152. (in Russ.)

Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 122 с.

Volkova E. V. Goncharstvo fat'yanovskikh plemen [Pottery of Fatyanovo tribes]. Moscow, Nauka, 1996, 122 p. (in Russ.)

Волкова Е. В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М.: Старый Сад, 1998. 260 с.

Volkova E. V. Keramika Volosovo-Danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoi kul'tury kak istoricheskii istochnik [Ceramics of the Volosovo-Danilovsky Burial Ground of the Fatyanovo Culture as a Historical Source]. Moscow, Staryi Sad Publ., 1998, 260 p. (in Russ.)

Волкова Е. В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. М.: ИА РАН, 2010. 248 с.

Volkova E. V. Novinkovskie mogil'niki fat'yanovskoi kul'tury [Novinkovskie Burial Grounds of the Fatyanovo Culture]. Moscow, IA RAN Publ., 2010, 248 p. (in Russ.)

Генинг В. Ф. Древняя керамика. Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. дум., 1992. 188 с.

Gening V. F. Drevnyaya keramika. Metody i programmy issledovaniya v arkheologii [Ancient Pottery. Methods and Programs of Research in Archaeology]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1992, 188 p. (in Russ.)

Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.

Gening V. F. Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [A program of Statistical Processing of Ceramics from Archaeological Excavations]. *Soviet Archaeology*, 1973, no. 1, p. 114–135. (in Russ.)

Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.

Glushkov I. G. Keramika kak arkheologicheskii istochnik [Ceramics as an Archaeological Source]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1996, 328 p. (in Russ.)

Глушков И. Г., Гребенщиков А. В., Жушиховская И. С. Петрография археологической керамики: проблемы, возможности, перспективы // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства: Колл. монография. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 150–166.

Glushkov I. G., Grebenshchikov A. V., Zhushchikhovskaya I. S. Petrografiya arkheologicheskoi keramiki. Problemy, vozmozhnosti, perspektivy [Petrography of Archaeological Ceramics: Issues, Opportunities, Prospects]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Topical Issues of Studying Ancient Pottery]. Samara, SamSPU Publ., 1999, p. 150–166. (in Russ.)

Гражданкина Н. С. Методика химико-технологического исследования древней керамики // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 152–160.

Grazhdankina N. S. Metodika khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya drevnei keramiki [Methods of Chemical-Technological Research of Ancient Ceramics]. *Arkheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and Natural Sciences]. Moscow, 1965, p. 152–160. (in Russ.)

Гребенщиков А. В., Деревянко Е. И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 120 с.

Grebenshchikov A. V., Derevyanko E. I. Goncharstvo drevnikh plemen Priamur'ya (nachalo epokhi rannego zheleza) [Pottery of the Ancient Tribes of the Amur Region (the beginning of the early Iron Age)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, 120 p. (in Russ.)

Деревянко А. П., Молодин В. И., Шунков М. В. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие // РА. 2005. № 2. С. 5–19.

Derevyanko A. P., Molodin V. I., Shunkov M. V. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN za poslednee desyatiletie [Interdisciplinary Studies of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in the Last Decade]. *Russian Archaeology*, 2005, no. 2, p. 5–19. (in Russ.)

- Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В.** Институт археологии и этнографии СО РАН: основные результаты научной деятельности в области археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 2 (30). С. 2–23.
Derevyanko A. P., Molodin V. I., Shunkov M. V. Institut arkeologii i etnografii SO RAN: osnovnye rezul'taty nauchnoi deyatelnosti v oblasti arkeologii [Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Main Results of Scientific Activities in the Field of Archaeology]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, no. 2 (30), p. 2–23. (in Russ.)
- Деревянко А. П., Молодин В. И., Шуньков М. В.** Междисциплинарные исследования в археологии Северной Азии // Вестник РФФИ. 2016. № 3 (91) С. 34–46.
Derevyanko A. P., Molodin V. I., Shunkov M. V. Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkeologii Severnoi Azii [Interdisciplinary Studies in the Archaeology of Northern Asia]. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*, 2016, no. 3 (91). (in Russ.)
- Дьякова О. В.** Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока (по материалам керамического производства). Владивосток: Дальнаука, 1993. Ч. 1. 176 с.; Ч. 2. 289 с.; Ч. 3. 408 с.
Diyakova O. V. Proiskhozhdenie formirovanie i razvitie srednekovykh kul'tur Dal'nego Vostoka (po materialam keramicheskogo proizvodstva) [The Origin, Formation and Development of Medieval Cultures of the Far East (based on the materials of ceramic production)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 1993, part 1, 176 p.; part 2, 289 p.; part 3, 408 p. (in Russ.)
- Дядьков П. Г., Позднякова О. А.** Итоги и перспективы применения метода магнитометрии для изучения археологических памятников Западной Сибири // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 60–68.
Dyadkov P. G., Pozdnyakova O. A. Itogi i perspektivy primeneniya metoda magnitometrii dlya izucheniya arkeologicheskikh pamyatnikov Zapadnoi Sibiri [Results and Prospects of Applying Magnetometry to Study Archaeological Sites of Western Siberia]. *Multidisciplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects: Proceedings of the International Symposium]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, p. 60–68. (in Russ.)
- Жушиховская И. С.** Фактор технологической целесообразности в древнем гончарстве // Приморье в древности и средневековье. Уссурийск: Изд-во Уссур. гос. пед. ин-та, 2006. С. 9–13.
Zhushchikhovskaya I. S. Faktor tekhnologicheskoi tselesoobraznosti v drevnem goncharstve [Technological Expediency in Ancient Pottery]. *Primor'e v drevnosti i srednekov'e* [The Primorye Region in Antiquity and Middle Age]. Ussuriisk, USPI Publ., 2006, p. 9–13. (in Russ.)
- Жушиховская И. С.** Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2004. 312 с.
Zhushchikhovskaya I. S. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dal'nego Vostoka Rossii [Essays on the History of the Ancient Pottery of the Far East of Russia]. Vladivostok, FEB RAS Publ., 2004, 312 p. (in Russ.)
- Жушиховская И. С.** Системный подход в изучении древнего гончарства // Керамика как исторический источник: Тез. докл. и материалы конф., проходившей 16–18 апреля в г. Тобольске. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1996. С. 9–11.
Zhushchikhovskaya I. S. Sistemnyi podkhod v izuchenii drevnego goncharstva [A System Approach to the Study of Ancient Pottery]. *Keramika kak istoricheskii istochnik* [Ceramics as a Historical Source]. 16–18 April, Tobolsk. Tobolsk, TSPI Publ., 1996, p. 9–11. (in Russ.)
- Жушиховская И. С., Залищак Б. Л.** Петрографический метод в изучении древней керамики: на материале неолитических-средневековых культур Приморья // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. Владивосток: Дальневост. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1986. С. 55–67.
Zhushchikhovskaya I. S., Zalishchak B. L. Petrograficheskii metod v izuchenii drevnei keramiki na materiale neoliticheskikh-srednekovykh kul'tur Primor'ya [The Petrographic Method in the Study of Ancient Ceramics Based on the Material of the Neolithic-Medieval Cultures of the Primorye Region]. *Metody estestvennykh nauk v arkeologicheskoy izuchenii drevnikh proizvodstv na Dal'nem Vostoke SSSR* [Methods of Natural Sciences in the Archaeological Study of Ancient Industries in the Far East of the USSR]. Vladivostok, 1986, p. 55–67. (in Russ.)
- Зайцева О. В., Пушкарев А. А.** Тахеометрическая съемка в археологических исследованиях: Учеб.-метод. пособие / Новосиб. гос. ун-т, Томск. гос. ун-т. Новосибирск, 2009. 48 с.

Zaitseva O. V., Pushkarev A. A. Takheometricheskaya s'emka v arkhеologicheskikh issledovaniyakh [Tacheometric Survey in Archaeological Research]. Teaching aid. Novosibirsk, NSU, TSU Publ., 2009, 48 p. (in Russ.)

Ивасько Л. В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 112–122.

Ivasko L. V. O kayukovskoi arkhеologicheskoi kul'ture [On the Kayukovo Archaeological Culture]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Ob River Taiga]. Ekaterinburg, Surgut, Ural book Publ., 2008, p. 112–122. (in Russ.)

Ивасько Л. В. Укрепленное поселение каменного века Каюково-2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С. 7–25.

Ivasko L. V. Ukreplennoe poselenie kamennogo veka Kayukovo-2 [The Fortified Settlement of the Stone Age Kayukovo-2]. *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoi Sibiri* [Materials and Research on History of Ancient Siberia]. Ekaterinburg, USU Publ., 2002, p. 7–25. (in Russ.)

Клейн Л. С. Археологическая типология. Л.: Академия наук СССР, Ленингр. археол. науч.-исслед. объединение, 1991. 448 с.

Klein L. S. Arkheologicheskaya tipologiya [Archaeological Typology]. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, Leningradskoe arkhеologicheskoe nauchno-issledovatel'skoe obedinenie Publ., 1991, 448 p. (in Russ.)

Кобелева Л. С. Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.

Kobeleva L. S. Tekhnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoi kul'tury (vostochnyi areal) [Technology of Making Ceramics in the Sargat Culture (Eastern area)]. Cand. histor. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2009, 26 p. (in Russ.)

Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. К вопросу о сатыгинском типе керамики // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 135–145.

Kovaleva V. T., Zyryanova S. Yu. K voprosu o satygin'skom tipe keramiki [On the Issue of the Satyga Type of Ceramics]. *Barsova Gora: drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Ob River Taiga]. Ekaterinburg, Surgut, Ural book Publ., 2008, p. 135–145. (in Russ.)

Конькова Л. В. Аналитические методы исследования древнего ремесла // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 44–53.

Konkova L. V. Analiticheskie metody issledovaniya drevnego remesla [Analytical Research Methods of Ancient Crafts]. *Drevnie remeslenniki Priural'ya* [Ancient Artisans of the Urals]. Izhevsk, UIYAL UrO RAS Publ., 2001, p. 44–53. (in Russ.)

Коробов Д. С. Применение ГИС и данных дистанционного зондирования в археологии // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 280–311.

Korobov D. S. Primenenie GIS i dannykh distantsionnogo zondirovaniya v arkhеologii [Application of GIS and Remote Sensing Data in Archaeology]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkhеologii po materialam lektzii dlya aspirantov i molodykh sotrudnikov* [Interdisciplinary Integration in Archaeology (based on lectures for graduate students and young researchers)]. Moscow, IA RAS Publ., 2016, p. 280–311 (in Russ.)

Косинская Л. Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 30–39.

Kosinskaya L. L. Rannyaya grebenchataya keramika v neolite Zaural'ya [Early Comb Pottery in the Neolithic Ural Region]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Herald], 2014, no. 2 (43), p. 30–39. (in Russ.)

Косинская Л. Л. Глава 1. Археологические культуры Ямала. 1.1. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала. Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. С. 22–47.

Kosinskaya L. L. Glava 1. Arkheologicheskie kul'tury Yamala. 1. 1. Kamennyi vek severa Zapadnoi Sibiri [Chapter 1. The Archaeological Culture of Yamal. 1.1. Stone Age of the North-Western Siberia]. *Istoriya Yamala* [History of Yamal]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, vol. 1, book 1, p. 22–47. (in Russ.)

Круг О. Ю. Применение петрографии в археологии // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 146–151.

Krug O. Yu. Primenenie petrografii v arkhеologii [Use of Petrography in Archaeology]. *Arkheologiya i estestvennye nauki* [Archaeology and Natural Sciences]. Moscow, 1965, p. 146–151 (in Russ.)

- Круг О. Ю.** Применение петрографических методов для исследования силикатов (технических материалов) в археологии // Методы естественных и технических наук в археологии: Тез. докл. Всесоюз. совещания. М., 1963. С. 42–43.
- Krug O. Yu.** Primenenie petrograficheskikh metodov dlya issledovaniya silikatov (tekhnicheskikh materialov) v arkheologii [Application of Petrographic Methods for Studying Silicates (Technical Materials) in Archaeology]. *Metody estestvennykh i tekhnicheskikh nauk v arkheologii* [Methods of Natural and Technical Sciences in Archaeology]. Moscow, 1963, p. 42–43 (in Russ.)
- Лamina Е. В., Лотова Э. В., Добрецов Н. Н.** Минералогия древней керамики Барабы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. 126 с.
- Lamina E. V., Lotova E. V., Dobretsov N. N.** Mineralogiya drevnei keramiki Baraby [Mineralogy of Ancient Ceramics in Baraba]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1995, 126 p. (in Russ.)
- Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Позднякова О. А.** Опыт использования петромагнитного метода для оценки перспектив применения магниторазведки на территории археологических памятников Барабинской лесостепи // Физика Земли. 2016. № 6. С. 86–99.
- Matasova G. G., Kazanskii A. Yu., Pozdnyakova O. A.** Opyt ispol'zovaniya petromagnitnogo metoda dlya otsenki perspektiv primeneniya magnitorazvedki na territorii arkheologicheskikh pamyatnikov Barabinskoi lesostepi [Experience of Using Rock Magnetic Methods for Assessing Prospects of Magnetic Exploration on the Territory of Archaeological Sites of the Baraba Forest Steppe]. *Izvestiya. Fizika Zemli* [Izvestiya. Physics of the Solid Earth], 2016, no. 6, p. 86–99. (in Russ.)
- Матвеев А. В., Аношко О. М.** Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.
- Matveev A. V., Anoshko O. M.** Zaural'e posle andronovtsev: barkhatovskaya kul'tura [The Urals after Andronovo: the Barkhatovo Culture]. Tyumen, Tyumenskii dom pechati Publ., 2009, 416 p. (in Russ.)
- Мерц В. К.** О керамике боборыкинского типа из неолит-энеолитических комплексов Северного Казахстана // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое: Сб. ст., посвящ. 70-летию В. Н. Логвина. Костанай; Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. С. 267–272.
- Merts V. K.** O keramike boborykinskogo tipa iz neolit-eneoliticheskikh kompleksov Severnogo Kazakhstana [On the Boborykino-Type Ceramics from the Neolithic-Eneolithic Complexes of Northern Kazakhstan]. *Drevnii Turgai i Velikaya step': chast i tseloe* [Ancient Turgai and Great Steppe: a Part and a Whole]. Kostanai, Almaty, A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ., 2015, p. 267–272. (in Russ.)
- Методы минералогических исследований:** Справочник. М.: Недра, 1985. 480 с.
- Metody mineralogicheskikh issledovaniy** [Methods of Mineralogical Studies]. A Handbook. Moscow, Nedra Publ., 1985, 480 p. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Сибирская археология, эпоха палеометалла: итоги и перспективы междисциплинарных исследований // Историческая наука на пороге XXI века. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001а. С. 84–102.
- Molodin V. I.** Sibirskaya arkheologiya epokha paleometalla: itogi i perspektivy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Siberian Archaeology in the Epoch of Paleometal: Results and Prospects of Interdisciplinary Research]. *Istoricheskaya nauka na poroge XXI veka* [Historical Science on the Threshold of the XXI century]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2001, p. 84–102. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Археология: итоги и перспективы междисциплинарных исследований // Вестник РАН. 2001б. Т. 71, № 9. С. 788–796.
- Molodin V. I.** Arkheologiya: itogi i perspektivy mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology: Results and Prospects of Interdisciplinary Research]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2001, vol. 71, no. 9, p. 788–796. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII вв. до н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 4 (60). С. 54–63.
- Molodin V. I.** Etnokul'turnaya mozaika v Zapadnoi Barabe (epokha pozdnei bronzy perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k zheleznomu veku. XIV–VIII vv. do n. e.) [Ethnocultural Mosaic in Western Baraba (Late Bronze Age as a Transitional Period from the Bronze Age to the Iron Age. XIV–VIII centuries BC)]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, no. 4 (60), p. 54–63. (in Russ.)

- Молодин В. И.** Берликская культура в западносибирской лесостепи // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. С. 237–244.
- Molodin V. I.** Berlikskaya kul'tura v Zapadnosibirskoi lesostepi [The Berlikskaya Culture in the West Siberian Forest-Steppe]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: the experience of interdisciplinary research]. Collection of articles devoted to the 70th birthday of Yu. F. Kiryushin. Barnaul, ASU Publ., 2015, p. 237–244. (in Russ.)
- Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Конева Л. А.** Рыба в погребальной практике носителей андроновской (федоровской) культуры (по материалам могильника Тартас-1, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015а. № 3(43). С. 77–90. DOI 10.17746/1563-0102.2015.43.3.077-090
- Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S., Koneva L. A.** Ryba v pogrebal'noi praktike nositelei andronovskoi (fedorovskoi) ku'tury (po materialam mogil'nika Tartas-1, Barabinskaya lesostep', Zapadnaya Sibir') [Fish in the burial practice of carriers of the Andronovo (Fedorovskaya) culture (based on the Tartas-1 burial site, Baraba forest-steppe, Western Siberia)]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2015a, no. 3 (43), p. 77–90. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2015.43.3.077-090
- Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Марченко Ж. В., Васильев С. К., Ефремова Н. С., Кобелева Л. С., Кулик Н. А., Нестерова М. С., Позднякова О. А.** Традиции и инновации культур эпохи неолита – раннего железного века Обь-Иртышского междуречья в контексте использования методов естественных наук // Естественные научные методы исследований и парадигма современной археологии: Материалы Всерос. науч. конф. М.: Языки славянской культуры, 2015б. С. 68–79.
- Molodin V. I., Mylnikova L. N., Marchenko Zh. V., Vasil'ev S. K., Efremova N. S., Kobeleva L. S., Kulik N. A., Nesterova M. S., Pozdnyakova O. A.** Traditsii i innovatsii kul'tur epokhi neolita – rannego zheleznogo veka Ob'-Irtyskshogo mezhdurech'ya v kontekste ispol'zovaniya metodov estestvennykh nauk [Traditions and Innovations of the Cultures during the Neolithic – Early Iron Age of the Ob-Irtys River Basin in the Context of Using Methods of Natural Sciences]. *Estestvennonauchnye metody issledovaniy i paradigma sovremennoi arkheologii* [Natural Science Research Methods and the Paradigm of Modern Archaeology]. Materials of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2015, p. 68–79. (in Russ.)
- Молодин В. И., Пилипенко А. С.** Археология и палеогенетика: методы, результаты, перспективы // IV Северный археологический конгресс. Доклады 19–23 октября, 2015. Ханты-Мансийск. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во ИИА УрО РАН, 2015. С. 114–132.
- Molodin V. I., Pilipenko A. S.** Arkheologiya i paleogenetika: metody, rezul'taty, perspektivy [Archeology and Paleogenetics: Methodology, Results, Prospects]. *IV Severnyi arkheologicheskii kongress. Materialy, 19–23 oktyabrya 2015, Khanty-Mansiisk* [IV Northern Archaeological Congress. Papers, October 19–23, 2015, Khanty-Mansiisk]. Ekaterinburg, Khanty-Mansiysk, IIA UB RAS Publ., 2015, p. 114–132. (in Russ.)
- Молодин В. И., Пилипенко А. С., Поздняков Д. В.** Этногенетические реконструкции популяций юга Западной Сибири в голоцене (неолит – позднее Средневековье): комплексный подход // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы междунар. симп. «Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы». Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 148–168.
- Molodin V. I., Pilipenko A. S., Pozdnyakov D. V.** Etnogeneticheskie rekonstruktsii populyatsii yuga Zapadnoi Sibiri v golotsene (neolit – pozdnee srednevekov'e): kompleksnyi podkhod [Ethno-Genetic Reconstructions of Human Populations of Western Siberia in the Holocene (Neolithic – Late Medieval Period): multidisciplinary approach]. *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy* [Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects]. Proceedings of the International Symposium. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, p. 148–168. (in Russ.)
- Мыльникова Л. Н., Чемякина М. А.** Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с.
- Mylnikova L. N., Chemyakina M. A.** Traditsii i novatsii v goncharstve drevnikh plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1) [Traditions and Innovations in Pottery-making of the Ancient Tribes of Baraba (based on materials from the Om-1 settlement complex)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2002, 200 p. (in Russ.)

- Папин Д. В., Шамшин А. Б.** Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.
Papin D. V., Shamshin A. B. Barnaul'skoe Priob'ye v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu веку [Barnaul Ob Region in Transitional Time from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul, AltSU Publ., 2005, 202 p. (in Russ.)
- Парцингер Г., Молодин В. И., Фассбиндер Й., Кобелева Л. С., Гасс А., Хофманн И., Ненахов Д. А.** Предварительные результаты исследований периферии больших курганов саргатской культуры в центральной Барабе // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 22. С. 401–405.
Partsinger G., Molodin V. I., Fassbinder I., Kobeleva L. S., Gass A., Khofmann I., Nenakhov D. A. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy periferii bol'shikh kurganov sargatskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe [Preliminary Results of Studies of the Periphery of the Large Barrows of the Sargat Culture in Central Baraba]. *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2016, vol. 22, p. 401–405. (in Russ.)
- Пилипенко А. С., Молодин В. И., Ромащенко А. Г.** Палеогенетический анализ в археологических исследованиях // Информационный вестник ВОГиС. 2010. Т. 14.2. С. 280–311.
Pilipenko A. S., Molodin V. I., Romashchenko A. G. Paleogeneticheskii analiz v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Paleogenetic Analysis in Archaeological Studies]. *Informatsionnyi vestnik VOGiS* [Information Bulletin of Vavilov Society for Geneticists and Breeding Scientists], 2010, vol. 14, no. 2, p. 280–311. (in Russ.)
- Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Молодин В. И., Кобелева Л. С., Поздняков Д. В., Полосьмак Н. В.** Палеогенетическое исследование родства погребенных из курганов саргатской культуры в Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. № 4 (45). С. 132–142. DOI 10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142
Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Trapezev R. O., Molodin V. I., Kobeleva L. S., Pozdnyakov D. V., Polosmak N. V. Paleogeneticheskoe issledovanie rodstva pogrebennykh iz kurganov sargatskoi kul'tury v Barabinskoi lesostepi (Zapadnaya Sibir') [Kinship Analysis of Human Remains from the Sargat Mounds, Baraba Forest-Steppe, Western Siberia]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, no. 4, p. 132–142. (in Russ.) DOI 10.17746/1563-0102.2017.45.4.132-142
- Сайко Э. В.** Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой среднеазиатской керамики // Изв. АН Тадж. ССР. Сталинабад, 1960. № 2. С. 41–66.
Saiko E. V. Iz opyta primeneniya mikroskopicheskogo metoda issledovaniya k izucheniyu srednevekovoi sredneaziatskoi keramiki [Experience of Applying the Microscopic Method of Research to the Study of Medieval Central Asian Ceramics]. *Izvestiya AN Tadzhikskoi SSSR* [News of the Tajik AS USSR]. Stalinabad, 1960, no. 2, p. 41–66. (in Russ.)
- Сайко Э. В.** Технология керамики средневековых мастеров // Археология и естественные науки. МИА, № 129. М.: Наука, 1965. С. 161–166.
Saiko E. V. Tekhnologiya keramiki srednevekovykh masterov [Technology of Ceramics from Medieval Masters]. *Arkheologiya i estestvennye nauki. MIA, № 129* [Archaeology and Natural Sciences. Material and Researches about Archaeology and Ethnography in USSR, no. 129]. Moscow, Nauka, 1965, p. 161–166. (in Russ.)
- Сайко Э. В.** Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 210 с.
Saiko E. V. Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Srednei Azii v istoricheskom razvitiy [Techniques and Technology of Ceramic Production of Central Asia in Historical Perspective]. Moscow, Nauka, 1982, 210 p. (in Russ.)
- Сайко Э. В., Жушиховская И. С.** Методы микроскопии в исследовании древней керамики (Методические аспекты и практика). Препринт / ИИАИЭТНДВ. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. 52 с.
Saiko E. V., Zhushikhovskaya I. S. Metody mikroskopii v issledovanii drevnei keramiki (Metodicheskie aspekty i praktika) [Methods of Microscopy in the Study of Ancient Ceramics (methodological aspects and practice)]. Vladivostok, FEB AS USSR Publ., 1990, 52 p. (in Russ.)
- Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Тез. междунар. симпозиума (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2013. 84 с.

Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki v arkheologii. Tezisy Mezhdunarodnogo simpoziuma, 29–31 oktyabrya 2013, Moskva [Recent Approaches to Ancient Ceramics in Archaeology, 29–31 October 2013, Moscow]. Moscow, IA RAS Publ., 2013, 84 p. (in Russ.)

Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. 336 с.

Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki v arkheologii. Mezhdunarodnyi simpozium. 29–31 oktyabrya 2013, Moskva [Recent Approaches to Ancient Ceramics in Archaeology. International Symposium. 29–31 October 2013, Moscow]. Moscow, IA RAS Publ., 2015, 336 p. (in Russ.)

Стефанова Н. К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1988. С. 53–75. (Вопросы археологии Урала, вып. 19)

Stefanova N. K. Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e [Krotovo Culture in the Middle Irtysh]. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urals i Zapadnoi Sibiri* [Material Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1988, p. 53–75 (Voprosy arkheologii Urals [Questions of archaeology of the Urals], iss. 19). (in Russ.)

Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня 1 (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут: Урал. кн. изд-во, 2008. С. 105–107.

Stefanov V. I., Borzunov V. A. Neoliticheskoe gorodishche Amnya 1 (po materialam raskopok 1993 i 2000 godov) [A Neolithic Site of the Ancient Settlement Amnaya 1 (based on the materials of excavations of 1993 and 2000)]. *Barsova Gora. Drevnosti taezhnogo Priob'ya* [Barsova Gora: Antiquities of the Ob River taiga]. Ekaterinburg, Surgut, Ural book Publ., 2008, p. 105–107. (in Russ.)

Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН; Гос. Эрмитаж; Самар. гос. соц.-пед. ун-т, 2016. 256 с.

Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki [Traditions and Innovations in the Study of Earliest Pottery]. Materials of the International Conference. St. Petersburg, IIMK RAS Publ., 2016, 256 p. (in Russ.)

Труфанов А. Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 17 с.

Trufanov A. Ya. Kultury epokhi pozdnei bronzy i perekhodnogo vremeni k zheleznomu veku v lesostepnom Priirtyshie. Thesis of Cand. Sci. (History). Kemerovo, 1990, 17 p. (in Russ.)

Ушаков Д. В., Черных Е. Н. Между алгеброй и гармонией: естественнонаучные методы в социогуманитарных науках // Вестник РФФИ. 2016. № 3 (91) С. 9–21.

Ushakov D. V., Chernykh E. N. Mezhdue algebroi i garmoniei: estestvennonauchnye metody v socio-gumanitarnykh naukakh [Between Algebra and Harmony: Natural Science Methods in the Socio-Humanitarian Sciences]. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research*, 2016, no. 3 (91), p. 9–21. (in Russ.)

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 379 с.

Tsetlin Yu. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda [Ancient Pottery. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach]. Moscow, IA RAS, 2012, 379 p. (in Russ.)

Цетлин Ю. Б., Волкова Е. В. Роль естественнонаучных методов в изучении древней керамики как источника исторической информации // Археология, этнография и антропология Евразии, 2010. № 4 (44). С. 52–59.

Tsetlin Yu. B., Volkova E. V. Rol' estestvennonauchnykh metodov v izuchenii drevnei keramiki kak istochnika istoricheskoi informatsii [The Role of Science-Based Methods in the study of Ancient Pottery as a Source of Historical Information]. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, vol. 44, no. 4, p. 52–59. (in Russ.)

Шакиров З. Г. Методы фиксации в археологии: Учеб.-метод. пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 114 с.

Shakirov Z. G. Metody fiksatsii v arkheologii. Uchebno-metodicheskoe posobie [Methods of Fixation in Archaeology. A Teaching Guide]. Kazan, Kazan State Uni. Publ., 2015, 114 p. (in Russ.)

Шерстобитова О. С. Посуда со смешанными культурными признаками: к вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. С. 129–137.

- Sherstobitova O. S.** Posuda so smeshannymi kul'turnymi priznakami: k voprosu o spetsifike vzaimodeistviya kul'tur na territorii Srednego Priirtysh'ya v epokhu pozdnei bronzy [Tableware with Mixed Cultural Characteristics: on Specificity of Culture Interactions on the Territory of the Middle Irtysh in the Late Bronze Age]. *VII istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [VII Historical Readings to Commemorate M. P. Gryaznov]. Omsk, Omsk State Uni. Publ., 2008, p. 129–137. (in Russ.)
- Шерстобитова О. С.** Красноозерская культура в Среднем Прииртышье // РА. 2010. № 4. С. 28–35.
- Sherstobitova O. S.** Krasnoozerskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'ye [Krasnoozerskaya culture in the Middle Irtysh]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2010, no. 4, p. 28–35. (in Russ.)
- Эпов М. И., Молодин В. И., Манштейн А. К., Балков Е. В., Дядьков П. Г., Матасова Г. Г., Казанский А. Ю., Бортникова С. Б., Позднякова О. А., Карин Ю. Г., Кулешов Д. А.** Мультидисциплинарные археолого-геофизические исследования в Западной Сибири // Геология и геофизика. 2016. Т. 57, № 3. С. 603–614.
- Епов М. И., Molodin V. I., Manshtein A. K., Balkov E. V., Dyad'kov P. G., Matasova G. G., Kazanskii A. Yu., Bortnikova S. B., Pozdnyakova O. A., Karin Yu. G., Kuleshov D. A.** Mul'tidistsiplinarnye arkheologo-geofizicheskie issledovaniya v Zapadnoi Sibiri [Integrated Archaeological and Geophysical Studies in West Siberia]. *Geology and Geophysics*, 2016, vol. 57, no. 3, p. 603–614. (in Russ.)
- Эпов М. И., Молодин В. И., Балков Е. В., Дядьков П. Г., Фирсов А. П., Злыгостев И. Н., Вайсман П. А., Евменов Н. Д., Егоров В. Е., Карин Ю. Г., Колесов А. С., Кулешов Д. А., Манштейн Ю. А., Позднякова О. А., Свалук А. В., Селезнев Д. С., Фадеев Д. И., Цибизов Л. В., Шапаренко И. О., Шеремет А. С.** Археогеофизические исследования в СО РАН, 2013–2015 годы // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 405–413.
- Епов М. И., Molodin V. I., Balkov E. V., Dyadkov P. G., Firsov A. P., Zlygostev I. N., Karin Yu. G., Kolesov A. S., Kuleshov D. A., Manshtein Yu. A., Pozdnyakova O. A., Fadeev D. I., Sheremet A. S.** Arkheogeofizicheskie issledovaniya v SO RAN, 2013–2015 gody [Archaeogeophysics in SB RAS, 2013–2015]. *Mul'tidistsiplinarnye metody v arkheologii: noveishie itogi i perspektivy Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma* [Multidisciplinary Approach to Archaeology: Recent Achievements and Prospects: Proceedings of the International Symposium], 2017, p. 405–413. (in Russ.)
- Bourchard A.** Correlation entre la composition chimique et la provenancedes poteries antiques. Clermont-Ferrand, Université de Clermont, Faculté des sciences, 1971, 36 p.
- Drebushchak V. A., Mylnikova L. N., Drebushchak T. N., Boldyrev V. V.** The Investigation of Ancient Pottery: Application of thermal analysis. *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*, 2005, vol. 82, no. 3, p. 617–626.
- Glascok M. D.** Neutron Activation Analysis. *Chemical Characterization of Ceramic Pastes in Archaeology. Monographs in World Archaeology*. Madison, Wiskonsin, Prehistory Press, 1992, no. 7, p. 11–26.
- Hoffman B.** Die Roll handwerhlicher Verfahren bei der Formgebung reliefverzierter Terra Sigillata. Dissertation. München, Ludwig-Maximilians-Universität, 1983, 139 S.
- Horejs B., Yung R., Pavúk P. (Eds.)** Analysing Pottery: Processing – Classification – Publication. Facultas Philosophica Universitatis Comenianae Bratislavensis. Bratislava, Comenius University in Bratislava, 2010, vol. 10, 324 p.
- Hugo Morley-Fletcher (Hrsg.)**. Dekor-Techniken in der Keramik. Von den frühen Tonwaren bis zur modernen Porzellanmanufaktur. München, Christian Verlag, 1985, 192 S.
- Leeuw S.** Giving the Potter a Choice. Conceptual aspects of Pottery techniques. *Technological Choices. Transformation in Material Cultures since the Neolithic*. London and New York, Routledge. Taylor & Francic Group, 2002, p. 238–288.
- Lode F.** 100 Tips für Keramikfreunde. Leipzig, Yena, Berlin, Urania-Verlag, 1987, 112 S.
- Mabias M.-C.** Pottery Techniques in India: Technical variants and social choice. *Technological Choices. Transformation in Material Cultures since the Neolithic*. London and New York, Routledge. Taylor & Francic Group, 2002, p. 157–180.

- Malina Ya.** Metody experimentu v archaeologii. Praha, Academia, 1980, 175 p. (Series: Studie archeologického ústavu Československé akademie věd v Brně. Roč. 8, sv. 1)
- Matson F. R.** The study of Temperatures used in firing ancient Mesopotamian pottery. *Science and archaeology*. Cambridge, 1971, p. 65–79.
- Mayes H.** The firing a pottery kiln of Roman-British type at Boston, Lincs. *Archaeometry*, 1961, no. 4, p. 4–30.
- Morin E.** Implications taphonomiques de l'utilisation de l'os comme combustible. *Palethnologie*, 2010, no. 2, p. 215–223.
- Noll W.** Alte Keramiken und ihre Pigmente. Studien zu Material und Technologie. Stuttgart, E. Schweizerbart'sche Verlagsbuchhandlung (Nägele u. Obermiller), 1991, 334 S.
- Nordström H. A.** Cultural Ecology and ceramic technology: early Nubian cultures from the fifth and the fourth millennia B.C. Stockholm, Stockholms Universitet, 1972, 200 p.
- Recent developments in ceramic Petrology. *British Museum. Occasional Paper*. London, British Museum Press, 1997, 410 p.
- Sala I. L.** A Study of Microscopic Polish on Flint Implements. *Tempus Reparatur. Archaeological and Historical Associates Limited*. Oxford, BAR, 1996, 178 p.
- Shepard A. O.** Ceramics for archaeologist. Washington, Carnegie Institution of Washington publication, 1965, 380 p.
- Tite M. S.** Determination of the firing temperature of ancient ceramics by measurement of thermal expansions a reassessment. *Archaeometry*, 1969, no. 11, p. 131–143.

Материал поступил в редколлегию
Received
05.10.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Мыльникова Людмила Николаевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, l.mylnikova@yandex.ru)
Lyudmila N. Mylnikova, Doctor of Science (History), Leading Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, l.mylnikova@yandex.ru)
- Кобелева Лилия Сергеевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, lilyakobeleva@ya.ru)
Liliya S. Kobeleva, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, lilyakobeleva@ya.ru)
- Нестерова Марина Сергеевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, msnesterova@gmail.com
Marina S. Nesterova, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, msnesterova@gmail.com)

УДК 902/904
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-44-55

История, проблемы, цели и перспективы анализа состава металла православных нательных крестов конца XVI – XIX века в Сибири и на Дальнем Востоке

С. В. Горохов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена всесторонней характеристике современного состояния изучения состава металла сибирских и дальневосточных православных нательных крестов конца XVI – XIX в. Выполненный историографический анализ позволил выявить круг современных проблем, связанных с изучением состава металла нательных крестов. Все они были распределены на три этапа, определяющие порядок их решения, и на три группы, описывающие отношение к задаче реконструкции исторической действительности: группа технических проблем, группа методических проблем и группа проблем реконструкции исторической действительности. Приведенный в настоящей статье обзор истории, проблем и целей анализа состава металла нательных крестов показал, что к настоящему времени сложились условия для полного или частичного решения перечисленных проблем и через это повышения информационного потенциала ставрографических материалов для реконструкции исторической действительности периода русского освоения зауральской части Российского государства.

Ключевые слова

Сибирь, Дальний Восток, нательный крест, ставрография, анализ состава металла

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036)

Для цитирования

Горохов С. В. История, проблемы, цели и перспективы анализа состава металла православных нательных крестов конца XVI – XIX века в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 44–55. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-44-55

On History, Issues, Objectives and Perspectives of Composition Analysis of the Orthodox Cross Pendants Metal Compounds Produced in the Late 16th – 19th Centuries in Siberia and the Far East

S. V. Gorokhov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article is aimed at a comprehensive description of progress in the studies of the metal compounds as the material for orthodox cross pendants found in Siberia and the Far East and produced in the late 16th – 19th centuries. To achieve the purpose, this article contains a historical survey of the studies devoted to the topic, outlines a set of relevant issues and objectives, and identifies most promising directions for further research.

Results. There are few publications related to the composition analysis of the metal of staurographical collections, so the article reviews each of them. The historiographical analysis conducted allowed us to outline a set of relevant issues

© С. В. Горохов, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

related to the study of cross pendants' metal composition. All of the issues were divided into three stages determining the way of resolving them and three groups describing their relation to the task of the historical reality reconstruction: technical issues (e. g., forming a source base, inconsistency of the metal composition in the product body, comparability of results of the metal composition analysis performed with the use of different devices including those based on different physical principles), methodological issues (e. g., connection between the metal composition and phenomena, processes and events of the historical reality, integration of the metal composition analysis results into the general context of archaeological research, development of the chronological scale of alloys) and issues related to the historical reality reconstruction (e. g., determination of casting centers and workshops, classification of cross pendants by alloy composition while using non-ferrous scrap to manufacture cross pendants, identification of products manufactured from fully identical alloys, correlation between the metal composition of cross pendants and their morphological attributes, identification of vintage products, integration of the historical reality data obtained based on the composition analysis of the metal into other aspects of history and archaeology of the objects belonging to the period of the Russian development of Siberia and the Far East).

Conclusion. Our summary of the history, issues and objectives of the composition analysis of the cross pendants metal compounds manufactured in Siberia and the Far East in the late 16th – 19th century has showed that there are conditions for full or partial resolving the issues listed above and subsequent enhancement of the information potential of the staurographical materials to reconstruct the historical reality of the period of the Russian development of the trans-Urals regions of Russia.

Keywords

Siberia, Far East, Cross pendant, staurography, metal composition analysis

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00036

For citation

Gorokhov S. V. On History, Issues, Objectives and Perspectives of Composition Analysis of the Orthodox Cross Pendants Metal Compounds Produced in the Late 16th – 19th Centuries in Siberia and the Far East. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 44–55. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-44-55

В последние годы проблемы сибирской ставрографии все чаще становятся предметом исследований. Появление доступных экспресс-методов анализа состава металла археологических артефактов позволило существенно расширить информационный потенциал такого вида источника, как нательные кресты. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью очертить круг важнейших проблем и целей, что позволит определить перспективы дальнейшего изучения данной тематики. Научная новизна состоит в том, что настоящая работа – первый опыт анализа истории и современного состояния изучения состава металла православных нательных крестов в России. Целью исследования является общая характеристика литературы по проблемам и результатам анализа металла нательных крестов, в ходе достижения которой ожидается решение ряда задач: обзор истории изучения состава металла нательных крестов, определение актуальных проблем, характеристика перспектив и направлений дальнейших исследований.

Публикаций, посвященных анализу состава металла ставрографических коллекций пока не много, поэтому мы можем дать обзор каждой из них.

В 1933 г. вышла монография В. Н. Перетца «О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья». Это первая научная работа, в которой систематически изложены основания для датирования нательных крестов по составу сплавов. Состав металла автор предлагает оценивать по его внешнему виду: красная или красноватая медь (не имеет примеси другого металла или эта примесь очень незначительна); несколько бледнее красной или красноватой меди сероватого оттенка вследствие небольшой примеси олова; буроватый цвет имеет «спруд» – сплав меди с цинком и, может быть, свинцом, из которого делались древние подделки (по мнению автора, сплав с цинком является достаточно поздним. – С. Г.); «белая медь» или латунь светло-желтого цвета (из этого сплава изготовлено большинство дошедших до нас меднолитых предметов). Если на артефакте выступают красно-бурые или серые пятна, то это, возможно, «изделия северных новгородских мастеров или даже владимиро-суздальских». «Смена перечисленных видов материала в значительной части совпадает

с хронологическими признаками, даваемыми другими особенностями предметов». Неустойчивости в датировках по материалу можно избежать, как кажется В. Н. Перетцу, только единственным верным путем, а именно через привлечение к делу археологической технологии. Но вопросы технологии находятся за рамками нашего исследования, поэтому мы не станем их рассматривать. Состав сплава менялся, «во-первых, в зависимости от чисто технических причин, во-вторых, вследствие господствовавшей в тот или иной период моды. Анализ состава сплавов, наблюдаемых в разные эпохи, и их микроструктуры, проведенный на большом количестве проб, может дать более обоснованные соображения для датировки предметов старинного литья, чем одна “наглядка” знатоков и любителей; это будет вполне объективный способ датировки, устраняющий произвол и увлечение исследователей. Конечно, и в этом случае не устранится необходимость принимать во внимание и другие обстоятельства: ведь предмет может быть перелит или заново изготовлен из старого материала» [Перетц, 1933. С. 48, 49].

В 1993 г. вышла программная статья М. С. Шемаханской «К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья». В этой небольшой работе сформулированы все основные проблемы изучения состава металлов нательных крестов: датировка отливок производится без проведения современных химико-технологических исследований «на основе описательного искусствования на уровне веры. До сих пор для характеристики металла пользуются средневековыми описаниями цвета и оттенка отливки»; проблема определения литейных центров и мастерских, которая, по мнению автора, может быть решена, кроме прочего, путем выявления рецептур сплава, так как «технологические моменты более консервативны, чем иконографические и стилистические признаки, зависящие в большей степени от заказчика». Автор считает надуманной проблему того, что использование мастерами металлического лома обесценивает любую классификацию на основе данных о сплаве, так как литейщики «использовали не случайные составы, а сплавы с определенной рецептурной нормой, учитывавшей добавление металлического лома». Кроме формулирования проблем, М. С. Шемаханская предлагает конкретные исследовательские подходы, которые позволяют их преодолеть. Автор считает, что количественное определение состава металла необходимо проводить для выявления легирующих составляющих (определение рецептурной нормы) и полного набора микропримесей. Необходимо перейти к исследованию источников сырья. Если это металл «из определенных месторождений, то должны выявиться характеристические признаки металла, полученного из такой руды»¹. «Результаты количественного анализа должны быть обработаны статистически, определена рецептура для разных групп сплавов, корреляция между элементами и частотой появления признаков». Эту работу следует проводить не на отдельных музейных коллекциях, а на специально сформированной широкой источниковой базе [Шемаханская, 1993].

В 1993 г. вышла статья Л. Н. Савиной «К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX в.», в которой представлены результаты анализа состава металла 25 крестов-тельников. Исследование было выполнено в 1986 г. в Лаборатории электронной микроскопии и электронографии Института физической химии АН СССР методом электронно-зондового рентгеновского микроанализа. К проведению такого исследования автора побудила недостаточность иконографического и стилистического методов, так как в конце XIX – начале XX в. получили массовое распространение различные по характеру и происхождению типы медного литья (производство изделий под старину. – С. Г.). Л. Н. Савина выделила несколько групп сплавов. Сопоставив данные по составу сплавов и иконографические и стилистические особенности изделий, автор пришла к выводу о невозможности «идентификации центров распространения медного культового литья по иконографическим признакам, орнаменту, эмалям: однородные по признакам предметы оказались в различных группах по составу сплавов металлов, вместе с тем произведения

¹ Современные методы позволяют решить эту проблему. Например, по изотопам свинца можно определить источник руды [Кузьмин, 2017. С. 273–275].

из близких по составу сплавов не имели никаких ярко выраженных стилистических признаков». Автор выражает надежду на то, что «сопоставление полученных данных с информацией по промышленности цветного литья позволит специалистам сделать заключение о временных границах происхождения подвергнутых исследованию памятников медного литья (хотя бы в рамках двух-трех столетий: XVIII – начала XX века)» [Савина, 1993. С. 52, 53, 55].

В 1996 г. вышла работа М. С. Шемаханской с соавторами «Исследование металла древнерусской меднолитой пластики как основа ее атрибуции» [Консервация и реставрация..., 1996]. Ценность этого труда состоит в том, что был выполнен анализ состава сплава более 400 предметов русской меднолитой пластики различных эпох, предложена методика анализа первичных данных результатов анализа состава металла и предпринята попытка связать их с фактами, явлениями и процессами исторической действительности. В рассматриваемой работе наиболее полно сформулирована проблема датирования меднолитой пластики по иконографическим, стилистическим и эпиграфическим признакам: «датируется не рассматриваемый предмет, а его “собираемый образ”, который постепенно менялся, пополняясь новыми атрибутами, декором, надписями и пр. Кроме того, древнейшие образцы периодически воспроизводились и воспроизводятся до настоящего времени». Авторы полагают, что для датировки предметов, объединенных схожестью металлов, необходимо иметь шкалу сравнения. Такая шкала может быть получена путем анализа сплава находок из бронзы и латуни, происходящих из надежно датированных слоев археологических памятников.

Авторы считают важной проблемой установление времени появления в России латуни и цинка. Сплавы, содержащие цинк, известны в мире с начала нашей эры, но о допромышленном получении этих металлов в стране ничего не известно. Промышленное же производство латуни началось в XVII в.

В 2004 г. вышла статья А. И. Бобровой «Нательные кресты с Тискинского могильника», в которой опубликованы результаты анализа состава металла 10 крестов из остяцкого могильника второй половины XVIII – первой половины XIX в. Был выполнен спектральный анализ на спектрографе ИСП-28 на кафедре оптики и спектроскопии физического факультета ТГУ. Установлено, что «в качестве основных компонентов практически каждое изделие включало медь, олово, свинец, цинк, ртуть, кремний. Семь крестов, имевших в своем составе серебро, амальгамированы». При этом были получены только сведения о присутствии в сплаве тех или иных компонентов, но не о доле этих составляющих. Полученные результаты не нашли применения при анализе ставрографической коллекции памятника [Боброва, 2004. С. 107, 108].

В 2014 г. вышло две статьи С. А. Перевозчиковой и С. Е. Перевощикова, посвященные предварительным исследованиям Гольянского кладбища в Среднем Прикамье. В этих работах опубликованы результаты анализа состава металла 44 нательных крестов. Исследование было проведено «с целью выяснения некоторых особенностей изготовления крестов, накопления аналитического материала с возможной в будущем локализацией центров производства культовой пластики, а также примерной датировки предмета». Авторы полагают, что включение цинка (до 35 %) значительно изменяло цвет металла и другие его качества, и что такая добавка делалась с целью удешевления изделия и придания ему цвета золота, т. е. таких свойств, которые имеют скорее рыночное, а не техническое или художественное значение. Присутствие мышьяка и свинца делало возможным получение плотных отливок в рельефных литейных формах. В металле всех крестов присутствовало серебро в небольших количествах. Авторы считают, что этот признак может быть датирующим, так как до 1870-х гг. широко не применялась технология гальванического рафинирования меди, и не было запрета на использование нерафинированной меди [Перевозчикова, Перевощиков, 2014; Перевозчикова и др., 2014].

Изложению результатов анализа состава металла нательного креста из Албазинского острога посвящен отдельный раздел специальной статьи группы авторов [Волков и др., 2015]. Химический состав был определен в Аналитическом центре минералого-геохимических ис-

следований Института геологии и природопользования ДВО РАН (Благовещенск) методом рентгеноспектрального анализа. Измерения проводились на 13 зачищенных участках креста. Были определены компоненты сплава и их доля. Получены важные данные для выработки методики изучения сплавов (выявление крестов из идентичных сплавов): изучаемое изделие может иметь «области расслоения состава с выделением зон, обогащенных свинцом, непостоянного состава»; разброс значений долей компонентов в сплаве может быть весьма существенным (до 4,3 % по основному компоненту – в данном случае среднее значение по меди 77,1 %); компоненты, доля которых в сплаве менее полпроцента, фиксировались при измерении не в каждой точке изделия. Авторы пишут, что ими осуществлялось сопоставление этих данных с крестами из албазинской и псковской коллекций, а также с крестами из каталогов, но аналоги не обнаружены. Осталось не ясным, с какими данными по составу сплавов крестов было выполнено сравнение, так как в списке литературы отсутствуют работы, в которых опубликованы соответствующие результаты [Волков и др., 2015. С. 78–79].

В 2016 г. вышли из печати две статьи И. В. Сальниковой, посвященные анализу состава металла нательных крестов Илимского острога. Это работы «Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции» и «Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики». Первая статья посвящена публикации данных о составе сплавов различных изделий меднолитой пластики, большинство из которых – кресты некрополя Илимского острога. Публикация этих данных знаменует переход к сравнительным исследованиям состава металла нательных крестов, известных в Сибири и на Дальнем Востоке. Состав сплавов изучался в ЦКП «Геохронология кайнозоя» (Новосибирск) методом рентгенофлуоресцентного анализа (для изделий, не содержащих цветные металлы) и в Государственной инспекции пробирного надзора (Новосибирск) на спектрометре-анализаторе Призма М (для изделий, в которых предполагалось наличие драгоценных металлов). 14 предметов были изучены в обеих лабораториях. Исследования показали наличие одних и тех же компонентов сплавов, но их пропорции несколько различались, так как измерения проводились в различных местах изделий. Рентгенофлуоресцентный анализ «позволил уточнить предположение, что форма изделия зависит от состава сплава». «Кресты седьмого и шестого типа, практически все сделаны из свинца, остальные изделия данного типа изготовлены из оловянно-цинкового сплава». Если верить результатам анализа состава сплавов, приведенным в статье, то в объективности данного вывода следует усомниться, так как изделия шестого и седьмого типов, изготовленные из сплава с преобладанием свинца, носят единичный характер. Большинство крестов этих типов имеет самые разнообразные составы сплавов. Поэтому вывод о том, что форма изделия зависит от сплава, в данном случае неверен. Одновременно указывается, что «выявлены рецептуры, позволяющие создавать имитацию серебра и золота». Этот вывод также лишен аргументации в статье – почему автор считает, что изготовители крестов имели перед собой такую цель, остается не ясным [Сальникова, 2016a]. Кроме того, И. В. Сальникова делает вывод, что кресты, не имеющие клейма производителя, изготовлены кустарно; также не ясно, почему автор пришла к такому заключению. Встает вопрос и о том, что подразумевается под кустарным производством.

Вторая статья посвящена анализу и интерпретации результатов, представленных в первой статье. Задумка автора состояла в том, чтобы на основе подхода, базирующегося на методе математической статистики (статистическая программа SPSS Statistics), дать характеристику лигатурных составляющих, провести систематизацию результатов анализа элементного состава сплавов, осуществить определение видов сплавов и выявить связи между типами предметов и видами лигатурного сплава. Из текста статьи не ясно, зачем для решения задач 1–3 нужна статистическая программа, так как они без затруднений могут быть решены без применения каких-либо специальных программ. Обнаруженная отрицательная зависимость между долями цинка и олова в сплавах, а также слабая положительная зависимость между долями олова и свинца, могли быть также установлены без применения статистических программ.

В статье И. В. Сальникова приходит к выводу, что лигатурные ингредиенты и их сочетания (виды сплавов) аналогичны результатам, представленным в статье «Консервация и реставрация» [1996. С. 15–17]. Такой результат представляется весьма странным, так как выделенные ею сплавы из различных сочетаний меди, цинка, олова, свинца и серебра без дифференциации их по доле в сплаве можно обнаружить абсолютно в любой достаточно обширной коллекции нательных крестов. По сообщению автора, «удалось проследить определенные тенденции и связь между элементами сплавов и формой предметов»: соответствующие данные отражены у автора в табл. 2. Из них следует, что выделенные сплавы либо отсутствуют у крестов определенных типов, представленных одним экземпляром (типы 3, 9–11), что неудивительно в силу малочисленности таких крестов, либо отсутствуют у крестов типов 2 и 5, представленных пятью и десятью экземплярами соответственно, что также немного, либо количество крестов в выделенных сплавах меньше количества типов крестов по форме. Таким образом, подавляющее большинство крестов почти всех видов сплавов относятся к самым многочисленным морфологическим типам 1, 4, 6, 7 и 8. Поэтому вывод автора о том, что удалось проследить связь между элементами сплавов и формой, представляется необоснованным. Из текста статьи не ясно, как она пришла к следующим выводам: «По составам сплавов коллекция крестов-тельников и икон входит в группу изделий XVIII–XIX вв.»; «Для литья изделий чаще использовали лом» [Сальникова, 2016б]. В целом, необходимо признать, что применение методов статистического анализа не позволило подойти к реконструкции исторической действительности, которая нашла отражение в рецептуре сплавов нательных крестов.

В 2017 г. вышла статья С. В. Горохова и А. П. Бородовского «Нательные кресты Умревинского острога». На территории исследованной части некрополя этого памятника было обнаружено 29 нательных крестов. Еще 16 крестов и их фрагменты найдены на посаде к северу и югу от острога. Определение состава сплава (рентгенофлуоресцентный анализ) было выполнено в ЦКП «Геохронология кайнозоя» (Новосибирск). Каждый крест был отнесен к одной из выделенных планиграфически групп погребений, а также к группам по форме креста и по сплаву. Исследованы все возможные сочетания этих групп. На основе анализа сплавов крестов удалось построить относительную хронологию некрополя [Горохов, Бородовский, 2017].

В 2018 г. вышла статья Л. В. Татауровой и А. А. Тишкина, посвященная результатам рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья [Татаурова, Тишкин, 2018]. Рассматриваемая коллекция изделий меднолитой пластики получена в результате раскопок русских поселений и кладбищ XVII–XVIII вв. Изюк I и Ананьино I (Большереченский и Тарский районы Омской области). Всего было исследовано 50 нательных крестов. Определение состава сплавов выполнено на портативном спектрометре ALPHA SERIES (модель Альфа-2000). Исследования проводились в Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета (Барнаул). Авторы полагают, что доля цинка в сплаве изделия ниже 8–10 % свидетельствует о том, что данные изделия могли быть изготовлены из металлического лома, так как при переплавке цинк интенсивно улетучивается. Цинк действительно быстро улетучивается при плавлении латуни. Скорость его потери зависит от доли в сплаве и заметно снижается при уменьшении его концентрации. Например, чтобы получить латунь с 9 % содержанием цинка из сплава с 30 % содержанием цинка, необходимо провести не менее семи плавок. К тому же выводу авторы пришли и в отношении олова. Опираясь на работы предшественников, Л. В. Татаурова и А. А. Тишкин осуществили датирование крестов по составу металла.

Представленный историографический анализ позволяет нам очертить круг современных проблем, связанных с изучением состава металла нательных крестов. Все проблемы мы распределили на три этапа, определяющие порядок их решения, и на три группы, описывающие отношение к задаче реконструкции исторической действительности: группа технических проблем, группа методических проблем и группа проблем реконструкции исторической дей-

ствительности. Последние две группы включают в свой состав проблемы, которые могут перемещаться из группы в группу или относиться к обеим группам, что обусловлено конкретными целями, стоящими перед исследователем.

К первой группе относятся технические проблемы.

Так, без решения задачи формирования источниковой базы невозможно приступить к решению других проблем. Однако это не означает, что она должна быть разрешена полностью. Достаточно будет достичь определенного уровня, который позволит перейти к решению проблем второй и третьей группы. Пополнение источниковой базы сверх минимального уровня потребует корректировки и дополнения результатов, полученных при разрешении проблем второй и третьей группы. После публикации данных о составе металла нательных крестов некрополей Илимского и Умревинского острогов можно констатировать, что источниковая база в минимально достаточном объеме уже сформирована [Сальникова, 2016а; Горохов, Бородовский, 2017].

При формировании источниковой базы необходимо стремиться к реализации нескольких условий: она должна относительно равномерно покрывать всю территорию Сибири и Дальнего Востока в количественном отношении; быть достаточно многочисленной для каждой эпохи в интервале от появления первых русских поселений до XIX в. для каждого выделяемого региона; желательно, чтобы отдельные кресты в коллекциях были максимально точно привязаны к контексту их нахождения в культурном слое.

Существуют три основные группы формирования источниковой базы: нательные кресты, полученные в результате проведения раскопок и сбора подъемного материала (до передачи на хранение в музеи); артефакты, находящиеся в собраниях музеев (в том числе поступившие в результате передачи археологических находок); экземпляры из частных собраний.

Перспективы решения этой проблемы связаны с доступностью имеющихся коллекций нательных крестов для проведения анализа состава металла. Доступность определяется двумя факторами.

Во-первых, согласием хранителей и владельцев коллекций на проведение исследования, сопряженного с повреждением поверхностного слоя артефакта (зачистка с целью удаления окислов и патины). Музеи, как правило, отказывают в проведении таких исследований, поэтому важно сделать анализ до передачи коллекций в музеи. Частные владельцы более охотно идут на это. Современные методы исследования позволяют минимизировать повреждение изделия, так как достаточно зачистить всего несколько квадратных миллиметров поверхности на внутренней стороне отверстия ушка креста, через которое пропускается шнурок для ношения.

Во-вторых, в наличии имеется специальное оборудование для анализа состава металла. В настоящее время существуют как стационарные, так и мобильные устройства. Последние более предпочтительны, поскольку перемещение артефактов между местами хранения и исследования создает дополнительные организационные трудности, которые не всегда могут быть преодолены.

Практика изучения состава металла нательных крестов показывает, что при проведении измерений в разных частях изделия значения долей компонентов сплава находятся в некотором диапазоне [Волков и др., 2015]. При этом интервал значений таков, что, например, не позволяет надежно установить факт отливки нескольких изделий из одного расплава. Отчасти эта проблема может быть решена только путем изучения состава металла в нескольких частях изделия, что потребует неоднократной зачистки его поверхности и может причинить существенные повреждения изделию. Проведение таких исследований особенно проблематично на нательных крестах из музейных собраний, поскольку потребует согласования с руководством. Таким образом, решение этой проблемы может носить лишь частичный характер как по техническим, так и по организационным причинам. Однако вопрос о возможных разбросах значений долей компонентов сплавов уверенно решается уже на текущем этапе изучения состава металла нательных крестов.

Актуальность решения проблемы сопоставимости результатов анализа состава металла, полученных с помощью различных приборов (в том числе работающих на разных физических принципах), обусловлена тем, что исследователи, обращающиеся к теме анализа состава металла, используют доступные им приборы, которые отличаются по производителю, модели и настройкам, лежащим в основе их работы. Вероятно, разные приборы будут показывать неодинаковые значения, поэтому необходимо выявить характер и величину отклонения значений одного прибора относительно данных других приборов [Сальникова, 2016а]. Достижение этой цели в техническом отношении не имеет препятствий. Достаточно провести серию измерений нескольких изделий в одном и том же месте на различных приборах и проанализировать полученные данные. Гораздо сложнее реализовать организационный аспект – охватить максимальное разнообразие аналитической аппаратуры.

Устранение двух последних проблем имеет принципиальное значение только для решения задачи выявления изделий, отлитых из одного расплава или одного сплава. Поэтому их отнесение к первому этапу является условным и определяется конкретными проблемами, которые предполагается решать на втором этапе.

К нему нами отнесены методические проблемы и задачи реконструкции исторической действительности.

Актуальность решения проблемы связи состава металла с явлениями, процессами и событиями исторической действительности состоит в том, что трансформация состава сплавов, из которых изготавливалось изделие, могла происходить вследствие изменения различных обстоятельств. Например, начало разработки нового месторождения цветных металлов с характерным изотопным составом, изменение технологии обогащения руды и очистки металла, появление на рынке импортного металла, изменение рецептуры сплава для изменения его технологических свойств или эстетических характеристик изделий и т. п. В случае, когда нам известно время изменения тех или иных обстоятельств, обуславливающих состав сплава изделия, возможно определение и хронологических границ применения того или иного элементного состава.

В частности, решение проблемы времени появления цинка и латуни (сплав меди и цинка) в России позволит установить нижнюю хронологическую границу датирования крестов из латуни [Шемаханская, 1993]. Для этого необходимо привязать отдельные кресты и их коллекции к хронологической шкале. Мы полагаем, что это можно сделать только путем статистического сопоставления археологических, ставрографических и нумизматических коллекций, происходящих с отдельных археологических памятников или отдельных комплексов (объектов) в составе памятников. Решение этой проблемы принципиально возможно на текущем этапе исследований, так как необходимая источниковая база уже сформировалась.

Проблема источников сырья, из которого получен металл, использованный в дальнейшем для литья нательных крестов, также относится к определению связи состава металла с явлениями, процессами и событиями исторической действительности [Шемаханская, 1993]. Актуальность решения этой проблемы заключается в том, что на территории Российского государства меднорудные месторождения вводились не одновременно. Если установить месторождение, где добыта медь, которая впоследствии была использована для отливки нательного креста, то, опираясь на данные письменных источников, можно попытаться установить время начала и окончания разработки месторождения. Эти хронологические границы будут нижним и верхним временным рубежом, когда могли быть отлиты соответствующие кресты. Для решения этой проблемы необходимо проведение радиоизотопного анализа сплава крестов и их квалифицированная интерпретация. В настоящее время решение этой задачи на должном уровне не представляется возможным, поскольку такое исследование является дорогостоящим и трудозатратным (на одном приборе в течение года можно выполнить ограниченное количество измерений).

Уровень интеграции результатов анализа состава металла в общий контекст археологических исследований крайне низок. Нам представляется, что решение этой проблемы возможно

уже на текущем этапе путем поиска закономерностей между составом металла отдельных групп нательных крестов и их локализацией на территории памятника (что отражает относительную хронологию), а также между составом металла и различными характеристиками контекста обнаружения нательных крестов.

Актуальность решения проблемы разработки хронологической шкалы сплавов обусловлена практическими потребностями археологических исследований, когда в ходе раскопок бывает обнаружен нательный крест. Результаты анализа состава сплава этого креста могут быть сопоставлены с соответствующей хронологической шкалой, и в случае наличия совпадения нательный крест датируется в том или ином хронологическом диапазоне [Консервация и реставрация..., 1996].

Полное или частичное решение методических проблем позволяет перейти к решению проблем реконструкции исторической действительности.

Задача определения литейных центров и мастерских позволит, во-первых, установить сеть производственных центров и территорий, которые снабжались из этих центров и, во-вторых, выделить кресты, произведенные кустарно. Анализ плотности распределения нательных крестов определенных сплавов по территории Сибири и Дальнего Востока даст возможность решить эту проблему, по крайней мере в первом приближении. К настоящему времени сформированы многочисленные коллекции крестов, полученные в ходе археологических раскопок (кладбище с. Изюк (Омская обл.), некрополь Умревинского острога (Новосибирская обл.), Нагорное кладбище (Барнаул), некрополи Красноярского, Илимского и Иркутского острогов и др. [Бердников, 2011; Горохов, Бородовский, 2017; Молодин, 2007; Пугачев, Калашников, 2001; Тарасов, 2000; Татаурова, 2010]). Они хранятся в различных музеях Сибири и Дальнего Востока. Большое количество нательных крестов находится в собраниях «черных археологов».

Археологические свидетельства производства крестов в Сибири носят единичный характер. Например, при раскопках Саянского острога был обнаружен нательный крест со следами подтеков жидкого металла по контуру. Это в совокупности с данными о существовании в остроге литья металлов позволило С. Г. Скобелеву предположить, что крест был изготовлен в остроге [Скобелев, 2005. С. 239].

Решение проблемы классификации нательных крестов по составу сплава при использовании лома цветных металлов [Шемаханская, 1993] видится в повышении качества источниковой базы путем исключения из нее предметов, изготовленных из сплавов «случайной» рецептуры. В то же время наличие крестов из «случайных» сплавов может быть признаком кустарного производства. Этот вопрос требует проведения специального исследования. Необходимо путем применения статистических методов выделить кресты, которые по составу металла не соответствуют выявленным устойчивым рецептурам. Это не гарантирует того, что удастся таким образом обнаружить и исключить из выборки изделия из металлического лома, но позволит снизить число таких артефактов до уровня, который не окажет существенного влияния на проявляющиеся статистические закономерности. В настоящее время нет препятствий на пути решения этой проблемы. Еще один способ – изучение изотопного состава сплава. Если изделие отлито из расплава, в который был включен медный лом, имеющий иное рудное происхождение, чем другие компоненты расплава, то это даст данные, которые не будут соответствовать ни одному из известных месторождений медных руд. Однако применение такого метода имеет свои ограничения, о которых сказано выше.

Актуальность решения проблемы выявления изделий, изготовленных из полностью идентичных сплавов, обусловлена тем, что это, вероятно, единственный способ установить факт относительной синхронности формирования или существования некоторых археологических объектов или памятников. Например, в случае обнаружения нательных крестов из полностью идентичных сплавов в двух или более погребениях можно с высокой долей вероятности предполагать, что захороненные являлись современниками и их погребения были совершены с интервалом, обусловленным продолжительностью жизни в соответствующую эпоху. Перспективы решения этой задачи определяются решением проблемы неоднородности состава

металла в теле изделия и проблемы сопоставимости результатов исследований состава металла, выполненных на различных приборах (в том числе работающих на разных физических принципах), о чем сказано выше.

Решение проблемы корреляции между составом металла нательных крестов и их морфологическими признаками приобретает актуальность в том случае, когда надежно будут датированы те или иные сплавы или морфологические признаки крестов, что позволит перенести данные о хронологической принадлежности с формы креста определенного типа на конкретную рецептуру сплава и наоборот. Для решения этой проблемы необходимо располагать достаточно объемной источниковой базой, которая позволит, применяя статистические методы, достичь поставленной цели.

На протяжении XVIII и XIX вв. у потребителей были популярны нательные кресты, которые по своей форме не отличались от крестов XVII в. Это культурное явление делает практически невозможным датирование крестов в более или менее узком диапазоне [Шемаханская, 1993]. Данная проблема может быть устранена путем решения ряда вопросов, связанных с датированием сплавов этих изделий.

К третьему этапу мы относим широкий круг проблем, связанных с интеграцией данных об исторической действительности, полученных на основе анализа состава металла нательных крестов, с другими материалами по истории и археологии памятников периода русского освоения Сибири и Дальнего Востока.

Приведенный в настоящей статье обзор истории, проблем и задач анализа состава металла нательных крестов Сибири и Дальнего Востока конца XVI–XIX вв. показал, что к настоящему времени сложились условия для полного или частичного решения перечисленных проблем и повышения информационного потенциала ставрографических материалов для реконструкции исторической действительности периода русского освоения Зауралья.

Список литературы / References

- Бердников И. М.** Некрополи Иркутска XVIII–XIX вв. Результаты археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во РГТЭУ, 2011. С. 275–282.
- Berdnikov I. M.** Nekropoli Irkutsk XVIII–XIX vv. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [The necropolis of Irkutsk in the 18–19th centuries. Results of Archaeological research]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Omsk Institute (Branch) of RSTEU Publ., 2011, p. 275–282. (in Russ.)
- Боброва А. И.** Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–115.
- Bobrova A. I.** Natel'nye kresty s Tiskinskogo mogil'nika [Baptismal Crosses from the Tiskinsky Burial Ground]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2004, no. 4, p. 107–115. (in Russ.)
- Волков Д. И., Коваленко С. В., Ермацанс И. А., Палажченко А. И.** Нательный крест из Албазинского острога: проблемы атрибуции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 1. С. 73–80.
- Volkov D. I., Kovalenko S. V., Ermatsans I. A., Palazhchenko A. I.** Natel'nyi krest iz Albazinskogo ostroga: problemy atributsii [Baptismal Cross from Albazin Fortress: on Attribution]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2015, no. 1, p. 73–80. (in Russ.)
- Горохов С. В., Бородовский А. П.** Нательные кресты Умревинского острога // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 3: Археология и этнография. С. 98–107.
- Gorokhov S. V., Borodovskii A. P.** Natel'nye kresty Umrevinskogo ostroga [Baptismal Crosses from the Umrevinsky Ostrog]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2017, vol. 16, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 98–107. (in Russ.)
- Консервация и реставрация памятников истории и культуры // Экспресс-информация. М.: [Б. и.], 1996. Вып. 5–6: Исследование металла древнерусской меднолитой пластики как основа ее атрибуции. С. 1–100.**
- Konservatsiya i restavratsiya pamyatnikov istorii i kul'tury** [Preservation and Restoration of Historical and Cultural Monuments]. *Ekspress-informatsiya* [Express-Information]. Moscow, 1996, iss. 5–6, p. 1–100. (in Russ.)

- Кузьмин Я. В.** Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск: Изд-во ТГУ, 2017. 396 с.
Kuzmin Ya. V. Geoarkheologiya: estestvennonauchnye metody v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Geoarchaeology: Science Methods in archaeological research]. Tomsk, TSU Publ., 2017, 396 p. (in Russ.)
- Молодин В. И.** Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
Molodin V. I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga [Baptismal Crosses of Ilimsk Fortress]. Novosibirsk, INFOLIO Publ., 2007, 248 p. (in Russ.)
- Перевозчикова С. А., Перевошиков С. Е.** Предварительные исследования Гольянского кладбища нового времени в Прикамье // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 1. С. 85–93.
Perevozchikova S. A., Perevoshchikov S. E. Predvaritel'nye issledovaniya Gol'yanskogo kladbishcha novogo vremeni v Prikam'e [Preliminary Studies of the Goljanskoye Cemetery of the New Time in the Kama Valley]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2014, no. 1, p. 85–93. (in Russ.)
- Перевозчикова С. А., Перевошиков С. Е., Постушенко И. Ю.** Гольянское кладбище – памятник нового времени в Среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 40–47.
Perevozchikova S. A., Perevoshchikov S. E., Postushenko I. Yu. Gol'yanskoe kladbishche – pamyatnik novogo vremeni v Srednem Prikam'e [Goljanskoye Cemetery as a Site of the New Time in the Middle Kama Valley]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, Magellan Publ., 2014, p. 40–47. (in Russ.)
- Перетц В. Н.** О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. Л.: ГАИМК, 1933. 55 с.
Peretts V. N. O nekotorykh osnovaniyakh dlya datirovki drevnerusskogo mednogo lit'ya [On Some Grounds for Dating Old Russian Copper Casting]. Leningrad, GAIMK Publ., 1933, 55 p. (in Russ.)
- Пугачев Д. А., Калашников Д. С.** Предварительные итоги аварийных работ на памятнике истории и культуры Нагорное кладбище в г. Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2001. С. 270–273.
Pugachev D. A., Kalashnikov D. S. Predvaritel'nye itogi avariinykh rabot na pamyatnike istorii i kul'tury. Nagornoe kladbishche v g. Barnaule [Preliminary Results of Emergency Works on the Historical and Cultural Site of Mountainous Cemetery in Barnaul]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya* [Preservation and Study of Cultural Heritage]. Barnaul, Azbuka Publ., 2001, p. 270–273. (in Russ.)
- Савина Л. Н.** К истории производства и бытования медного художественного литья в XIX – начале XX века // Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. 2. С. 48–55.
Savina L. N. K istorii proizvodstva i bytovaniya mednogo khudozhestvennogo lit'ya v XIX – nachale XX veka [On the history of production and Application of Copper Art Casting in the XIX – early XX century]. *Russkoe mednoe lit'e* [Russian Copper Casting]. Moscow, Sol Sistem Publ., 1993, iss. 2, p. 48–55. (in Russ.)
- Сальникова И. В.** Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016а. Т. 15, № 5: Археология и этнография. С. 50–69.
Salnikova I. V. Rezul'taty statisticheskogo analiza khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya kollektsii mednolitoi plastiki [Results of the Statistical Analysis of Chemical and Technological Research of Copper Cast Collection]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 16, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 39–48. (in Russ.)
- Сальникова И. В.** Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2016б. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 39–48.
Salnikova I. V. Elementnyi analiz pravoslavnogo mednogo khudozhestvennogo lit'ya kak sposob khimiko-tekhnologicheskoi atributsii [Elemental Analysis of Orthodox Copper Art Casting as a Method of Chemical-Technological Attribution]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2016, vol. 15, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 50–69. (in Russ.)
- Скобелев С. Г.** Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 235–260.
Skobelev S. G. Osobennosti otnosheniya k predmetam religioznogo kul'ta u russkikh pervopokhodtsev Yuzhnoi Sibiri XVIII v. (po materialam Sayanskogo ostroga) [Features of the attitude to the objects of religious worship among Russian pioneers of Southern Siberia of the XVIII century (based on the materials of the Sayan ostrog)]. *Kul'tura*

ruskikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, OmSU Publ., 2005, p. 235–260. (in Russ.)

Тарасов А. Ю. Исторические некрополи Красноярска XVII–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. С. 192–194.

Tarasov A. Yu. Istoricheskie nekropoli Krasnoyarska XVII–XVIII vv. [Historical Necropolises of Krasnoyarsk in the XVII–XVIII centuries]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of Archaeological and Ethnographic Studies]. Omsk, OmSPU Publ., 2000, p. 192–194. (in Russ.)

Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. По материалам комплекса Изюк I. Омск: Апельсин, 2010. 284 с.

Tataurova L. V. Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. Po materialam kompleksa Izjuk-I [Burial Rite of the Russian Middle Irtysh Valley in the 17–19th centuries. Based on the Materials of Izjuk I Site]. Omsk, Apel'sin Publ., 2010, 284 p. (in Russ.)

Татаурова Л. В., Тишкин А. А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестн. Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 1. С. 220–231. DOI 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231

Tataurova L. V., Tishkin A. A. Results of X-ray Fluorescence Analysis of Cult Casting Products from the Collections of Archaeological Objects of the 17th – 18th Centuries Among the Russian Population of the Omsk Priirtyshye Region. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2018, no. 1 (17), p. 220–231. (in Russ.) DOI 10.25513/2312-1300.2018.1.220-231

Шемаханская М. С. К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья // Русское медное литье. М.: Сол Систем, 1993. Вып. 2. С. 8–10.

Shemakhanskaya M. S. K voprosu o khimiko-tekhnologicheskoi atributsii mednogo khudozhestvennogo lit'ya [On Chemical and Technological Attribution of Copper Art Casting]. *Russkoe mednoe lit'e* [Russian Copper Casting]. Moscow, Sol Sistem Publ., 1993, iss. 2, p. 8–10. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

25.06.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, gorokhov.sv@gmail.com)

Sergei V. Gorokhov, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, gorokhov.sv@gmail.com)

УДК 903.01/09
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-56-66

Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования

П. В. Волков^{1,2}, Л. В. Лбова^{1,2}, Ю. С. Губар¹, О. Л. Швец²

¹ Новосибирский государственный университет

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

Многослойная стоянка Усть-Кова является одним из известных позднепалеолитических памятников Северного Приангарья, где были обнаружены изделия из бивня. Реставрационные работы с находками, происходящими с площади данного объекта, открыли возможности для комплексного микроскопического исследования, связанного с экспертизой технологии изготовления различных предметов и анализа красок на них. Для определения элементного состава краски на поверхности скульптуры использовался метод сканирующей электронной микроскопии и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии, что позволило изучить микроструктуру образца, определить элементы, количественные показатели компонентов в составе пигмента. В результате было установлено, что процесс изготовления скульптурного изображения происходил в несколько этапов, на каждом из которых проявились особенности использованного инструментария. Отмечена высокая эффективность работы изготовителя при использовании им минимального состава обрабатывающего инструментария.

Ключевые слова

Сибирь, Приангарье, поздний палеолит, стоянка Усть-Кова, палеолитическое искусство, бивень мамонта, микроскопический анализ, технология обработки

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ-CNRS (проект НЦНИЛ № 17-56-16016).

Авторы выражают глубокую признательность и благодарность за консультации доктору исторических наук, профессору Н. И. Дроздову, по инициативе которого и состоялось предлагаемое исследование.

Для цитирования

Волков П. В., Лбова Л. В., Губар Ю. С., Швец О. Л. Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 56–66. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-56-66

A Mammoth Figure from Ust'-Kova Site: Results of Microscopic Study

P. V. Volkov^{1,2}, L. V. Lbova^{1,2}, Yu. S. Gubar¹, O. L. Shvets²

¹ Novosibirsk State University

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. The Ust'-Kova site is one of the most famous Upper Paleolithic multi-layered sites of the Northern Angara region in which ivory artifacts were found. The postulate that works of art could play a decisive role in highlighting

© П. В. Волков, Л. В. Лбова, Ю. С. Губар, О. Л. Швец, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

local differences in the Upper Paleolithic of Eurasia remains a topical one. This figure of the mammoth is a rare case of a zoomorphic Paleolithic image in general and a unique image of this animal in a Siberian archaic tradition, in comparison with the known images found in Europe and on the Russian Plain. Restoration work on this unique figure of the mammoth opened up new possibilities for a comprehensive microscopic study related to the technology of manufacturing art figures and the analysis of paints on their surface.

Results. To determine the elemental composition of paint on the surface of the figure, we used the scanning electron microscopy method and energy dispersive X-ray spectroscopy. This allowed us to study the microstructure of the paint, determine the elemental composition of the pigment in the sample and its quantitative indices. We distinguished black paint with domination of manganese, iron and magnesium and red paint with the dominance of chlorine, phosphorus, alum inosilicates, iron, manganese. In the latter case, we definitely identify an artificial pigment, as indicated by a wide range of additives.

Conclusion. As a result of experimental and technological research, we established that the process of making the figure occurred in several stages. On every stage we reveal peculiarities of using the tools. High efficiency of the manufacturer's work is evident due to using the minimum of the tool kit, only a planning knife and a pair of cutters. Small details of the figure remained unworked. They are unlikely to be a consequence of the personal abilities of the work of the ancient master. The master did not use such tools as a carver or a simple drill. This can be considered a characteristic detail of the process of manufacturing. Relative primitiveness of the item is probably due to the scantiness of the toolkit and the relatively low level of technology development during the period studied. In general, the figurative art of the Ust'-Kova site is characterized by geometrized stylization, primitive surface treatment, lack of detail and ornamentation, which gives it a peculiar individuality.

Keywords

Siberia, Angara region, Late Paleolithic, Ust'-Kova site, Paleolithic art, mammoth ivory, microscopic analysis, technology

Acknowledgements

The researches was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (CNRS) (project № 17-56-16016).

The authors express their deep appreciation and gratitude for the consultations of the Doctor of Historical Sciences, Professor N. I. Drozdov, on whose initiative the present research took place.

For citation

Volkov P. V., Lbova L. V., Gubar Yu. S., Shvets O. L. A Mammoth Figure from Ust'-Kova Site: Results of Microscopic Study. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 56–66. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-56-66

Исследования палеолитического искусства в Сибири в последнее время получили новый импульс, связанный как с общим контекстом научных дискуссий в области археологии палеолита и эволюции человека, так и с развитием инструментальной базы и исследовательских процедур, позволяющих обнаружить новые сюжеты в практике художественного творчества ледниковой эпохи. Кроме того, актуальным остается постулат о том, что предметы искусства могли бы играть определяющую роль в выделении локальных различий в верхнем палеолите Евразии. Фигурка мамонта из комплекса Усть-Кова (Северной Приангарье) со следами окрашивания является редким случаем как зооморфного палеолитического образа в целом, так и представления этого животного в сибирской архаичной пластике [Абрамова, 1962]. Поэтому важно провести экспертизу технологии изготовления данного предмета и анализ пигмента на нем, т. е. в итоге оценить эффективность работы изготовителя и определить состав использованного им обрабатывающего инструментария. Это и будет являться целью настоящего исследования.

Многослойная стоянка Усть-Кова считалась одним из наиболее известных памятников Северного Приангарья, являясь основным объектом геоархеологического комплекса в устье р. Ковы (Кежемский район Красноярского края). В настоящее время она полностью раскопана, и ее территория затоплена водами Богучанского водохранилища. Как памятник позднего палеолита упоминалась Н. П. Береговой [1960] со ссылкой на устное сообщение А. П. Окладникова об итогах разведки территорий Средней и Нижней Ангары в 1937 г. Многослойное строение стоянки было установлено только в 1969–1972 гг. после разведочных работ, проведенных отрядом Иркутского государственного университета под руководством Г. И. Медведева: зафиксированы три культурных слоя, датированных палеолитом, неолитом и эпохой палеометалла. Стационарные раскопки производились в 1976–1991 гг. Северо-

Ангарской археологической экспедицией Красноярского государственного пединститута под руководством Н. И. Дроздова (см. [Дроздов, 1981; Васильевский и др., 1988] и др.). В начале 2000-х гг. небольшие работы на Усть-Кове велись отрядом В. П. Леонтьева [Хроностратиграфия..., 1990]. Последние раскопки стоянки, уточнившие стратиграфическое и культурно-хронологическое определение комплекса, были проведены в 2011 г. [Акимов и др., 2014]. Широкую известность памятник получил после открытия в 1981 г. двух зооморфных изображений из бивня мамонта [Васильевский, Дроздов, 1983; Акимов, Метляев, 2005; Шмидт, 2011].

На основании стратиграфии и радиоуглеродных дат Н. И. Дроздовым в 3-м культурном горизонте было выделено три палеолитических комплекса [Дроздов, 1981; Васильевский и др., 1988; Хроностратиграфия..., 1990]. Образцы угля комплексов, полученные из раннесартанского солифлюксия, дали даты 32 865 л. н. (СОАН-1960)¹, 30 100 ± 310 л. н. (ГИН-1741), 28 050 ± 670 л. н. (СОАН-1875). Двумя датами – 23 920 ± 310 л. н. (КРИЛ-381) и 14 220 ± 100 л. н. (ЛЕ-1372) – ограничены рамки культуровмещающих отложений. Позже получены даты 23 929 ± 855 л. н. (NSKA-s619), 19 676 ± 648 л. н. (NSKA-s620), 22 448 ± 774 л. н. (NSKA-s621), которыми было обосновано выделение среднего и позднего комплексов, где обнаружены изделия из бивня, в том числе скульптуры [Дроздов, 1981; Васильевский, Дроздов, 1983]. Средний комплекс представлен более чем тремя тысячами находок из камня и более чем десятью 10 тысячами фаунистических остатков. В целом, индустрия комплекса Усть-Ковы, в котором были обнаружены изделия из бивня, имеет пластинчатый характер, с преобладанием пластин «неправильной» формы: изогнутых в профиле, без параллельной огранки.

Интерпретация одного из скульптурных профильных изображений (мамонта) не вызывает сомнений [Васильевский, Дроздов, 1983], второе же имеет три варианта трактовки: «птичка, сидящая в гнезде» [Там же], «нерпа» [Акимов, Метляев, 2003] и «птица-нерпа» [Шмидт, 2011]². К этому же, среднему, комплексу отнесены плоские круглые бусинки, обломок «браслета», разнообразные изделия неопределенного назначения, многочисленные пластины из бивня со следами нарезок и насечек, бусинки различных форм.

Реставрационные работы, являющиеся необходимыми в ситуации длительного хранения уникального изделия древнейшего искусства Сибири, открыли возможности для комплексного микроскопического исследования, связанного с экспертизой технологии его изготовления, в параметрах, необходимых для последующего анализа и определения элементного состава красок на поверхности предмета (рис. 1).

Во время хранения и в ходе первоначального изучения найденная в двух фрагментах фигурка мамонта³ расслоилась по «конусам роста». В целях сохранения формы и внешнего вида предмета была осуществлена первая фиксация – склейка частей между собой. За более чем 35 лет открытого хранения произошло естественное старение и разрушение клеевого слоя, что вызвало отход фрагментов от основного массива фигурки. В связи с этим было принято решение провести консервационно-реставрационные мероприятия для всего предмета. В результате проведения первичных действий фигуру мамонта удалось демонтировать на фрагменты пластин с последующим удалением старого клея. Закрепление костного материала прошло путем полного погружения фрагментов в спиртовой раствор консерванта «Paraloid B72». После монтажа частей скульптура мамонта приобретет первоначальный вид.

Обследование артефакта в процессе консервационно-реставрационных работ и микрофотографирование технологических следов и деталей производилось с помощью бинокулярного

¹ Аббревиатура здесь и далее – коды лабораторных анализов.

² Микроскопическое исследование 2018 г. этого предмета подтверждает мнение Е. В. Акимовой и С. В. Метляева.

³ Предмет хранится в Музее ИАЭТ СО РАН, шифр 239/14 ВХ.

Рис. 1. Скульптура мамонта со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье (состояние до проведения реставрационных работ; деление составляет 1 см) (фото авторов)

Fig. 1. Sculpture of a mammoth from the Ust'-Kova site in the Northern Angara region (condition before the restoration works; divisions are 1 cm each) (photo of the authors)

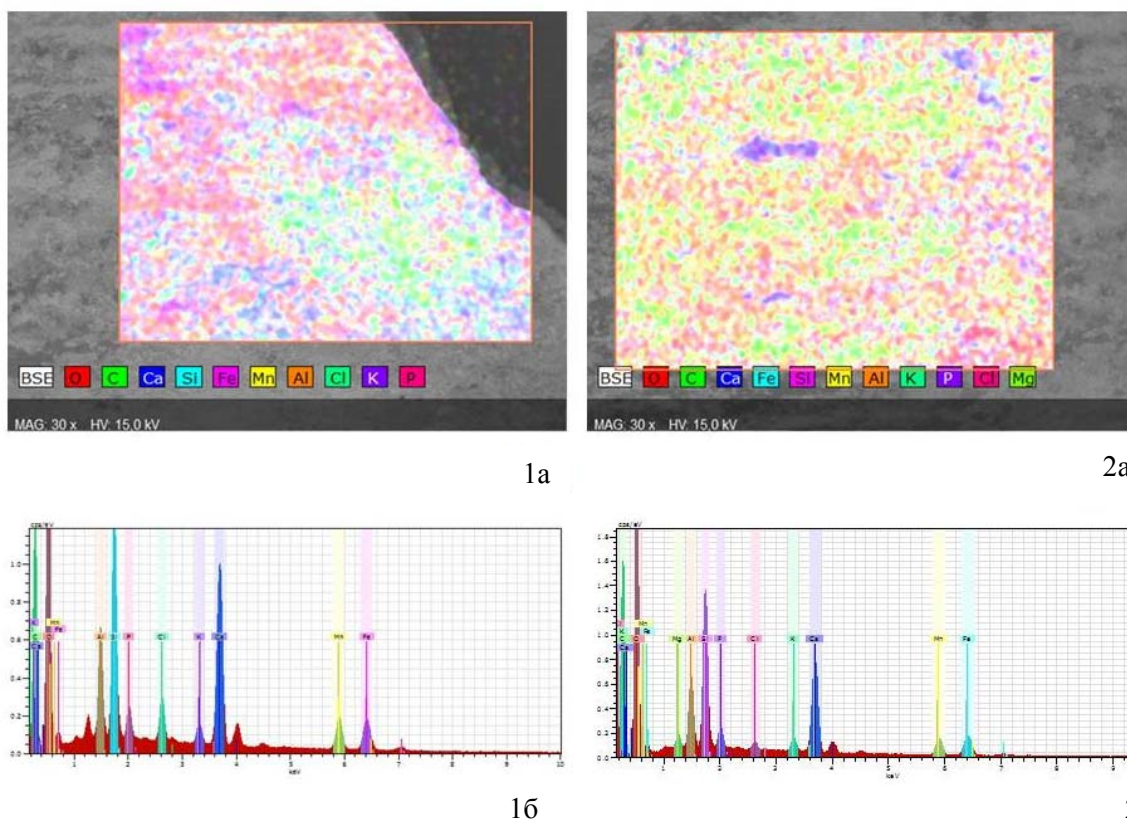
микроскопа, цифровой камеры и программного обеспечения Altami, а также цифровой камеры Nikon. При исследовании использовалась Сибирская коллекция трасологических эталонов и опыт экспериментально-технологических исследований материалов сибирских памятников Мальта и Буреть [Lbova, Volkov, 2016]. Сохранность изделий определена как хорошая, что позволило провести необходимый анализ, предоставивший информацию для фиксации особенностей технологии производства изделия.

Для определения элементного состава краски на поверхности скульптуры, отмеченной при раскопках, использовался метод SEM-EDX (сканирующая электронная микроскопия и энергодисперсионная рентгеновская спектроскопия), который позволяет исследовать микроструктуру тел, определять элементный состав пигмента в образце и его количественные показатели. С помощью электронного микроскопа изучается структура тела, локальный состав, что в дальнейшем позволяет получить информацию о химическом составе и его распределении на площади образца. Анализ выполнен на электронном микроскопе Bruker Nano GmbH Quantax 70 (Germany). Метод позволяет работать в широком и плавно перестраиваемом диапазоне увеличений до 30 000 крат. При помощи метода SEM-EDX были получены следующие результаты: фотографии точки спектроскопии (рис. 2, 1а, 2а), элементный состав в зоне выбранной точки в процентах, а также график спектра, демонстрирующий набор основных химических элементов, присутствующих в образце (рис. 2, 1б, 2б).

Скульптура мамонта выполнена на уплощенной, слегка выгнутой заготовке бивня. Контурно, треугольной выемкой, выделены крупная голова, наклоненная вперед, крутой затылок и относительно покатая лобовая часть, прямая линия спины, плавно переходящая в заднюю часть ног (они, передние и задние, показаны короткими и массивными). Очевидно, что фигурка имела устойчивое положение, опираясь на три точки – ноги и хобот. Размеры изделия $8,4 \times 4,8 \times 2,3$ см⁴.

Судя по ранним цветным фотографиям, поверхность предмета была обильно окрашена красновато-бурым пигментом, который перекрывал черный пигмент. Очевидно, в процессе хранения краски утратили свой цвет и заметны невооруженным глазом лишь на отдельных

⁴ Данные Музея ИАЭТ СО РАН.

*Рис. 2. Спектральный анализ пигментов на скульптуре:
 1 – красный пигмент; 2 – черный пигмент (а – микроструктура вещества, увеличение 300х;
 б – график количественных характеристик элементов спектра)*

*Fig. 2. Spectral analysis of pigments on sculpture:
 1 – red pigment; 2 – black pigment (a – the microstructure of the substance, an increase of 300х;
 b – graph of the quantitative characteristics of the elements of the spectrum)*

Результаты элементного анализа, %
 The results of elemental analysis, %

Пигмент Pigment	Химический элемент / Chemical element										
	O	C	Ca	Si	Fe	Al	Mn	Cl	P	K	Mg
Красный Red	41,9	28,3	9,1	5,1	5,9	2,3	4,9	1,1	0,6	0,7	–
Черный Black	42,5	31,7	6,9	5,7	5	2,5	3,4	0,3	0,8	0,8	0,5
Нейтральный (фон) Neutral (background)	41,7	49,5	4	1,2	0,4	0,7	–	0,3	1,7	0,2	0,3

участках скульптуры (в районе головы и ног) (см. рис. 1). Микроскопические исследования показали, что следы черного пигмента пятнами покрывают тело животного, а красновато-бурый пигмент сохранился отдельными редкими скоплениями в зонах выемок и в порах бивня (см. рис. 2).

Для изучения пигментов были выбраны три точки сканирования: область, где зафиксированы следы красного (красновато-бурого) пигмента, область со следами черного пигмента и общий фон, где не было отмечено красящих веществ. Результаты анализа пигментов на скульптуре мамонта представлены в таблице.

Элементный состав нейтрального участка, «фона» поверхности без краски, существенно отличается от элементного состава пятен пигментов, видимых под микроскопом. Доминирующим элементом является кальций, содержание кремния значительно меньше, а фосфора больше. Ниже порога значимости расположены следующие химические элементы: магний, хлор, калий. Отсутствует марганец. Следует отметить, что содержание железа и алюминия в данном элементном составе гораздо меньше, чем в химическом составе пигментов.

Элементный анализ красновато-бурого пигмента показал, что содержание кальция оказалось доминирующим в составе, также в нем присутствуют железо, алюминий, кремний, марганец, отмечается небольшое процентное содержание хлора (см. рис. 2, 1б). Ниже уровня значимости находятся калий и фосфор. Присутствие марганца в составе показательно, так как известно, что оксиды и гидроксиды марганца ($MnO(OH)$), как правило, добавлялись для придания красному цвету более темного, коричневатого оттенка. Повышенное содержание кальция (по сравнению с общим фоном поверхности бивня) может свидетельствовать о том, что в составе костной массы кальций дополнительно входил в формирование добавок для изготовления красного или черного пигментов. Аналогичную картину мы наблюдаем при высоких показателях составляющих глинистых материалов – алюминия и кремния, являющихся основой добавок в краску.

В элементном составе черного пигмента доминирующим субстратом является кальций, содержание железа незначительно меньше, присутствует марганец, кремний и алюминий. Ниже порога значимости расположены фосфор, калий, магний, хлор (см. рис. 2, 2б). Темную окраску пигменту дает присутствие марганца и магния, которые являются основой пиролюзита (или близких к нему по составу минералов), определяющего черный цвет.

Обследование поверхности артефакта показало, что процесс изготовления скульптурного изображения можно разделить на несколько этапов. На каждом из них отмечены особенности инструментария и определенная локализация следов его использования.

При первоначальном общем формировании поверхности изделия и его контура использовался строгальный нож (рис. 3). Рабочие движения орудия позволяли обработать заготовку в процессе ее уплощения и формирования выемок по контуру. На предмете зафиксированы следы срезания с линейной протяженностью по поверхности более сантиметра. Столь радикальное формоизменение поверхности потребовало исправлений неизбежных погрешностей, образовавшихся от работы строгального ножа.

На втором этапе происходило удаление дефектов работы строгального ножа. Характерная «ступенчатость» в начале и в окончании трассы работы ножа нивелировалась резцами. Они позволяли не только сгладить общую поверхность изделия, но и детализировать форму отдельных, значимых для выразительности образа скульптуры, деталей. При сравнительно грубой работе на плоскостях артефакта использовался резец с относительно неровно оформленным рабочим краем, оставляющий глубокие параллельные бороздки на обрабатываемой поверхности (рис. 3, а). При более деликатной работе по оформлению паховых элементов скульптуры использовался резец с более тщательно подготовленным рабочим краем, следы работы которого хорошо различимы (рис. 3, б). Углубление в районе паха выполнено не перфоратором, что было бы естественно с технологической точки зрения, а строгальным ножом (рис. 3, в). Общая площадь поверхности фигурки со следами работы резцов (рис. 4, а) заметно меньше площади следов, оставленных строгальным ножом на первом этапе работ. Рабочая кинематика орудий нестабильна (рис. 4, б), что свидетельствует о второстепенной роли данных инструментов при работе с изделием.

На поверхности изученного предмета зафиксированы следы полировки, генезис которой может быть связан как с завершением процесса производства скульптуры, так и с особенностями ее использования или хранения.

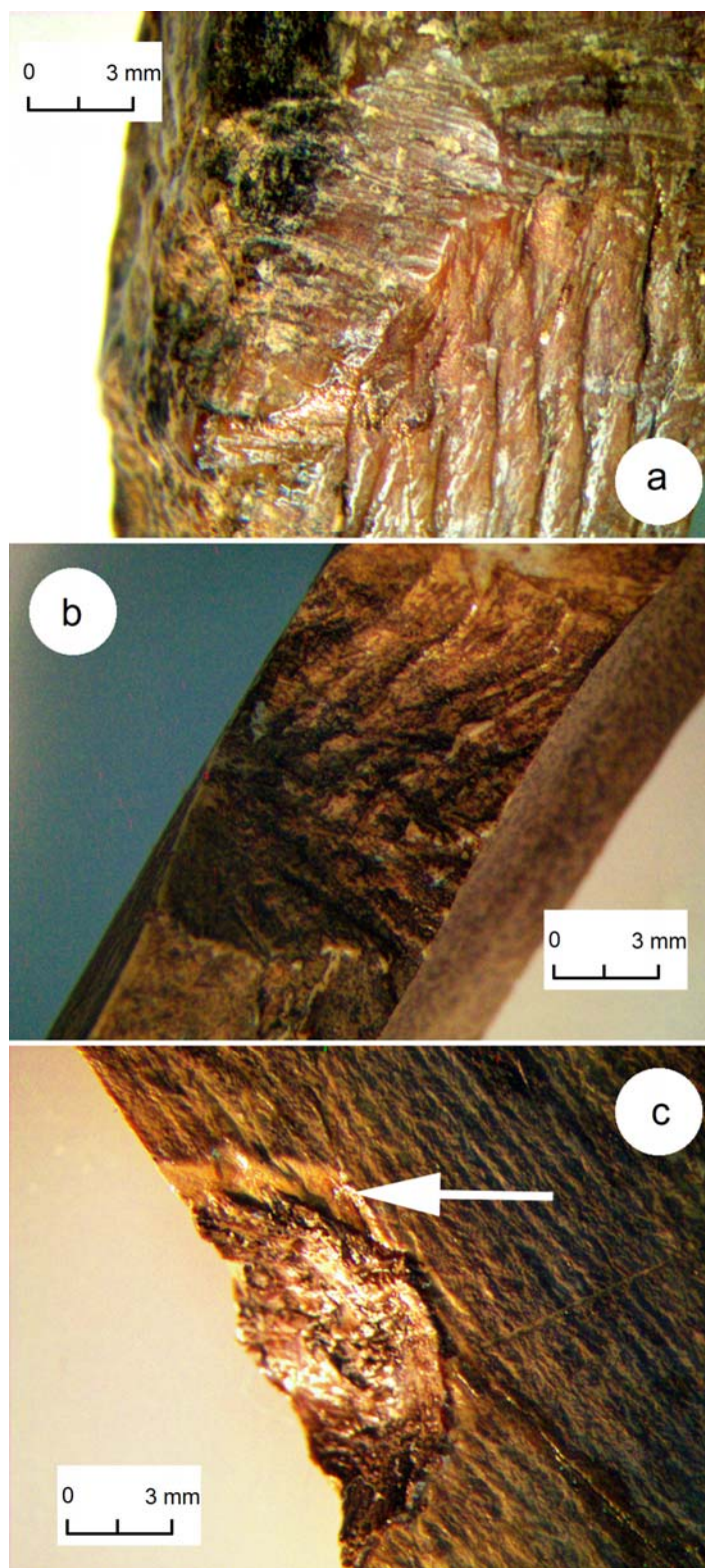

Рис. 3. Следы работы строгального ножа при сглаживании поверхности (а), оформлении небольших элементов скульптуры (b) и детализации углублений (с) (фото авторов)

Fig. 3. Traces of the work of the planer knife when smoothing the surface (a), decorating small elements of the sculpture (b) and detailing the recesses (c) (photo of the authors)

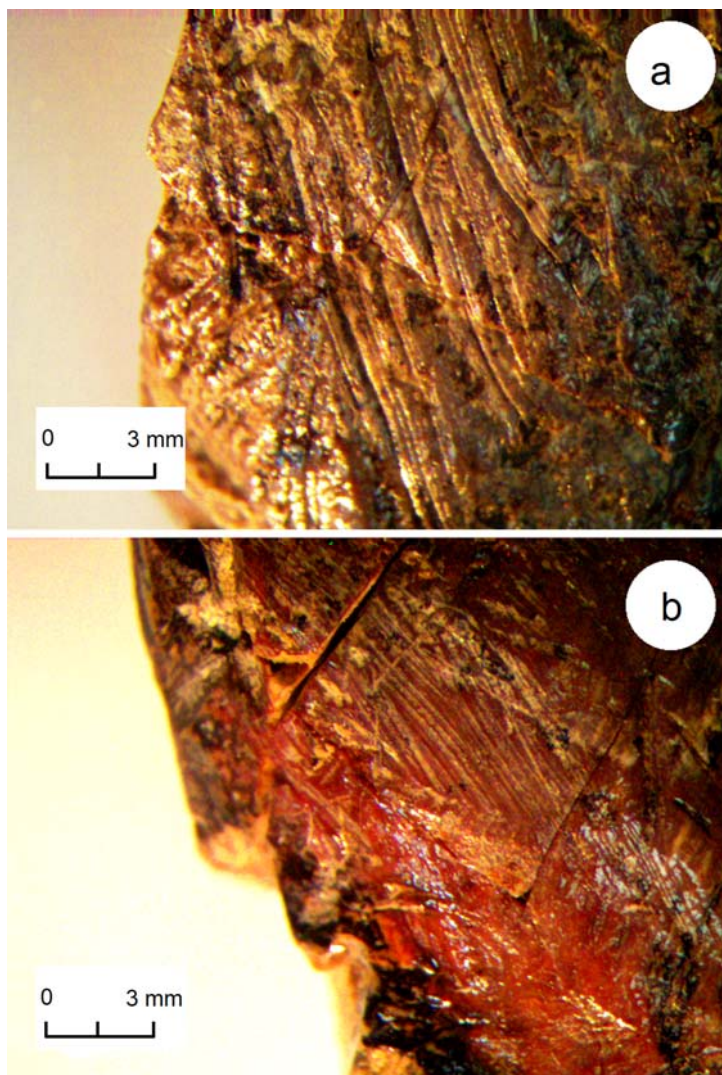

Рис. 4. Следы использования резцов (а) и хаотичность их рабочей кинематики (b) при формировании поверхности и контура изделия (фото авторов)

Fig. 4. Traces of the use of incisors (a) and the randomness of their working kinematics (b) in the formation of the surface and contour of the product (photo of the authors)

В целом, характеризуя процесс производства фигурки, следует отметить достаточно высокую эффективность работы при использовании минимального состава обрабатывающего инструментария (строгальный нож и резцы). На скульптуре, однако, не проработаны вполне уместные здесь для придания выразительности образа мелкие детали. Маловероятно, что это следствие личных ограниченных способностей мастера. Отказ от использования таких орудий, как резчик или провертка, – характерная деталь процесса производства. Более вероятно, что относительная примитивность изделия обусловлена скудностью набора инструментария и относительно низким уровнем развития технологии в изучаемое время.

Можно уверенно говорить об использовании пигмента искусственного происхождения – добавление к природным железосодержащим материалам иных, органических и неорганических, добавок, на что указывает широкий спектр красного пигмента (см. таблицу). Это об-

стоятельство косвенно подчеркивает важный культурный признак в технологической цепочке изготовления и возможной утилизации предмета, близкий к аналогичным практикам, обнаруженным нами в мальтинской коллекции. Необходимо отметить, что спектральный анализ показал существенную разницу в спектре красного пигмента на поверхности скульптуры мамонта и красного пигмента на поверхности иных изделий из бивня, отнесенных к категории предметов персональной орнаментации.

В ряде ранних работ Н. И. Дроздовым высказывалась мысль о близости позднего и среднего комплексов Усть-Ковы к мальтино-буретской археологической культуре, отмечались черты сходства индустрии с комплексами находок из местонахождений Малая Сыя и Афанасьева гора, Шестаково, дюктайскими материалами, Сухотино I [Дроздов, 1981]. Такие разновременные и разнокультурные аналогии не позволяют адекватно идентифицировать индустрию комплекса Усть-Кова [Акимова и др., 2014]. По возрасту скульптурные изображения автором раскопок отнесены к среднему комплексу верхнепалеолитического подразделения, датированному 19–24 тыс. л. н. на основании серии дат, что согласуется с датировками «классического» компонента Мальты [Каменный век..., 2001]. Это обстоятельство дает ему основание для корреляции усть-ковинского искусства с мальтинским [Васильевский, Дроздов, 1983]. Однако на фоне реалистичного и детализированного искусства Мальты усть-ковинский мамонт максимально стилизован.

Известные сибирские находки изображений мамонта в материалах Мальты в Приангарье (коллекция Государственного Эрмитажа) и случайная находка на р. Берелех в Якутии представляют собой гравированные рисунки на пластинах, вероятно, являвшихся частями изделий (возможно, диадем). Известны находки фигурок мамонта из бивня, кости, мергеля и глины в верхнепалеолитических комплексах Русской равнины и Восточной Европы: Костенки-1, Авдеево, Пржедмости, Фогельхерд, Дольни-Вестонице и др. Однако полных изобразительных аналогий с усть-ковинской находкой найти сложно как в ближайшем, так и в отдаленном территориальном и хронологическом историко-культурном контексте.

Для фигуративного искусства Усть-Ковы характерна геометризированная стилизация, примитивность обработки, отсутствие деталей и орнаментации, что и придает комплексу локальную специфику и индивидуальность. Однако определенные генетические связи с мальтино-буретским феноменом в целом имеются, что может быть следствием близкого уровня культурного развития.

Список литературы / References

- Абрамова З. А.** Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Наука, 1962. 86 с.
Abramova Z. A. Paleolicheskoe iskusstvo na territorii SSSR [Paleolithic Art in the Territory of the USSR]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1962, 86 p. (in Russ.)
- Акимова Е. В., Кукса Е. Н., Стасюк И. В., Томилова Е. А., Харевич В. М., Мотузко А. Н.** Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 311–319.
Akimova E. V., Kuksa E. N., Stasyuk I. V., Tomilova E. A., Kharevich V. M., Motuzko A. N. Poslednie raskopki paleolicheskoi stoyanki Ust'-Kova v Severnom Priangar'e [Recent Excavations of the Paleolithic Site Ust'-Kova in the Northern Angara Region]. *Verkhniy paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii* [Upper Paleolithic in Northern Eurasia and America: Cultural Cites, Traditions]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2014, p. 311–319. (in Russ.)
- Акимова Е. В., Метляев С. В.** Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. Красноярск, Изд-во КГПУ, 2003. Вып. 2. С. 18–19.
Akimova E. V., Metlyayev S. V. Interpretatsiya skul'pturnogo izobrazheniya s paleolicheskoi stoyanki Ust'-Kova [An Interpretation of a Sculpture from the Paleolithic Site Ust'-Kova]. *Drevnosti Prieniseiskogo kraya* [Antiquities of the Yenisei Region]. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 2003, iss. 2, p. 18–19. (in Russ.)

- Береговая Н. П.** Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 81. М.; Л.: Наука, 1960. 218 с.
Beregova N. P. Paleoliticheskie mestonahozhdeniya SSSR [Paleolithic Sites in the USSR]. *MIA 81 [Materials and research about archaeology of the USSR, 81]*. Moscow, Leningrad, 1960, 218 p. (in Russ.)
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.** Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука, 1988. 226 с.
Vasilievskii R. S., Burilov V. V., Drozdov N. I. Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangar'ya [Archaeological Sites of the Northern Angara Region]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 226 p. (in Russ.)
- Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.** Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983. С. 59–65.
Vasilievskii R. S., Drozdov N. I. Paleoliticheskie skul'pturnye izobrazheniya iz Vostochnoi Sibiri [Paleolithic Sculptures from Eastern Siberia]. *Plastika i risunki drevnikh kul'tur [Sculptural Traditions and Drawings in Ancient Cultures]*. Novosibirsk, Nauka, 1983, p. 59–65. (in Russ.)
- Дроздов Н. И.** Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 16 с.
Drozdov N. I. Kamennyi vek Severnogo Priangar'ya [The Stone Age in the Northern Angara Region]. Cand. Histor. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 1981, 16 p. (in Russ.)
- Каменный век Южного Приангарья. Бельский геоархеологический район. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2001. Т. 2. 242 с.**
Kamennyi vek Yuzhnogo Priangar'ya. Bel'skii geoarkheologicheskii raion [The Stone Age in the Southern Angara Region. Bel'sky Geoarchaeological District]. Irkutsk, ISU Publ., 2001, vol. 2, 242 p. (in Russ.)
- Шмидт И. В.** К проблемам переосмысления образности фигурки из Усть-Ковы // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: Материалы LI РАЭС. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2011. С. 9–11.
Shmidt I. V. K problemam pereosmysleniya obraznosti figurki iz Ust'-Kovy [On Reconsidering the Symbolism of the Ust'-Kova figure]. *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoi Evrazii: problemy, poisk, otkrytiya [Archaeology, Ethnography, Paleoecology of Northern Eurasia: Issues, Search, Discoveries]*. Materials of LI RAESC. Krasnoyarsk, KSPU Publ., 2011, p. 9–11. (in Russ.)
- Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1990. С. 169–175.**
Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednei Sibiri (bassein Eniseya). Putevoditel' ekskursii Mezhdunarodnogo simpoziuma [Chronostratigraphy of Paleolithic Sites in Middle Siberia (the Yenisei Basin). Guide's excursions of the International Symposium]. Novosibirsk, Institute of History, Philology and Philosophy SB AS USSR Publ., 1990, p. 169–175. (in Russ.)
- Lbova L., Volkov P.** Processing Technology for the Objects of Mobile Art in the Upper Paleolithic of Siberia (the Malta Site). *Quaternary International*, 2016, vol. 403, p. 16–22.

Материал поступил в редколлегию
Received
30.07.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

- Волков Павел Владимирович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, volkov100@yandex.ru)
Pavel V. Volkov, Doctor of History, leading researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), leading researcher at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, volkov100@yandex.ru)

Лбова Людмила Валентиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, llbova@ngs.ru)

Lyudmila V. Lbova, Doctor of History, Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, llbova@ngs.ru)

Губар Юлия Сергеевна, магистрант Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, julfoxzzz@gmail.com)

Yulia S. Gubar, Graduate Student at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, julfoxzzz@gmail.com)

Швец Ольга Львовна, ведущий художник-реставратор Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, ribcz@ngs.ru)

Olga L. Shvets, Leading Art Restorer at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, ribcz@ngs.ru)

УДК 902/904

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-67-73

Новые данные о позднеплейстоценовых – раннеголоценовых каменных индустриях на территории Северного Вьетнама

А. П. Деревянко^{1,2}, А. В. Кандыба², А. М. Чеха²

¹ Новосибирский государственный университет

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

В Национальном парке Кукфюнг в Северном Вьетнаме с 1970-х гг. в известняковых массивах было открыто и исследовано около десятка пещер и скальных навесов. Обнаружены каменные изделия, человеческие останки и кости животных, относящиеся к позднему палеолиту – неолиту. В 2012 г. совместной Российско-Вьетнамской археологической экспедицией в результате разведочных работ обнаружена ранее не исследованная пещера Зиём. В ходе раскопочных работ было выделено три крупных культурно-литологических подразделения, найдено 2118 каменных артефактов, относящихся к позднему палеолиту – неолиту. На данном этапе исследований определить предположительный возраст слоя 3 пещеры Зиём довольно сложно. Предварительные результаты говорят о том, что данное местонахождение относится к кругу пещерных памятников коммуны Тханьён, таких как Конмонг и Мангчинг. Антропологический материал слоев 2 и 3 свидетельствует о проживании в ней человека современного анатомического вида, но его каменная индустрия мало чем отличалась от индустрии, типичной для стоянок каменного века Вьетнама.

Ключевые слова

Северный Вьетнам, пещера Зиём, поздний палеолит, литологические подразделения, фаунистический комплекс, человек современного анатомического вида

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-59-92001 ВАОН_а)

Для цитирования

Деревянко А. П., Кандыба А. В., Чеха А. М. Новые данные о позднеплейстоценовых – раннеголоценовых каменных индустриях на территории Северного Вьетнама // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 67–73. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-67-73

New Data on Stone Industries of Late Pleistocene – Early Holocene Period on the Territory of Northern Vietnam

A. P. Derevianko^{1,2}, A. V. Kandyba², A. M. Chekha²

¹ Novosibirsk State University

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. Since the 1970s, about a dozen caves and rock shelters have been discovered and explored in the limestone massifs of the Cuc Phuong National Park (North Vietnam), in which stone artifacts, human remains and animal bones belonging to the late Paleolithic-Neolithic period have been found. Archaeological research of the 2012 joint Russian-

© А. П. Деревянко, А. В. Кандыба, А. М. Чеха, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

Vietnamese archaeological expedition extended the list of archaeological sites with a newly discovered cave Diem with a large number of stone products, the complex of faunal and anthropological material. The height of the cave Diem above sea level is 100 m, the entrance is oriented to the North-East. The illuminated entrance part of the cave has a tube-like shape about 30 m long and 5 to 10 m wide. Extending deep into the limestone massif in the form of karst cavities, the cave has a total area of about 500 m².

Results. In 2013, the site explored in 2012 had the excavation area of 5 m². In 2014, the area of the excavation was expanded in the North-West direction by 3 m², thus the total of the investigated area was 9 m². In addition to the mechanically mixed upper layer, which included multi-temporal cultural remains, three large cultural and lithological units, numbering 2 118 stone artifacts belonging to the late Paleolithic – Neolithic were identified during the excavation work. In the first cultural-lithological division, there were 39 fragments of ceramics along with stone products. The anthropological material found is represented by a cluster of highly charred and fragmented human bones, presumably of one person. In layer 2, apart from the stone products researchers found a burial of a man whose bone remains were fragmented but were not exposed to fire, as in layer 1. In the roof of layer 3, there was discovered a burial of a woman. More than 1000 bone fragments of reptiles, birds and mammals were collected within the two lower cultural-lithological units.

Conclusion. The ceramics found in layer 1 of the Diem cave allows us to correlate it with the Neolithic culture of Da But, whose period of existence varies in the range of 7000-4000 ka. A powerful block horizon located in layer 2 indicates a strong earthquake whose traces are observed in the same stratigraphic conditions in all the caves of the region under study. The absence of ceramics in cultural unit 2 can be attributed to the early Holocene period (about 10 000 ka). The estimated age of layer 3 of the Diem cave is currently difficult to define. Based on preliminary results, we can suppose that this location belongs to cave sites of the commune Thanh Yen, such as Con Moong and Mang Chieng. Culturally and chronologically it corresponds to the culture of Hoa Binh.

Keywords

North Vietnam, Diem cave, Late Paleolithic, lithological units, faunal complex, man of modern anatomical type

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-59-92001 BAOH_a

For citation

Derevianko A. P., Kandyba A. V., Chekha A. M. New data on stone industries of Late Pleistocene – Early Holocene Period on the territory of Northern Vietnam. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 67–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-67-73

Национальный парк Кукфьонг, расположенный в провинции Тханьхоа (Северный Вьетнам), в археологическом плане представляет большой интерес. Здесь в известняковых массивах природа создала большое количество карстовых полостей, часть которых являлась вполне пригодными для обитания древнего человека. С 1970-х гг. в Кукфьонге было открыто и исследовано около десятка пещер и скальных навесов, в которых обнаружены каменные изделия, человеческие останки и кости животных, относящиеся к позднему палеолиту – неолиту. В рамках работы совместной Российско-Вьетнамской археологической экспедиции по изучению каменного века Вьетнама открыты новые, ранее не исследованные пещерные объекты. В частности, в 2012 г. в результате разведочных работ обнаружена новая, ранее не исследованная пещера Зиём (Điêm), что представляет большой научный интерес. Новые археологические и антропологические материалы, происходящие из ее отложений, изученных в последние годы, весьма важны с точки зрения развития современных представлений об условиях и этапах освоения человеком территории Юго-Восточной Азии, в связи с чем они нуждаются во введении в научный оборот. Это и является целью настоящей публикации.

Пещера Зиём расположена на территории деревни Бансан, коммуны Тханьен района Тханьтхань провинции Тханьхоа и относится к национальному парку Кукфьонг. Высота расположения пещеры Зиём над уровнем моря составляет 100 м, вход ориентирован на северо-восток. Освещенная входовая часть пещеры имеет трубообразную форму длиной около 30 м и шириной, колеблющейся от 5 до 10 м (рис. 1). Пещера общей площадью около 500 кв. м простирается вглубь известнякового массива в виде карстовых полостей. Характерной особенностью пещеры Зиём (как и многих других пещер этого региона) является наличие на стенах крупных кальцинированных конкреций, натечных сталагмитовых и сталактитовых образований, а также присутствие как в конкрециях, так и в рыхлых отложениях, огромного количества речных моллюсков. Рыхлые отложения зафиксированы лишь во входовой части.

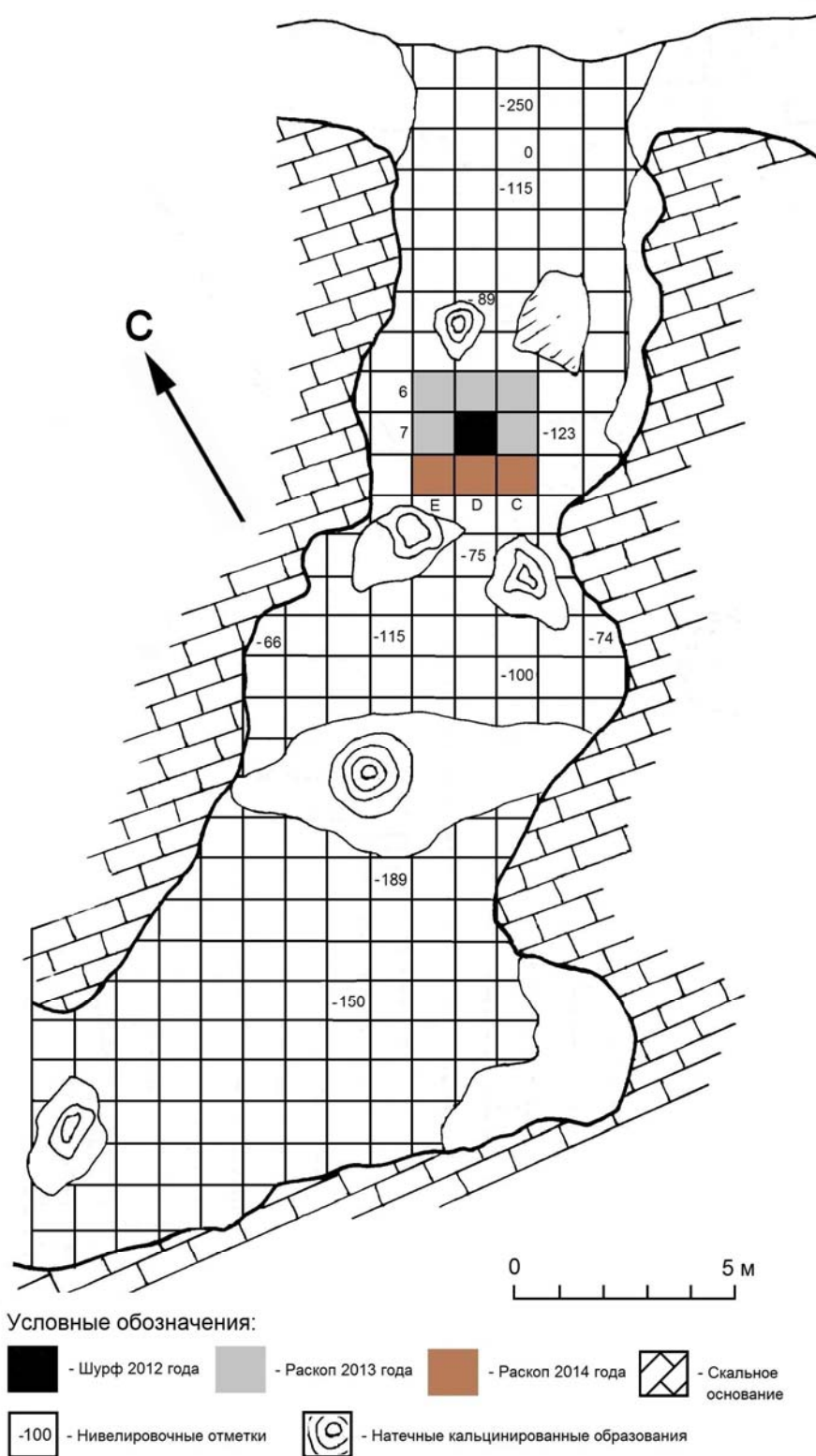

Рис. 1. План пещеры Зиём с обозначением мест раскопочных работ 2012–2014 гг.

Fig. 1. Plan of the cave Diem with the designation of excavation sites 2012–2014

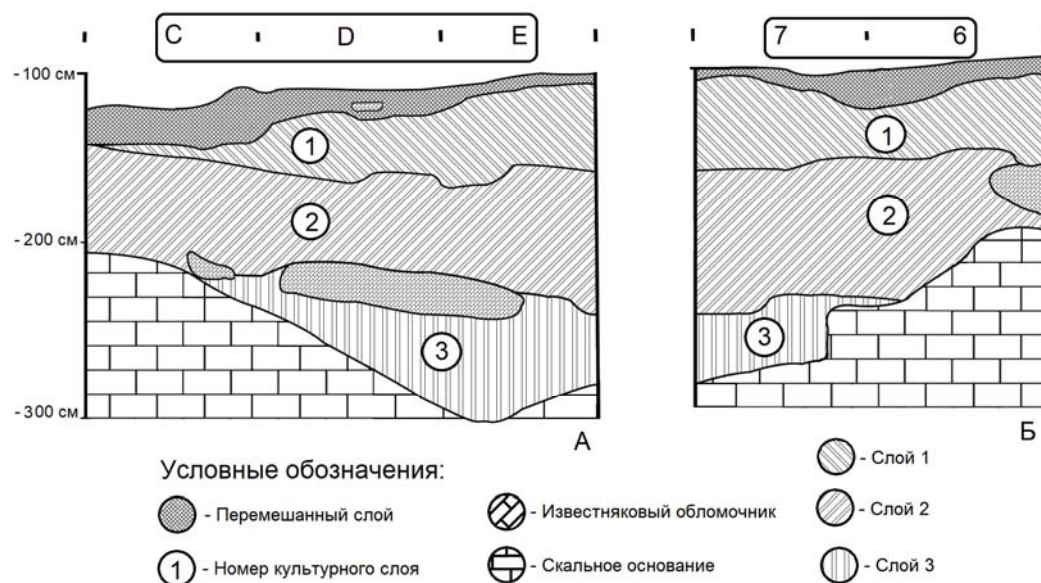

Рис. 2. Культурно-литологические подразделения пещеры Зиём:
 А – стратиграфический профиль 2013 г. по линии 7; Б – стратиграфический профиль 2013 г. по линии Е

Fig. 2. Cultural and lithological profiles of the cave Diem:
 А – 2013 stratigraphic profile along line 7; Б – 2013 E stratigraphic profile

В 2013 г. на месте разведочного шурфа 2012 г. был заложен раскоп площадью 5 кв. м. В 2014 г. площадь раскопа получила расширение в северо-западном направлении на 3 кв. м. Общая площадь исследованной территории составила 9 кв. м. Помимо механически перемешанного верхнего слоя, включавшего в себя разновременные культурные остатки, в ходе работ было выделено три крупных культурно-литологических подразделения, насчитывающих 2 118 каменных артефактов, относящихся к позднему палеолиту – неолиту, а также антропологический материал слоев 2 и 3 свидетельствующий о расселении в ней человека современного анатомического вида (рис. 2).

Первое культурно-литологическое подразделение (слой 1) залегало в толще пепельно-серой супеси мощностью 0,1–0,4 м. Археологический материал насчитывает 429 артефактов, из них 15 экз. галек. Первичное расщепление представлено колотыми гальками в количестве 7 предметов и двумя нуклеидными обломками.

Индустрия сколов насчитывает 365 экз. Отщепов в коллекции – 251 экз., из них два скола фрагментированы. Целые артефакты в 95 % случаев – мелкие и короткие с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Остаточные ударные площадки отщепов были представлены в равных пропорциях такими типами, как естественная, гладкая и неопределимая. Первичные сколы насчитывали 16 предметов, в основном мелких и коротких. Остаточные ударные площадки представлены естественным и неопределимым типами в равных пропорциях. Вторичные сколы насчитывали 39 предметов, в большинстве коротких, средних и мелких размеров. Остаточные ударные площадки в 90 % случаев естественные. Обломков в коллекции 39 экз., осколков 7 экз., чешуек 13 экз.

В орудийном наборе два предмета. Фрагментированный топор миндалевидной в плане формы создан на окатанном куске известняка. Рабочий край сохранил чешуйчатую постоянную сильномодифицирующую крупнофасеточную ретушь. Присутствует также обломок унифасиального орудия, предположительно топора, рабочий край которого сформирован первоначально оббивкой, а потом оформлен постоянной чешуйчатой крупнофасеточной сильномодифицирующей ретушью.

В коллекции присутствуют также 39 фрагментов керамики, орнаментация которой создана путем зигзагообразного прерывистого протаскивания гребенки. Культурная принадлежность данного типа керамики позволяет определить хронологический интервал накопления данного слоя и соотнести его с неолитической культурой Дабут (7000–4000 л. н.). Антропологический материал представлен скоплением человеческих костей, предположительно, одной особи, сильная обугленность и раздробленность которых затрудняет дать более подробную характеристику.

Второе культурно-литологическое подразделение (слой 2) соотносится с красновато-бурокоричневой супесью общей мощностью 0,5–0,6 м. Археологический материал насчитывал 1011 экз., из них 4 гальки. К первичному расщеплению отнесено 9 предметов, из них семь колотых галек и два нуклевидных обломка. В коллекции присутствует удлинённый двуплощадочный бифронтальный нуклеус. Исходным сырьём служила продолговатая вытянутая галька. Расщепление с двух узких краёв велось без предварительной подготовки. Противоположающие фронты скалывания содержат негативы укороченных и коротких заломистых сколов.

Индустрия сколов насчитывала 996 экз. Отщепов в коллекции 702 экз. (из них целых 664 предметов.). Из целых артефактов подавляющее большинство (472 экз.) было представлено короткими мелкими отщепами с параллельной огранкой дорсала. Аналогичная ситуация наблюдается у отщепов средних размеров. Первичных сколов насчитывается 39 экз., коротких пропорций мелких и средних размеров – в равных количествах. Вторичные сколы составляют 71 предмет, также в основном средних и мелких размеров. Две трети предметов имеют короткие пропорции. Определимые остаточные ударные площадки для всех сколов в 90 % случаев представлены естественным типом. Единичным предметом представлен технический скол, являющийся удалённым фронтом скалывания. Обломков в коллекции – 37 экз., осколков – 38 экз., чешуек – 108 экз.

Орудийный набор составил 14 экз. Исходным сырьём для четырех выпуклых скребел явились окатанные плитки известняка. Рабочий край создан постоянной полукрутой чешуйчатой, местами заломистой среднефасеточной ретушью. Единственным отличием является наличие у одного из предметов оформленного противоположащего обушка. По одному предмету в коллекции отмечены отщеп листовидной формы с вентральной подтеской и отщеп с ретушью. Два чоппера, присутствующие в коллекции, созданы на гальках округлой формы первоначально оббивкой, а впоследствии оформлены постоянной чешуйчатой крутой ретушью. Большая группа орудий фрагментирована. Два обломка, предположительно, являлись фрагментами выпуклых скребел, аналогичных описанным выше. Исходными типами орудий для четырех фрагментированных предметов стали суматролиты. Присутствовали также два обломка топора и один – тесла. В коллекции имеются костяное орудие типа шила, созданное путем строгания, и украшение из гематита трапезиевидной в плане формы с прорезанным и просверленным отверстием; имеются небольшие куски охры.

В слое 2 было обнаружено погребение человека. Костные останки раздроблены, но воздействию огня, как в предыдущем слое 1, они не подвергались. Объёмный глыбовый горизонт, находящийся в данном литологическом подразделении и свидетельствующий о мощном землетрясении, а также полное отсутствие керамики, позволяют отнести его к раннеголоценовому времени (≈ 10 тыс. л. н.).

Третье культурно-хронологическое подразделение (слой 3) относилось к коричнево-желтой супеси, местами сильно травертинизированной, с многочисленными включениями сильно окатанного жильного кварца. Мощность слоя варьируется от 0,1 до 0,9 м. Данное литологическое подразделение залегает непосредственно на скальном основании.

Археологический материал, приуроченный к кровле слоя, насчитывает 757 экз., из них 23 целые гальки. Первичное расщепление представлено 25 предметами, из них 10 колотых галек и 12 нуклевидных обломков. Присутствует также одноплощадочный монофронтальный нуклеус с поперечной ориентацией скалывания, выполненный на окатанном куске известняка. Расщепление велось без всякой предварительной подготовки. Фронт скалывания выпук-

лый, содержит негативы параллельных средних сколов коротких и укороченных пропорций. Присутствуют два обломка нуклеусов, предположительно, радиальной системы расщепления.

Индустрия сколов насчитывает 709 экз. Отщепов – 416 экз. (из них целых предметов 392 экз.). Здесь, как и в предыдущих культурно-литологических подразделениях, доминируют короткие мелкие отщепы с параллельной огранкой дорсала (271 экз.). Отщепы средних размеров демонстрируют преобладание предметов с короткими пропорциями и параллельной огранкой (44 экз.). Определимые остаточные ударные площадки демонстрируют преобладание такого типа, как естественные (181 экз.); гладких площадок существенно меньше (113 экз.). Первичных сколов в коллекции 28 экз., из них 26 предметов, представленных в равных количествах мелкими и средними размерами, имеют короткие пропорции и естественную остаточную площадку. Вторичные сколы насчитывают 32 предмета, в 95 % случаев мелких и средних размеров, коротких пропорций. Остаточные ударные площадки демонстрировали преобладание естественного типа (30 экз.). Технических сколов в коллекции 2 экз., являющиеся удаленными фронтами скалывания. Обломков насчитывается 157 экз., осколков – 25 экз., чешуек – 49 экз.

Орудийный набор представлен 6 экз. Присутствует концевой скребок на отщепе с краевой чешуйчатой крутой мелкофасеточной слабомодифицирующей ретушью. Скребло с рабочим лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра было создано на окатанном куске известняка путем оббивки и нанесения постоянной заломистой многорядной крутой ретуши. Обушок сохраняет естественную поверхность. Схожим оформлением обладает еще одно аналогичное скребло с сильной фрагментацией. Шиповидное орудие выполнено на кварцевом обломке трапецевидной в плане форме. При создании рабочего элемента использовался естественный контур заготовки. Шиповидный выступ оформлен постоянной среднемодифицирующей крутой чешуйчатой среднефасеточной ретушью. Проколка выполнена на мелком коротком отщепе. Рабочий элемент оформлен в медиальной части постоянной мелкофасеточной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Интересно костяное орудие типа шила, созданное из кончика ребра путем строгания. В коллекции также присутствовали два отщепа с эпизодической вентральной ретушью и два обломка галек с ретушью.

В кровле слоя было обнаружено погребение женщины (рис. 3). Костные останки располагались в анатомическом порядке. Скелет лежал на боку с поджатыми коленями и был ориентирован головой вглубь пещеры. Следует отметить, что погребение частично перекрывалось травертиновыми отложениями и залегало практически на скальном основании пещеры.

В пределах двух нижних культурно-литологических подразделений было собрано более 1 000 костных обломков пресмыкающихся, птиц и млекопитающих. Среди них 286 костей и зубов удалось идентифицировать в основном до уровня отряда, хотя в некоторых случаях получилось определить и видовую принадлежность. Более 50 % определенных костей и зубов принадлежит оленям средних размеров (*Cervus nippon* – пятнистый олень, *Cervus swinhoe* – свиной олень), высока доля диких свиней (*Sus scrofa*). Учитывая, что это стадные животные, охота на них, вероятно, была более эффективной, чем на одиночных.

Из числа крупных млекопитающих найдены кости тигра, крупного быка (вид неизвестен) и, вероятно, носорога. Фрагмент нижней челюсти макаки имел необычно крупные премолары и, возможно, принадлежал медвежьему макаку (*Macaca arctoides*). Практически на всех уровнях найдены остатки черепов, в то время как птиц очень мало (2 кости). Плечевая кость замбара (*Cervus unicolor*) имела следы погрызов хищника, судя по ширине следов, скорее всего собаки.

Предположительный возраст слоя 3 пещеры Зиен в настоящий момент определить довольно сложно.

Опираясь на предварительные итоги изучения материалов данного памятника, можно сказать, что местонахождение относится к кругу пещерных памятников коммуны Тханьен, таких как Конмонг и Мангчинг, культурно-хронологически соответствуя культуре Хоабинь.

Рис. 3. (фото). Погребение женщины в слое 3

Fig. 3 (photo). Burial of a woman in layer 3

Антропологический материал слоев 2 и 3 свидетельствует о проживании в пещере человека современного анатомического вида, но его индустрия в первичной и вторичной обработке мало чем отличалась от индустрии, типичной для стоянок каменного века Вьетнама. Дальнейшее изучение стратифицированных комплексов Северного Вьетнама предполагает исследование более древних культурных слоев, относящихся к ранним этапам палеолита, а также расширение объемов фактического материала уже изученных культур.

Материал поступил в редколлегию

Received

16.05.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Деревянко Анатолий Пантелеевич, доктор исторических наук, академик РАН, научный руководитель Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, derev@archaeology.nsc.ru)

Anatoly P. Derevianko, Doctor of History, Academician of RAS, Scientific Director, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, derev@archaeology.nsc.ru)

Кандыба Александр Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, arhkandyba@gmail.com)

Aleksandr V. Kandyba, Candidate of Science (History), Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, arhkandyba@gmail.com)

Чеха Андрей Михайлович, младший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, chekhandrej@yandex.ru)

Andrey M. Chekha, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, chekhandrej@yandex.ru)

УДК 902.01
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-74-85

Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст

А. А. Аношкин

*Новосибирский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Каменные индустрии, относящиеся к среднему палеолиту, появились в Приморском Дагестане в позднехазарское время (~ 200–90 тыс. л. н.). Они представлены находками с нескольких десятков местонахождений в долинах рек Рубас, Дарвагчай и из береговой зоны Каспийского моря. Эти технокомплексы можно охарактеризовать как нелеваллуазские, непластинчатые, с присутствием леваллуазского расщепления. Среди нуклеусов доминируют ядрища параллельного способа скалывания. Радиальная и леваллуазская техники использовались реже. Основу орудийного набора составляют скребла, зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. Встречаются леваллуазские и мустьерские остроконечники. Отсутствуют предметы с вентральным утончением и бифасы. Группа верхнепалеолитических типов изделий немногочисленна. Данные комплексы показывают хронологическое и культурное соответствие подобным ассамблеям Закавказского нагорья и Западной Азии (мустье Загроса), что может служить аргументом в пользу их преемственности и указывать возможное направление древних миграций.

Ключевые слова

Кавказ, средний палеолит, MIS 5, леваллуа, мустье, первичное расщепление, орудийный набор

Для цитирования

Аношкин А. А. Индустрии среднего палеолита в Приморском Дагестане во время Marine Isotope Stage 5: региональный контекст // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 74–85. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-74-85

Coastal Dagestan Middle Paleolithic Marine Isotope Stage 5 Assemblages: Regional Context

A. A. Anoshkin

*Novosibirsk State University
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article discusses the development of Middle Paleolithic assemblages in Caucasus during MIS5. The majority of Middle Paleolithic Caucasus archaeological sites are located in Southern Caucasus and along the Black Sea coast. In Northeastern Caucasus only a few exposed lithic assemblages were reported that demonstrate technical and

© А. А. Аношкин, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

typological characteristics typical for the Middle Paleolithic. During the last decade more than 20 Paleolithic sites including several multilayered occupations in the Darvagchai and Rubas River basins have been discovered. The assemblages from Coastal Dagestan sites like Rubas-1 (layer 3), Darvagchai-zaliv-1 (complex 2), Chumus-Inic, Rubas-2–5 etc. should be associated with the Middle Paleolithic. Cultural bearing layers of the majority of the sites had been included in the pebble glomeration, dated to Late Khazar time (0,2–0,1 Ma). The total number of artifacts in these assemblages is ~ 1700 items. Most of them (~ 1400 items) were found in the stratified sediments (Rubas-1 (layer 3), Darvagchai-zaliv-1 (complex 2), etc.).

Results. The techniques of parallel unifacial, radial and Levallois flaking are typical for the Middle Paleolithic complexes of Coastal Dagestan. Generally, these assemblages can be characterized as non-Levallois and non-laminar (Ilam ~ 10), with the limited presence of Levallois technique and low faceting indices (IL and IF < 20). However, Levallois technique produced both elongated blanks, including points, and flakes. Narrow-faced cores were rarely used. Flakes were used as tool-blanks. Such tools as side-scrapers, denticulate, notched tools and perforators dominate in the tool kits. Levallois and Mousterian points were rare. There are many rough end-scrapers and knives found, but Upper Paleolithic types of tools, such as burins, borers, etc., are sporadic. Limaces were rare. Truncated-faceted tools with base rejuvenation and bifaces typical for different Caucasus Middle Paleolithic assemblages have not been identified. Coastal Dagestan Middle Paleolithic sites demonstrate significant differences with synchronous Caucasus assemblages (Kudaro I Cave (layers 4–3), Kudaro III Cave (layers 4–3), Cona Cave (layer 5) in South Ossetia; Djurchula Cave, Copi I Cave in Georgia; Myshtulagty-lagat Cave (layers 14–12) in North Ossetia; Erevanskaya Cave (layers 7–5A), Hovk-I Cave (layers 12–8) in Armenia; Azih Cave (layer III) in Azerbaijan).

Conclusion. Comparison of Coastal Dagestan sites with other Caucasus Middle Paleolithic sites has revealed significant differences between them. However, during the early stages of occupations, Dagestan Middle Paleolithic sites share some similarities with the Zagros-Taurus Middle Paleolithic (together with South Caucasus sites). We conclude that the Dagestan Middle Paleolithic assemblages investigated represent a local variant of the Middle Eastern Middle Paleolithic.

Keywords

Caucasus, Middle Palaeolithic, MIS 5, Levallois, Mousterian, primary reduction, tools assemblages

For citation

Anoikin A. A. Coastal Dagestan Middle Paleolithic Marine Izotope Stage 5 Assemblages: Regional Context. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 74–85. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-74-85

В настоящее время на территории Кавказа известно более 400 памятников, где присутствуют археологические материалы, атрибутированные как среднепалеолитические. При этом только на незначительной части этих объектов (около 10 %) артефакты залегали *in situ*, позволяя определить четкие технико-типологические параметры каменных ассамбляжей и их точную хронологию [Палеолит..., 1984; Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003а; Любин, Беляева, 2006]. Таким образом, все схемы развития среднего палеолита в регионе опирались на материалы небольшого числа известных стоянок, наиболее информативные из которых локализованы в его южной и северо-западной частях и связаны, как правило, со скальными убежищами [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003б; Любин, Беляева 2006]. На территории Северо-Восточного Кавказа комплексы этого времени были представлены только немногочисленными подъемными материалами [Котович, 1964; Амирханов, 1986].

Ситуация в этой части Кавказа радикально изменилась после того, как в 2003 г. в Дагестане были начаты активные комплексные изыскания экспедиций ИА РАН и ИАЭТ СО РАН. В результате многолетних работ на западном побережье Каспия было открыто более 30 местонахождений каменного века, в том числе несколько многослойных стоянок, большая часть которых сосредоточена в приморской зоне [Деревянко и др., 2012]. В связи с этим актуальным является включение данных материалов в общую схему развития среднепалеолитических индустрий на Кавказе. Данная статья посвящена рассмотрению археологических комплексов, в недавнее время открытых в Приморском Дагестане, хронология которых соответствует MIS 5. Целью работы является культурно-хронологическое позиционирование этих материалов в общей схеме развития среднепалеолитических индустрий Кавказского региона. Основные задачи: проведение общей сравнительной технико-типологической характеристики археологических комплексов Приморского Дагестана времени MIS 5 и сравнение полученных данных с материалами основных среднепалеолитических памятников Кавказа

с целью определения генезиса, возможных индустриальных связей и общих направлений развития.

Территория Приморского Дагестана представляет собой береговую полосу шириной до 30 км, протянувшуюся вдоль Каспийского моря с северо-запада (от г. Махачкалы) на юго-восток (до р. Самур). С востока она ограничена морем, с запада – известняковыми хребтами мелового возраста и подразделяется на две части: область предгорий и прибрежную равнину.

Каменные индустрии, относящиеся по характеристикам первичного расщепления (использование нескольких вариантов леваллуазской техники и др.) и составу орудийных наборов (остроконечники леваллуа и мустье, интенсивно оформленные скребла, верхнепалеолитические типы и др.) к среднепалеолитическим, появляются на этой территории в позднехазарское время (~ 200–90 тыс. л. н.). В настоящее время они представлены находками с местонахождений в среднем течении р. Рубас (Рубас-1–5, Хурак-1–3, Карчагсу), связанных с древней галечно-конгломератной толщей аллювиального происхождения, включая артефакты комплекса 2 местонахождения Дарвагчай-Залив-1 (среднее течение р. Дарвагчай), а также подъемными материалами дарвагчайской и манас-озеньской групп пунктов сборов (Чумус-Иниц, Дарвагчай-2–5, Манас-Озень I–V Генторун I–II, Количи) [Деревянко и др., 2012].

Наиболее точную хронологическую привязку имеет средний комплекс артефактов местонахождения Рубас-1. Здесь, в нижней части культуросодержащего слоя 3, зафиксирован эпизод обратной намагниченности Блейк, что позволяет, учитывая другие естественнонаучные данные, определить время формирования аллювиальной толщи, включающей археологические материалы, интервалом 120–100 тыс. л. н. [Анойкин, 2017]. Хронологическая позиция остальных комплексов определяется либо залеганием их в схожих лито-стратиграфических условиях, либо на основе анализа каменной индустрии.

Общее количество артефактов в этих комплексах относительно небольшое – около 1 700 экз., однако основная их часть (~ 1 400 экз.) имеет стратифицированное залегание (Рубас-1, слой 3; Дарвагчай-Залив-1, комплекс 2 и др.).

Характеризуя каменные индустрии, бытовавшие на территории Приморского Дагестана в позднехазарское время, можно заключить, что в них наряду с большим количеством одно- и двухплощадочных однофронтальных нуклеусов параллельного способа скалывания хорошо представлены радиальные и леваллуазские ядрища для острий и отщепов. В незначительном количестве есть торцовые формы, в том числе выполненные на массивных отщепах. Орудия изготовлены преимущественно на сколах, как правило, не удлинённых. Основную часть инвентаря составляют скребла, включая двухлезвийные варианты, часто интенсивно ретушированные; шиповидные орудия; значителен процент зубчато-выемчатых форм; в небольшом количестве есть леваллуазские и мустьерские остроконечники и крупные галечные орудия. В одном экземпляре присутствует небольшой лимас. Верхнепалеолитическая группа немногочисленна, в основном это невыразительные атипичные скребки и единичные экземпляры проколов, резцов, узких пластин с интенсивной многорядной ретушью.

На настоящий момент не существует единой общей культурно-хронологической схемы развития среднего палеолита на Кавказе. Вместе с тем большая часть исследователей выделяет в нем два этапа, разграниченных довольно продолжительным временным интервалом, связанным с одним из позднеплейстоценовых пленигляциальных периодов (оледенение вюрм II) и имеющим временные рамки ~ 75–65 тыс. л. н. [Голованова и др., 2006; Любин, Беляева, 2006]. Археологические комплексы Приморского Дагестана, перечисленные выше, в целом хронологически соответствуют более раннему из этих этапов, занимающему длительный временной интервал в пределах MIS 5.

На территории Южного и Центрального Кавказа среднепалеолитические индустрии первой половины вюрма наиболее полно представлены в материалах пещерных комплексов Кударо I (слои 4–3), Кударо III (слои 4–3), Цона в Южной Осетии (слой 5); Джручула и Цопи I (разрушенный скальный навес) в Грузии, Мыштулагты-Лагат (слои 14–12) в Северной Осетии, Ереванская (слои 7–5А) и Ховк I (слои 12–8) в Армении, а также Азых (слой III) в Азер-

байджане [Григолия, 1963; Любин, 1977; 1989; Гиджрати, 1987; Голованова, Дороничев, 2003а; 2005; Любин, Беляева, 2006; Гусейнов, 2010; Hidjrat et al., 2003; Asryan et al., 2014; Fernández-Jalvo Y. et al., 2016].

Коллекция артефактов из среднепалеолитических слоев пещеры Кударо I (слои 4–3) не велика (101 экз.), но она содержит значительное количество орудийных форм (~ 70 %). Первичное расщепление характеризуют единственное дисковидное однофронтальное ядрище и сколы, более 60 % которых относятся к пластинчатым заготовкам и (или) получено в рамках леваллуазской техники; IF ~ 68 [Любин, 1977].

Около 40 % орудийного набора составляют леваллуазские и мустьерские остроконечники. Одно изделие имеет вентральную подправку основания. Чуть менее многочисленна категория леваллуазских сколов, среди которых ~ 90 % приходится на пластины. Скребла (~ 15 %) разнообразны по модификациям, около половины – двухлезвийные, в том числе конвергентные. В коллекции в небольшом количестве присутствуют также ножи и выемчатые изделия [Там же. С. 43–51].

Среднепалеолитические материалы из Кударо III более многочисленны (~ 200 экз.). Здесь выделено два разных археологических комплекса; более древний (слой 4) близок по составу каменной индустрии к ассамбляжам слоев 4–3 Кударо I [Любин, 1989]. В его орудийном наборе доминируют удлинённые остроконечники, в большинстве своем ретушированные, часть имеет двухстороннюю подработку [Там же. С. 32]. В слое 3 также высок процент пластинчатых заготовок, однако в орудийном наборе лучше представлены леваллуазские короткие остроконечники; изделия зубчато-выемчатой группы; больше доля скребел, в основном однолезвийных; есть галечные орудия (чопперы); [Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003б; Любин, Беляева, 2006].

Артефакты из мустьерских слоев пещеры Цона (слои 5 и 5а) представлены 71 предметом. Сколы преимущественно удлинённые, большая часть имеет пропорции пластин. Орудийный набор (~ 60 %) представлен, в основном, удлинёнными леваллуазскими и мустьерскими остроконечниками (некоторые имеют двухстороннюю обработку по всей поверхности), немногочисленными скреблами, зубчатыми изделиями, ножами и скребком [Любин, 1977; 1989].

Массовый археологический материал, хронологически соответствующий MIS 5, был получен из двух культурных слоев пещеры Джрчула [Adler, Tushabramishvili, 2004]. Нижний (слой II) содержал 2279 экз. каменных артефактов. Группа нуклевидных изделий включала значительное количество плоскостных ядрищ разных типов, среди которых основная доля приходилась на однофронтальные параллельного способа скалывания; Пам ~ 40. Леваллуазская группа изделий представлена, в основном, сколами разных пропорций; IL ~ 36, IF ~ 39, IFstr ~ 19 [Любин, 1989; Adler, Tushabramishvili, 2004]. В орудийном наборе преобладают скребла различных модификаций, чаще всего однолезвийные. Хорошо представлены зубчатые изделия. Остроконечники немногочисленны, практически все – мустьерские, удлинённые. Несколько изделий имеют двустороннюю обработку – как подтесывающую основание, так и распространяющуюся на значительную площадь вентральной поверхности. Есть ножи, единичные лимасы, скребки, угловые и двухгранные резцы [Любин, 1977; 1989].

Материалы слоя I (1528 экз.) демонстрируют качественно иной состав индустрии. Нуклеусов в технокомплексе практически нет, орудия составляют ~ 65 % всех изделий [Любин, 1977; Adler, Tushabramishvili, 2004]. Пам ~ 69, значительно больше продуктов леваллуазской техники, в основном пластин. IL ~ 60, IF ~ 63, IFstr ~ 30 [Любин, 1989]. В орудийном наборе ведущим типом являются удлинённые мустьерские остроконечники, в том числе имеющие частичную двухстороннюю обработку как основания, так и острой части. Есть и леваллуазские остроконечники. Хорошо представлены скребла, как в одно- так и в двухлезвийных вариантах, включая угловатые формы. Есть лимасы. Остальные категории (зубчатые, ножи, резцы, скребки, в том числе скребок-проколка и скребок с носиком) присутствуют в одном экземпляре [Любин, 1977; 1989]. Материалы обоих слоев рассматриваются исследователями в рамках одной культурной традиции, а несоответствия состава и количества в категориях

первичного расщепления и орудийных наборах соотносят с различиями в хозяйственной деятельности [Любин, 1977; Adler, 2002; Adler, Tushabramishvili, 2004].

Каменная индустрия памятника Цопи I насчитывает 2 763 экз. [Григолия, 1963]. Предполагаемый автором раскопок возраст стоянки (миндель – рисс) в настоящее время многими исследователями принимается как значительно удревненный, и ее индустрию рассматривают в рамках ранних мустьерских комплексов начальных стадий MIS 5 [Григолия, 1963; Палеолит..., 1984; Любин, 1989; Голованова, Дороничев, 2003б]. Первичное расщепление на памятнике характеризуется небольшим количеством плоскостных ядрищ (дисковидные и параллельного способа скалывания). Среди сколов подавляющее большинство составляют отщепы. В орудийном наборе (956 экз.) ~ 90 % – скребла, как правило, однолезвийные, включая скребла-ножи. Двухлезвийные формы составляют ~ 8 % категории, большинство – угловатые. Часть скребел имеет вентральное утончение заготовки. Остроконечники немногочисленны (~ 5 %), все мустьерские укороченные. Присутствуют бифасы, как двояко-, так и плоско-выпуклые. Есть единичные скребки и резцы [Григолия, 1963; Голованова, Дороничев, 2003б].

Пещера Мыштулагты-Лагат, 30-метровая толща отложений которой содержит археологический материал с раннего палеолита до Средневековья, изучается с 1982 г., однако результаты этих работ практически не введены в научный оборот [Гиджрати, 1987; Hidjratl et al., 2003]. Исследователи на основе анализа комплекса естественнонаучных данных, включая AMS-датировки перекрывающих и Ag-Ag – подстилающих отложений, относят к MIS 5 слои 14–12 [Hidjratl et al., 2003]. Каменную индустрию этих слоев рассматривают как зубчатое мустье фации леваллуа с доминированием в ассамбляжах пластинчатых сколов. В орудийном наборе хорошо представлены удлиненные леваллуазские и, реже, мустьерские остроконечники. Присутствует значительная доля скребел, в том числе двойных, включая угловатые и конвергентные. На некоторых скреблах фиксируется вентральная подправка, как базальной части, так и площадная. Встречены ножи [Голованова, Дороничев, 2005; Hidjratl et al., 2003].

На территории Армении также присутствуют археологические комплексы с материалами, соответствующими MIS 5. Так, в пещере Ховк-1 нижняя пачка слоев (слои 12–8) на основании OSL-датировки, полученной из слоя 8 (~ 104 тыс. л. н.), имеет возраст более 100 тыс. л. н. [Pinhasi et al., 2011]. Немногочисленные артефакты (~ 40 экз.), зафиксированные в этих слоях, представлены удлиненными леваллуазскими остроконечниками, скреблом и сколами (в основном пластинами), в том числе с фасетированными ударными площадками [Pinhasi et al., 2008; Gasparian, Arimura, 2014].

Нижние слои Ереванской пещеры (слои 7–5A), согласно AMS-датировкам перекрывающих отложений, имеют возраст > 50 тыс. л. н., а состав фауны и споро-пыльцевые комплексы позволяют предполагать, что их формирование проходило в холодных климатических обстановках финала вюрма I [Ерицян, 1970; Pinhasi et al., 2008; Gasparian, Arimura, 2014]. Первичное расщепление в индустрии нижних слоев характеризуется плоскостными ядрищами – дисковидными и параллельного способа скалывания, в основном одноплощадочными. Среди сколов подавляющее большинство составляют отщепы (I_{am} ~ 8). Леваллуазская группа изделий немногочисленна, I_L ~ 7, I_F ~ 30, I_{Fstr} ~ 17. В орудийном наборе ведущей категорией являются скребла (~ 33 %), в подавляющем большинстве однолезвийные, массивные. Группа остроконечников менее значима, в ней, в основном, леваллуазские формы. Хорошо представлена группа выемчатых орудий с клетонскими анкошами. В коллекции присутствуют бифасы (~ 3 %). В единичных экземплярах есть скребки, резцы и проколки [Ерицян, 1970; Ерицян, Семенов, 1971].

К начальным этапам MIS 5, а возможно и к более древнему хронологическому отрезку (MIS 6), относятся материалы слоя 3 пещеры Азых. Их рисс-вюрмский возраст, ранее только предполагаемый на основании анализа фаунистических остатков и общей стратиграфической ситуации на памятнике, был недавно подтвержден двумя открытыми AMS-датами (> 60 тыс. л. н.) и серией из шести последовательных ESR-дат в интервале ~ 180–100 тыс. л. н.

[Гусейнов, 2010; Asryan et al., 2014; Fernández-Jalvo Y. et al., 2016]. Общее количество артефактов из слоя насчитывает 3 744 экз. Среди типологически выраженных нуклеусов (63) более 70 % составляют одно- и двухфронтальные дисковидные ядрища, также присутствуют одно- и двухплощадочные ядрища параллельного способа скалывания. Леваллуазские формы единичны и представляют острый вариант расщепления [Гусейнов, 2010]. При этом доля леваллуазских заготовок среди сколов составляет ~ 20 %, IF ~ 70, а IFstr ~ 40. Значительная доля сколов представлена пластинчатыми заготовками – Пам ~ 40 [Джафаров, 1999; Гусейнов, 2010].

Среди типологически выраженных орудийных форм (338 экз.) ведущими категориями являются остроконечники и скребла, вместе составляющие ~ 85 % инвентаря. В группе остроконечников доминируют леваллуазские, слабо удлиненные. Мустьерских ~ 10 %, почти все с пропорциями пластин. У нескольких предметов прослеживается ретушная подработка основания. Скребла в большинстве продольные однолезвийные, двухлезвийных форм ~ 40 %, треть из них составляют конвергентные и угловатые. На нескольких скреблах фиксируется прием вентрального утончения заготовки. Среди других категорий орудий наиболее массово представлены ножи и зубчато-выемчатые формы. В единичных экземплярах есть резцы, невыразительные скребки, бифасиальные изделия и галечное орудие (чоппер) [Любин, 1989; Гусейнов, 2010]. Судя по рисункам, присутствуют также отдельные транкировано-фасетированные изделия [Гусейнов, 2010. С. 165. Рис. 88, 9, 10].

В настоящее время большую часть рассмотренных пещерных комплексов исследователи объединяют в кударо-джручульскую группу памятников («мустье джручульского типа»), включая в нее материалы памятников Кударо I, Кударо III, Цона, Джручула, а также указывая на определенное сходство индустрий этих стоянок с ассамбляжами из слоев 14–12 Мыштулагты-Лагат и нижних слоев Ховк-1 [Любин, 1977; Голованова, Дороничев, 2003б; Любин, Беляева, 2006; Pinhasi et al., 2008; 2011]. В целом эти комплексы характеризуются как леваллуазские индустрии с большой долей пластинчатых заготовок и удлиненных остроконечников на пластинах, где также хорошо представлены продольные скребла, встречаются лимасы, ножи и зубчатые изделия. Специфическим приемом оформления остроконечников является вентральная подработка плоской ретушью основания и (или) острия. Ближайшие аналогии данным индустриям исследователи находят в материалах среднего палеолита Леванта – мустье типа Табун D и Хуммалиан [Голованова, Дороничев, 2003б; Любин, Беляева, 2006].

Исключение составляют материалы слоя 3 пещеры Кударо III, которые автор раскопок объединяет с подъемными комплексами цхинвальской группы памятников (Каркустакау, Тамарашени I и др.) [Любин, 1989]. Некоторые исследователи относят к этой группе и индустрию слоев 14–12 пещеры Мыштулагты-Лагат [Голованова, Дороничев, 2005]. Данные технокомплексы также являются леваллуазскими пластинчатыми, однако в их орудийных наборах преобладают остроконечники без вторичной отделки. Среди ретушированных форм большинство составляют однолезвийные скребла и зубчато-выемчатые изделия. Присутствуют скребки, галечные орудия (чопперы, чоппинги) и бифасы [Любин, 1977; 1989]. Часть исследователей обнаруживает сходство этих материалов с левантийским мустье типа Табун B [Голованова, Дороничев, 2003; 2015а].

Индустрии памятников Закавказского нагорья ((Ереванская, слои 7–5А и Азых, слой III)) характеризуются невысокой пластинчатостью дебитажа, присутствием леваллуазской технологии, высокими индексами фасетирования, доминированием в орудийных наборах скребел и остроконечников, а также незначительным процентом зубчатых форм, верхнепалеолитических типов и изделий с бифасиальной обработкой. По своим характеристикам они ближе всего к мустьерским индустриям загросского типа, что неоднократно отмечалось в научной литературе, хотя правомерность таких корреляций поддерживается не всеми исследователями [Джафаров, 1999; Голованов, Дороничев, 2005; Любин, Беляева, 2006].

Уникальной для среднего палеолита Кавказа является индустрия Цопи I, которую характеризуют крайне низкие индексы пластин, леваллуазского компонента и фасетирования ударных площадок. Орудийный набор почти весь состоит из скребел, однолезвийных,

оформленных ступенчатой ретушью. Угловатых и конвергентных форм немного. Часть изделий имеет вентральное утончение. Есть плоско-выпуклые бифасы. Орудия других типов (остроконечники, зубчато-выемчатые, скребки, резцы и др.) немногочисленны или представлены единичными экземплярами. Материалы стоянки ряд исследователей сравнивает с мустье шарантского типа фации кина или с ябрудьеном Западной Азии, указывая на отсутствие в регионе похожих комплексов [Любин, 1977; Голованова, Дороничев, 2003б].

На Северо-Западном Кавказе в настоящее время известно только два стратифицированных объекта, где выявлен археологический материал, соответствующий первой половине среднего палеолита, – пещера Матузка (слои 7–5В) и Ильская стоянка [Голованова и др., 2006; Щелинский, 2012а].

Нижние слои пещеры Матузка (слои 7–5В), возраст которых определяется разными стадиями MIS 5, по совокупности данных естественнонаучных дисциплин, включая палеомагнитное датирование (в слое 7 выявлен эпизод обратной намагниченности Блейк), демонстрируют немногочисленную (164 экз.), но выразительную индустрию. Среди сколов большинство составляют массивные отщепы небольших размеров, пластин практически нет. Продуктов леваллуазской техники нет, ударные площадки не фасетировались. Среди орудий преобладают скребла, включая двулезвийные с продольным расположением краев. Есть четыре бифасиальных орудия. В единичных экземплярах присутствуют скребки, зубчатые и выемчатые орудия, а также чоппер [Голованова и др., 2006].

Анализируя индустрию нижних слоев пещеры Матузка, авторы раскопок определяют ее как архаичный средний палеолит, не имеющий прямых аналогов среди стоянок Северо-Западного Кавказа, хотя отдельные формы бифасиальных наконечников близки подобным изделиям из пещеры Цона и с Абинского местонахождения [Голованова, Дороничев, 2005; 2015б; Голованова и др., 2006].

Стационарные работы на Ильской стоянке проводятся с 1926 г., но материалы, полученные при раскопках 1920–1930-х гг. (> 3 000 артефактов), были опубликованы относительно недавно, а данные по работам 1960-х гг. так и не введены в научный оборот [Щелинский, Кулаков, 2005]. Хронология стоянки определялась в широком диапазоне вюрмского времени – от начала MIS 5 до финала MIS 3, при этом более молодой возраст находил подтверждение в радиоуглеродных датах, выполненных по костному материалу (~ 40–34 тыс. л. н.) [Щелинский, Кулаков, 2005; Щелинский, 2012б]. В результате работ на восточном участке памятника (Ильская-2), начавшихся в конце прошлого века, были существенно уточнены стратиграфия, хронология и культурная атрибуция объекта. На стоянке зафиксировано девять литологических слоев, содержащих семь культурных горизонтов с материалами среднего палеолита, при этом возраст горизонтов 7–2 соответствовал разным стадиям MIS 5, начиная с 5е, а для горизонта 1 он определялся финалом MIS 4 – началом MIS 3 [Щелинский, 2012а; 2012б]. К сожалению, в ходе этих работ была вскрыта лишь небольшая площадь, полученная коллекция артефактов немногочисленна, и в настоящее время опубликованы данные только по трем верхним культурным горизонтам [Щелинский, 2012б]. В связи с этим при общей оценке индустрии памятника приходится оперировать в основном обобщенными материалами раскопок 1920–1930-х гг.

Нижний комплекс артефактов (~ $\frac{2}{3}$ от общего числа) показывает невысокие индексы использования леваллуазской техники (IL ~ 15, IF ~ 30) и низкий процент пластинчатых заготовок (Пам ~ 15). Основную часть орудийного набора составляют скребла (~ 30 %), включая двулезвийные конвергентные формы, а также интенсивно ретушированные изделия типа полукина и кина, в том числе с вентральной подработкой. Много бифасиальных форм, таких как листовидные острия с плоско-выпуклым сечением и кайльмессеры. Хорошо представлены ретушированные остроконечники и лимасы. Изделия зубчато-выемчатой группы единичны [Щелинский, Кулаков, 2005; Анисюткин, 2007].

В верхнем комплексе существенно выше доля леваллуазского компонента (IL ~ 40, IF ~ 40) и пластинчатых заготовок (Пам ~ 25). Наиболее многочисленной категорией орудийного инвентаря являются неретушированные леваллуазские сколы, включая два остроко-

нечника. Близкое количество составляют скребла (~ 25 %), в подавляющем большинстве односторонние, без интенсивной ретуши. К конвергентным формам относится шесть изделий. Присутствует четыре мустьерских остроконечника, один – с вентральной подработкой. Верхнепалеолитическая группа орудий (~ 15 %) включает концевые скребки, резцы, ножи с притупленными обушками, проколку и узкие пластины с интенсивной ретушью по продольным краям. Есть два листовидных острия с двояковыпуклым сечением [Анисюткин, 2007].

Материалы культурных слоев 2–3 из раскопок Ильской стоянки – 2 (2 034 экз.) демонстрируют состав индустрии, близкий верхнему комплексу [Щелинский, 2012б].

Культурная атрибуция этих ассамбляжей в настоящее время не является однозначной. Ранее весь материал Ильской стоянки рассматривался в совокупности, и большинство исследователей относили данную индустрию к восточноевропейскому микоку, хотя также высказывались мнения о принадлежности ее к мустье с ашельской традицией или мустье типичному шарантским компонентам [Формозов, 1965; Палеолит..., 1984; Любин, 1994; Голованова, Дороничев, 2005; Щелинский, Кулаков, 2005]. Предлагалось также рассматривать верхний и нижний комплексы стоянки в рамках различных культурных традиций, относя более древние материалы к микокским индустриям юга Восточной Европы (нелеваллуазский микок с шарантскими элементами), а более поздний – к мустье типичному фации леваллуа с малочисленными бифасами [Анисюткин, 2007]. Исследователи, изучающие стоянку в последнее время, на основе новых материалов выделяют на ней единую мустьерскую индустрию, имевшую продолжительное существование и развивавшуюся в рамках одной культурной традиции, выделяя ее в особый «ильский» тип [Щелинский, 2012б].

Как уже указывалось, на территории Северо-Восточного Кавказа до недавнего времени комплексы, соответствующие хронологическому интервалу MIS 5, были практически неизвестны. Материалы, полученные в ходе работ последних лет в Приморском Дагестане, в определенной степени заполняют имеющуюся лауну. Тем не менее, их общая оценка и сравнение с синхронными индустриями Кавказа затруднены тем, что значительная часть этих материалов имеет поверхностное залегание или залегает в аллювиальных отложениях, т. е., скорее всего, они неполны и могут не отражать всех индустриальных параметров, являясь своеобразной выборкой.

В целом, эти технокомплексы можно охарактеризовать как нелеваллуазские и непластинчатые (Пат редко > 10), с присутствием леваллуазского расщепления и низкими индексами фасетирования (IL и IF < 20). Среди нуклеусов доминируют ядрища параллельного способа скалывания в разных вариантах; радиальная и леваллуазская техники использовались значительно реже, но регулярно. При этом леваллуазское расщепление направлено на производство как удлиненных заготовок, включая остроконечники, так и отщепов. Иногда использовались торцовые формы нуклеусов. Основу орудийного набора составляли скребла, зубчатые и шиповидные орудия, заметно количество ножей и невыразительных скребков. Среди скребел очень небольшой процент составляют конвергентные формы, изделия с обработкой типа кина отсутствуют. Леваллуазские и мустьерские остроконечники есть во всех комплексах, но как единичные находки. Среди них, как и среди скребел, нет предметов с вентральным утончением. Немногочисленна группа верхнепалеолитических типов изделий (резцы, проколки, долотовидные). Лимас – один, изделий с бифасиальной обработкой не встречено. Галечные орудия редки.

Наиболее близки к среднепалеолитическим комплексам Приморского Дагестана по индустриальным особенностям, территориальному расположению и, возможно, хронологически материалы слоя III пещеры Азых и нижние слои Ереванской пещеры. Однако при общем сходстве в первичном расщеплении здесь наблюдаются существенные расхождения в типологии орудийных наборов, хотя на этих памятниках также значителен процент односторонних скребел. Вместе с тем в дагестанских материалах очень мало остроконечников и конвергентных форм, отсутствуют изделия с вентральной подтеской и утончением базальной части, нет бифасов.

Более существенные отличия наблюдаются при сравнении материалов Приморского Дагестана с другими среднепалеолитическими комплексами Кавказа. Большинство последних либо относится к леваллуазским пластинчатым индустриям (Кударо I, Джручула, Мыштулагты-Лагат и др.), и в их ассамбляжах значительный процент составляют остроконечные формы, либо они ориентированы в орудийном производстве на изготовление таких специфических форм, как скребла кина и (или) бифасиальные орудия (Цопи I, Ильская, Матузка и др.). Кроме того, практически на всех стоянках этого времени фиксируются изделия с вентральным утончением, которых нет в дагестанских материалах.

Таким образом, наибольшее, хотя и достаточно слабое сходство отмечается между материалами дагестанских стоянок и памятников Закавказского нагорья, близкие связи которых с мустьерскими индустриями Загроса позволяют предполагать возможные корреляции среднепалеолитических ассамбляжей долин Рубаса и Дарвагчая с комплексами именно этих регионов [Палеолит..., 1984; Джафаров, 1999; Голованова, Дороничев, 2003б]. На это указывают некоторые особенности как первичного расщепления данных технокомплексов, так и их орудийных наборов. Это невысокий процент пластин, умеренное использование леваллуазской техники, в основном в параллельно-конвергентном варианте, сочетание параллельной радиальной и леваллуазской техник скалывания, значительный процент скребел, сочетание леваллуазских и мустьерских остроконечников, присутствие лимасов и отсутствие бифасиальных изделий [Голованова, Дороничев, 2005; Dibble, 1984; 1991; The Paleolithic..., 1993; Kozłowski, 1998; Jaubert et al., 2009]

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий со среднепалеолитическими материалами Приморского Дагестана в настоящее время не прослеживается. Это может быть связано как с недостаточной представительностью дагестанских индустрий, довольно многочисленных, но состоящих, в основном, из разновременных и перемешанных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключавшим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической индустрии.

Список литературы / References

- Амирханов Х. А.** Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986. С. 5–26.
Amirkhanov Kh. A. Manas-ozenskie must'erskie mestonakhozhdeniya v Prikaspiiskom Dagestane [Manas-ozen Mousterian sites in the Pre-Caspian Dagestan]. *Novoe v arheologii Severnogo Kavkaza* [News in archaeology of Nord Caucasus]. Moscow, Nauka, 1986, p. 5–26. (in Russ.)
- Аношкин А. А.** Палеолит Приморского Дагестана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, [б. и.], 2017. 44 с.
Anoikin A. A. Paleolit Primorskogo Dagestana [Paleolithic of Coastal Dagestan]. Doctor Histor. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 2017, 44 p. (in Russ.)
- Анисюткин Н. К.** О выделении двух комплексов Ильской мустьерской стоянки // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. С. 44–59.
Anisyutkin N. K. O vydelenii dvukh kompleksov Il'skoi must'erskoi stoyanki [On identification of two Il'skaya Mousterian site complexes]. *Kavkaz i pervonachal'noe zaselenie chelovekom Starogo Sveta* [Caucasus and the initial population of the Old World]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2007, p. 44–59. (in Russ.)
- Гиджрати Н. И.** К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок (Мыштулагты Лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе: Изд-во СОГУ, 1987. С. 141–154.
Hidjrati N. I. K probleme interpretatsii nizhnepaleoliticheskikh otlozhenii peschery Lasok (Myshtulagty lagat) v Severnoi Osetii [On Interpretation of the Weasel Cave (Myshtulagty lagat) Lower Paleolithic sediments]. *Problemy interpretatsii arheologicheskikh istochnikov* [Issues in Interpretation of Archaeological Sources]. Ordzhonikidze, NOSU Publ., 1987, p. 141–154. (in Russ.)

- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Палеолит Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003а. Вып. 3. С. 3–44.
Golovanova L. V., Doronichev V. B. Paleolit Severo-Zapadnogo Kavkaza [Paleolithic of Northwestern Caucasus]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches of archaeology of Kuban]. Krasnodar, KubSU Publ., 2003, iss. 3, p. 3–44. (in Russ.)
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Средний палеолит Кавказа // Археологический альманах. Донецк: Донецчина, 2003б. № 13. С. 18–66.
Golovanova L. V., Doronichev V. B. Srednii paleolit Kavkaza [Middle Paleolithic of Caucasus]. *Arkheologicheskii al'manakh* [Archaeological Almanac]. Donetsk, Donechchina Publ., 2003, no. 13, p. 18–66. (in Russ.)
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Экологические ниши и модели адаптации в среднем палеолите Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2005. С. 3–72.
Golovanova L. V., Doronichev V. B. Ekologicheskie nishi i modeli adaptatsii v srednem paleolite Kavkaza [Ecological niches and the Models of Nonadaptability in the Caucasus Middle Paleolithic]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and researches of archaeology of Kuban]. Krasnodar, KubSU Publ., 2005, p. 3–72. (in Russ.)
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Динамика изменения каменных индустрий на рубеже раннего и среднего палеолита на Северо-Западном Кавказе // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар: Вика-Принт, 2015а. С. 51–61.
Golovanova L. V., Doronichev V. B. Dinamika izmeneniya kamennykh industrii na rubezhe rannego i srednego paleolita na Severo-Zapadnom Kavkaze [Dynamics of Change of the Stone Industries on the Edge of the Early and Middle Paleolithic in Northwestern Caucasus]. *V Anfimovskie chteniya po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Kul'turnye vzaimodeistviya narodov Zapadnogo Kavkaza v drevnosti i srednevekov'e* [V Anfimov readings on the Archaeology of Western Caucasus. Cultural Interactions of the Peoples of Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages]. Krasnodar, Vika-Print Publ., 2015, p. 51–61. (in Russ.)
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б.** Динамика среды и культуры в позднем плейстоцене Кавказа // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2015б. № 4. С. 72–85.
Golovanova L. V., Doronichev V. B. Dinamika sredy i kul'tury v pozdnem pleistotsene Kavkaza [Dynamics of Environment and Culture in the Late Pleistocene of Caucasus]. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tura* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleocology, Culture], 2015, no. 4, p. 72–85. (in Russ.)
- Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Левковская Г. М., Лозовой С. П., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Романова Г. П., Харитонов В. М.** Пещера Матузка. СПб.: Островитянин, 2006. 194 с.
Golovanova L. V., Doronichev V. B., Levkovskaya G. M., Lozovoi S. P., Nesmeyanov S. A., Pospelova G. A., Romanova G. P., Kharitonov V. M. Peschera Matuzka [The Matuzka Cave]. St. Petersburg, Ostrovityanin Publ., 2006, 194 p. (in Russ.)
- Григолия Г. К.** Палеолит Квемо-Картли (погребенная пещера Цопи I): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, [б. и.], 1963. 18 с.
Grigoliya G. K. Paleolit Kvemo-Kartli (pogrebennaya peschera Copi I) [Paleolithic of Kvemo-Kartli (The Copi I Cave)]. Cand. Histor. Sci. Syn. Diss. Tbilisi, 1963, 18 p. (in Russ.)
- Гусейнов М.** Древний палеолит Азербайджана. Баку: Текнур, 2010. 220 с.
Guseinov M. Drevnii paleolit Azerbaidzhana [Ancient Paleolithic of Azerbaijan]. Baku, Teknur Publ., 2010, 220 p. (in Russ.)
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.** Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.
Derevyanko A. P., Amirkhanov Kh. A., Zenin V. N., Anoin A. A., Rybalko A. G. Problemy paleolita Dagestana [Issues on Paleolithic of Dagestan]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2012, 292 p. (in Russ.)
- Джафаров А. Г.** Средний палеолит Азербайджана. Баку: Елм, 1999. 228 с.
Dzhafarov A. G. Srednii paleolit Azerbaidzhana [Middle Paleolithic of Azerbaijan]. Baku, Elm Publ., 1999, 228 p. (in Russ.)
- Ерицян Б. Г.** Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., [б. и.], 1970. 31 с.

- Eritsyan B. G.** Erevanskaya peschernaya stoyanka i ee mesto sredi drevneishikh pamyatnikov Kavkaza [Yerevan Cave and its Position among the most Ancient Caucasus Sites]. Cand. Histor. Sci. Syn. Diss. Moscow, 1970, 31 p. (in Russ.)
- Ерицян Б. Г., Семенов С. А.** Новая нижнепалеолитическая пещера «Ереван» // КСИА. 1971. Вып. 126. С. 32–36.
- Eritsyan B. G., Semenov S. A.** Novaya nizhnepaleoliticheskaya peschera «Erevan» [A New Early Paleolithic Cave Site «Erevan»]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of archaeology], 1975, iss. 126, p. 32–36. (in Russ.)
- Котович В. Г.** Каменный век Дагестана. Махачкала: Изд-во Дагестан. филиала АН СССР, 1964. 226 с.
- Kotovitch V. G.** Kamennyi vek Dagestana [Stone Age of Dagestan]. Makhachkala, Dagestan Branch AN SSSR Publ., 1964, 226 p. (in Russ.)
- Любин В. П.** Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 224 с.
- Lyubin V. P.** Must'erskie kul'tury Kavkaza [Mousterian Cultures of Caucasus]. Leningrad, Nauka, 1977, 224 p. (in Russ.)
- Любин В. П.** Палеолит Кавказа // Палеолит мира. Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–142.
- Lyubin V. P.** Paleolit Kavkaza [Paleolithic of Caucasus]. *Paleolit mira. Paleolit Kavkaza i Severnoi Azii* [Paleolithic of World. Paleolithic of Caucasus and Nord Asia]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 9–142. (in Russ.)
- Любин В. П.** Итоги комплексного изучения Баракаевской мустьерской стоянки // Неандертальцы Гупского ущелья. Майкоп: Меоты, 1994. С. 151–164.
- Lyubin V. P.** Itogi kompleksnogo izucheniya Barakaevskoi must'erskoj stoyanki [Results of Comprehensive Study of Barakaevskaya Mousterian Site]. *Neandertal'tsy Gupskogo uschel'ya* [Neanderthals of the Gupsky canyon]. Maikop, Meoty Publ., 1994, p. 151–164. (in Russ.)
- Любин В. П., Беляева Е. В.** Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 108 с.
- Lyubin V. P., Belyaeva E. V.** Rannaya preistoriya Kavkaza [Early Prehistory of Caucasus]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2006, 108 p. (in Russ.)
- Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. 384 с.
- Paleolit SSSR [Paleolithic of USSR]. Moscow, Nauka, 1984, 384 p. (in Russ.)
- Формозов А. А.** Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
- Formozov A. A.** Kamennyi vek i eneolit Prikuban'ya [Stone Age and Chalcolithic of Pre-Cuban]. Moscow, Nauka, 1965, 160 p. (in Russ.)
- Щелинский В. Е.** О возрасте Ильской мустьерской стоянки // КСИА. 2012а. Вып. 227. С. 46–58.
- Schelinskii V. E.** O vozraste Il'skoi must'erskoj stoyanki [On the Age of the Il'skaya Mousterian Site]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of archaeology], 2012a, iss. 227, p. 46–58. (in Russ.)
- Щелинский В. Е.** Об Ильской мустьерской стоянке // Stratum Plus. 2012б. № 1. С. 69–110.
- Schelinskii V. E.** Ob Il'skoi must'erskoj stoyanke [On the Il'skaya Mousterian site]. *Stratum Plus*, 2012, no. 1, p. 69–110. (in Russ.)
- Щелинский В. Е., Кулаков С. А.** Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). СПб.: Европейский Дом, 2005. 96 с.
- Schelinskii V. E., Kulakov S. A.** Il'skaya must'erskaya stoyanka (raskopki 1920-kh – 1930-kh godov) [The Il'skaya Mousterian Site (1920–1930 excavation)]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2005, 96 p. (in Russ.)
- Adler D. S.** Late Middle Palaeolithic Patterns of Lithic Reduction, Mobility, and Land Use in the Southern Caucasus: PhD Dissertation. Cambridge, Harvard University, 2002, 488 p.
- Adler D. S., Tushabramishvili N.** Middle Palaeolithic patterns of settlement and subsistence in the southern Caucasus. In: Conard N. J., Kandel A. (eds.). Settlement dynamics of the Middle Palaeolithic and Middle Stone Age. Tübingen, Kerns, 2004, vol. 2, p. 91–132.
- Asryan L., Ollé A., Moloney N., King T.** Lithic assemblages of Azokh Cave (Nagorno Karabagh, Lesser Caucasus): Raw materials, technology and regional context. *Journal of Lithic Studies*, 2014, iss. 1, no. 1, p. 33–54.

- Dibble H. L.** The Mousterian Industry from Bisitun Cave (Iran). *Paléorient*, 1984, iss. 10, no. 2, p. 23–34.
- Dibble H. L.** Mousterian Assemblage Variability on an Interregional Scale. *Journal of Anthropological Research*, 1991, no. 47 (2), p. 239–257.
- Fernández-Jalvo Y., King T., Yepiskoposyan L., Andrews P.** (eds.) Azokh Cave and the Transcaucasian Corridor. New York, Springer, 2016, 350 p.
- Gasparyan B., Arimura M.** (eds.). Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia. Kanazawa, Kanazawa Uni., 2014, 370 p.
- Hidjrati N. I., Kimball L. R., Koetje T.** Middle and Late Pleistocene investigations of Mysh-tulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia. *Antiquity*, 2003, iss. 77, no. 298.
- Jaubert J., Biglari F., Bordes J., Bruxelles L., Mourre V., Shidrang S., Naderi R., Maskour M., Maureille B., Mallye J.-B., Quinif Y., Randu W., Laroulandie V.** The Middle Palaeolithic occupation of Mar Tarik, a new Zagros Mousterian site. In: Otte M., Biglari F., Jaubert J. (eds.). Iran Palaeolithic. BAR International Series 1968. Oxford, 2009, vol. 28, p. 7–27.
- Kozłowski J. K.** The Middle and the early Upper Palaeolithic around the Black Sea. In: Akazava T., Aoki K., Bar-Yosef O. (eds.). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York, Plenum Press, 1998, p. 461–482.
- Pinhasi R., Gasparian B., Wilkinson K., Bailey R., Bar-Oz G., Bruch A., Chataigner C., Hoffmann D. L., Hovsepyan R., Nahapetyan S., Pike A. W. G., Schreve D., Stephens M.** Hovk 1 and the Middle and Upper Palaeolithic of Armenia: a preliminary framework. *Journal of Human Evolution*, 2008, no. 55, p. 803–816.
- Pinhasi R., Higham T. F. G., Golovanova L. V., Doronichev V. B.** Revised age of late Neanderthal occupation and the end of the Middle Palaeolithic in the northern Caucasus. *PNAS*, 2011, iss. 108, p. 8611–8616.
- The Palaeolithic Prehistory of the Zagros-Taurus. Philadelphia, Uni. of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 1993, 238 p.

Материал поступил в редколлегию
Received
21.05.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Аношкин Антон Александрович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Геоархеология и палеоэкология человека» Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, anu11@yandex.ru)

Anton A. Anoshkin, Doctor of History, Senior Researcher at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, anu11@yandex.ru)

УДК 902/903
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-86-98

Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея

А. П. Бородовский^{1,2}, Ю. В. Оборин³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН*

² *Новосибирский государственный университет*

³ *Независимый исследователь
Новосибирск, Россия*

Аннотация

На Среднем Енисее клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами расположены в Назаровской, Чулымско-Енисейской и Минусинской котловинах. Относительная хронология кладов может определяться на основе сочетания в них нескольких различных по времени своего бытования предметных комплексов – «тагарских» и «хуннских» изделий из бронзы и железа. Неоднократно выявлены случаи нахождения в непосредственной близости от основных кладов дублирующих их по составу набора тайников. Наличие железных предметов и их комплексов в составе самого клада или «сопутствующем» тайнике может быть связано с характером его производственной «специализации» (клад литейщика или подборка инструментов, пригодных для горнорудной деятельности). В целом, же выявление и исследование кладов и тайников, в составе которых присутствуют комплекты различных железных инструментов, открывает новые перспективы для относительного датирования, интерпретации и систематизации таких вещевых комплексов.

Ключевые слова

Средний Енисей, хуннское время, клад, тайник, бронзовые предметы, железные орудия, относительная хронология

Для цитирования

Бородовский А. П., Оборин Ю. В. Клады и тайники бронзовых предметов с железными инструментами гунно-сарматского времени со Среднего Енисея // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 86–98. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-86-98

Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the Hun-Sarmatian Age from the Middle Yenisei

A. P. Borodovsky^{1,2}, Yu. V. Oborin³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

² *Novosibirsk State University*

³ *Independent Researcher
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The troves and hiding places containing iron tools in the Middle Yenisei region are located in the Nazarovskaya, the Chulymo-Yeniseiskaya and the Minusinskaya hollows. The study of the artifacts from these troves

© А. П. Бородовский, Ю. В. Оборин, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

and hiding places helps to date them, interpret and systematize such collections of items. We aimed at providing absolute and relative dating for the artifacts found.

Results. It is possible to systematize the sites where the troves and hiding places containing iron tools are located on the basis of their hydrographic or orographic vicinity. The hydrographic context implies characterizing the location of a trove or a hiding place next to different water basins, such as rivers, lakes, etc., including river tributaries. The orographic context is considered as the location of a trove or a hiding place in a certain mountainous landscape, including mountain peaks, slopes, mound feet, mountain gorges, valleys, etc. Based on these criteria, the Middle Yenisei troves and hiding places belonging to the Hun-Sarmatian time were divided into two groups from the territorial point of view. The first group, which was identified according to the hydrographic location, includes the Askysrovskii, Sharypovskii, Shirinskii, Lugavskii, Shunerskii troves and hiding places and those located on the Ostrov Gladkii. The second group, which was located in a mountainous landscape, includes the Kasangol'skii, Sagarkhaiskii, Uibatskii, Ust'-Kamyshtinskii, 1st and 2nd Askizskii, Dzhirinskii troves and hiding places. The sets of iron tools discovered, which included different axes, ice breaks and iron breakers, stone hammers and adzes, allow us not only to relate and synchronize a whole array of troves, but also to significantly elaborate the interpretation of items within the framework of their functional purpose. Some troves containing iron tools were accompanied with adjacent small hiding places with similar sets of iron tools.

Conclusion. Summarizing the results of the discussion on the Middle Yenisei troves and hiding places containing different sets of iron tools, we can conclude the following. Firstly, based on the combination of several item complexes belonging to different periods of time, i. e. the Tagar time, the Hun time, the Bronze Age and sets of various iron tools, we should pay attention to the peculiarities of different collections, which help to determine a relative chronological distribution of the troves. Secondly, a number of the Middle Yenisei troves containing iron tools have a feature of being located in close vicinity to similar sets of tools buried in hiding places. This peculiarity is quite common for the Middle Yenisei troves as it has been consistently registered in a few cases, e. g., the Iyusskii trove, one located next to the town of Krasny Iyuss; the 1st and 2nd Kosogol'skii Troves, etc. Thirdly, the presence of iron tools and sets of items inside a trove or a nearby hiding place can be directly related to the character of its production specialization, e. g., a caster's trove or a miner's trove containing a set of tools for mining activities. On the whole, identification and study of troves and hiding places containing sets of various iron tools opens new perspectives for relative dating, interpreting and systematizing such collections of artifacts.

Keywords

the Middle Yenisei, Hun-Sarmatian time, buried treasure, cache, bronze objects, iron tools, relative chronology

For citation

Borodovsky A. P., Oborin Yu. V. Buried Treasures and Hiding Places of Bronze Items with Iron Tools of the Hun-Sarmatian Age from the Middle Yenisei. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 86–98. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-86-98

Клады металлических предметов Среднего Енисея, включая территории Республики Хакасия и юга Красноярского края, отличаются не только многочисленностью, различием вариантов, но и своей хронологией. Учитывая разнообразие и неоднозначность определений клада, авторы понимают под термином «клад» значительный по количеству и разнообразию предметный комплекс, захороненный в землю, имеющий в ряде случаев одно или несколько вместилищ. «Тайник» – немногочисленный предметный комплекс, часто представленный серией однотипных вещей или их комплектом, захороненный в землю и иногда расположенный в непосредственной близости от клада.

Выявление и изучение кладов и тайников металлических предметов в данном регионе, в составе которых присутствуют комплекты различных железных инструментов, открывает широкие перспективы для решения проблем относительного датирования, интерпретации таких собраний в рамках их функционального назначения, специализации, систематизации и возможностей ритуального использования. Данные параметры кладов могут быть установлены по наличию и повторяемости в них комплектов железных инструментов – различных топоров (часто парных), пешней (ломов), кирок, тесел и др. орудий. Не менее важно и то обстоятельство, что целый ряд вещевых кладов с железными инструментами и без них «сопровождался» расположенными поблизости небольшими тайниками с аналогичным по комплектации набором железных инструментов.

Соответственно, в достижении данных перспектив и заключаются научная значимость, актуальность и новизна настоящей публикации. Ее цель состоит в определении абсолютного и относительного датирования собраний предметов из кладов и тайников как закрытых ком-

плексов, что представляет собой достаточно непростую работу. Не менее проблемным в рамках разработки абсолютной и относительной хронологии кладов эпохи железа Среднего Енисея являются возможности и особенности их датировки по вместилищам, в которых они находились. Учитывая, что для большинства кладов Среднего Енисея вместилища не выявлены, сосредоточимся на тех из них, где установлены факты наличия таковых предметов. Прежде всего, в данном отношении следует упомянуть клады Июсский, с острова Гладкий на Красноярском водохранилище (рис. 1), у аала Сапогов и Идринский клад (рис. 2), содержимое которых находилось в медных (бронзовых) котлах на поддонах.

Типология и хронология большинства этих котлов с аркообразными ручками (Июсский клад, клад с о. Гладкий и аала Сапогов) позволяют отнести их по времени бытования к V–III вв. до н. э. Медный котел с грибовидными ручками из Идринского клада был изготовлен явно раньше (VI–V вв. до н. э.). Именно поэтому, если учесть позднюю общую хронологию предметного комплекса, входящего в Июсский клад и клад с о. Гладкий и аала Сапогов, становится очевидным, что медные тагарские котлы различных типов, использованные в качестве вместилищ, не могут быть датирующими предметами, поскольку общая хронология их бытования, как правило, на несколько столетий древнее наиболее поздних предметов, входящих в клад [Бородовский, Ларичев, 2013. С. 48. Рис. 31]. С другой стороны, именно эти предметы (котлы) как вместилища кладов можно достаточно результативно использовать для корреляции и установления относительной хронологии их вещевых комплексов. На основании такого «критерия», при учете общей хронологии содержимого, допустимо выделить более позднюю группу кладов (Июсский и клад с о. Гладкий и аала Сапогов) в сравнении с более ранним Идринским кладом. Более того, для поздней группы кладов в медных тагарских котлах можно с некоторой долей вероятности выдвигать предположения об их хронологии относительно друг друга. В частности, отсутствие железных инструментов в Июсском и кладе у аала Сапогов может быть основанием для относительно более ранней их датировки по сравнению с кладом с о. Гладкий.

Рис. 1. Комплект предметов из клада с острова Гладкий на р. Енисей:
1 – котел (медь); 2, 3 – тесла (железо); 4–7 – топоры (железо)

Fig. 1. A set of items from a buried treasure Ostrov Gladkii on Yenisei:
1 – copper (cuprum); 2, 3 – adzes (iron); 4–7 – axes (iron)

Рис. 2. Котел-вместилище Идринского клада (медь):
1 – наиболее крупный фрагмент котла; 2–6 – обломки котла
Fig. 2. The storage copper from the Idrinskii buried treasure (cuprum):
1 – largest fragment of the copper; 2–6 – fragments of the copper

Обсуждая проблему определения времени сокрытия кладов эпохи раннего железа по их вместилищам на Среднем Енисее, нельзя не упомянуть и о рекогносцировочных результатах естественнонаучного датирования внутренних емкостей из органических материалов, входивших в состав Июсского клада. Эти датировки соответствуют периоду рубежа I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., что принципиально не противоречит хронологии данного предметного комплекса, полученной традиционными археологическими методами [Бородовский, Ларичев, 2013. С. 49].

В связи с этими проблемами датирования особое значение приобретают комплекты предметов, наиболее поздних по своему происхождению и бытованию, неоднократно присутствовавших в составе различных кладов. Речь идет о железных инструментах наряду с явно более ранними «тагарскими и хуннскими бронзами».

В частности, вопрос о поздней хронологии железных проушных топоров с округлой петлей обуха и клиновидный лезвием впервые поднимался Л. Р. Кызласовым, который относил такой предмет из Ташебинского дворца и серию аналогичных орудий из Аскыровского клада в Хакасии к ханьской эпохе (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) [Кызласов, 1992. С. 52], синхронной

хуннскому времени в Южной Сибири. Этот тип железных изделий из клада на скифском могильнике Бай-Даг-1 в Туве был также отнесен к хуннскому периоду [Худяков и др., 2011. С. 489; 2012. С. 208–210. Рис. 2; 3]. К настоящему времени для территории Среднего Енисея известно и обобщено более двух десятков таких инструментов. В Западно-Сибирской лесостепи аналогичный железный проушной топор присутствовал в сопроводительных материалах элитного кургана 1 (могила 2) могильника Сидоровка в Омском Прииртышье [Матющенко, Татаурова, 1997. С. 43, 143. Рис. 21, 1]; это орудие относится к «сарматскому времени» и имеет широкие территориальные аналогии, хотя датировка предметного комплекса элитного кургана могильника Сидоровка соотносится с периодом от II в. до н. э. до рубежа I–II вв. н. э. [Там же. С. 63, 83].

В рамках одной из задач нашего исследования необходимо привести перечень и описания кладов и тайников с территории Республики Хакасия и юга Красноярского края в хронологической последовательности их обнаружения.

Аскыровский клад был найден в 1950 г. у пос. Аскыровка Усть-Абаканского района Хакасии на левом берегу Енисея [Кызласов, 1960. С. 163; Вадецкая, 1999. С. 72]. Размещался в насыпи кургана в двух местах. Состоял из 11 топоров и ряда бронзовых и железных предметов (черешковый кинжал, удила с восьмерковидными псалиями, железная втулка с кольцами, бронзовые обоймы, сбруйная бляха, ложечковидные подвески, бронзовая пряжка с неподвижным язычком). Общее количество предметов – 19 экз. (рис. 3, 1).

Потрошиловский клад обнаружен на правом берегу Енисея у устья р. Туба близ с. Потрошилово Минусинского района Красноярского края. В состав клада входили три топора, четыре наконечника копий, тесла, секирка и другие железные предметы (рис. 3, 2) [Кызласов, 2001. Рис. 4; 17; 19; 20].

Касангольский клад (тайник) железных инструментов найден в 2008 г. у одноименной деревни Шарыповского района Красноярского края. Располагался на склоне сопки у места под названием Соколовский разъезд, в 2-х км юго-западнее д. Касанголь. Инвентарь размещался в обложенной камнем ямке, которая сверху была прикрыта плиткой песчаника и засыпана грунтом. Состав клада – три топора, пешня, тесло и бородак. Общее количество предметов – 6 экз. (рис. 3, 3).

Первый Уйбатский клад (Усть-Абаканский район Хакасии) найден в 2011 г. на правобережье р. Уйбат в пади Харасуг, в 7 км северо-западнее улуса Чарков. Набор железных предметов включал 11 серповидных ножей, два тесла, один целый заступ и клин еще одного такого инструмента, два сломанных топора, 21 железное кольцо, 2 пары сцепленных кольчатых удили, 3 кинжала, нож, S-образный псалий, 5 инструментов различного назначения, фрагментированные наконечники стрел. Общее количество предметов – 141 экз. (рис. 3, 4).

Второй Уйбатский клад-тайник был выявлен при дообследовании места находки первого клада, в 20-ти м южнее от него. Содержимое тайника состояло из железного топора и заступа (рис. 3, 5).

Сагархайский клад-тайник обнаружен в 2011 г. у горы Сагар-хая (Усть-Абаканский район Хакасии). Находился в 12 м от входа в пещеру в основании небольшой сопки Хахпахавх, в 2-х км от горы Сагар-хая, в 11 км севернее улуса Чарков. В состав тайника входили три железных обушных топора и две железные пешни. Общее количество предметов – 4 экз. (рис. 3, 6).

Клад с о. Гладкий (Усть-Абаканский район Хакасии) найден в 2011 г. на острове Гладкий в 2-х км севернее г. Абакана. На размываемом берегу в грунте был обнаружен бронзовый котел, в котором находились четыре железных топора и два тесла. Железный инвентарь сильно корродирован. Общее количество предметов – 7 экз. (рис. 3, 7).

Ширинский клад-тайник (Ширинский район Хакасии) был найден в 2012 г. на западном берегу оз. Шира в 1,5 км северо-западнее пос. Жемчужный. Состоял из двух железных топоров (рис. 3, 8).

Аскизский клад-тайник (Аскизский район Хакасии) обнаружен в 2012 г. в 2-х км южнее станции Аскиз. Представлен двумя железными топорами (рис. 3, 9).

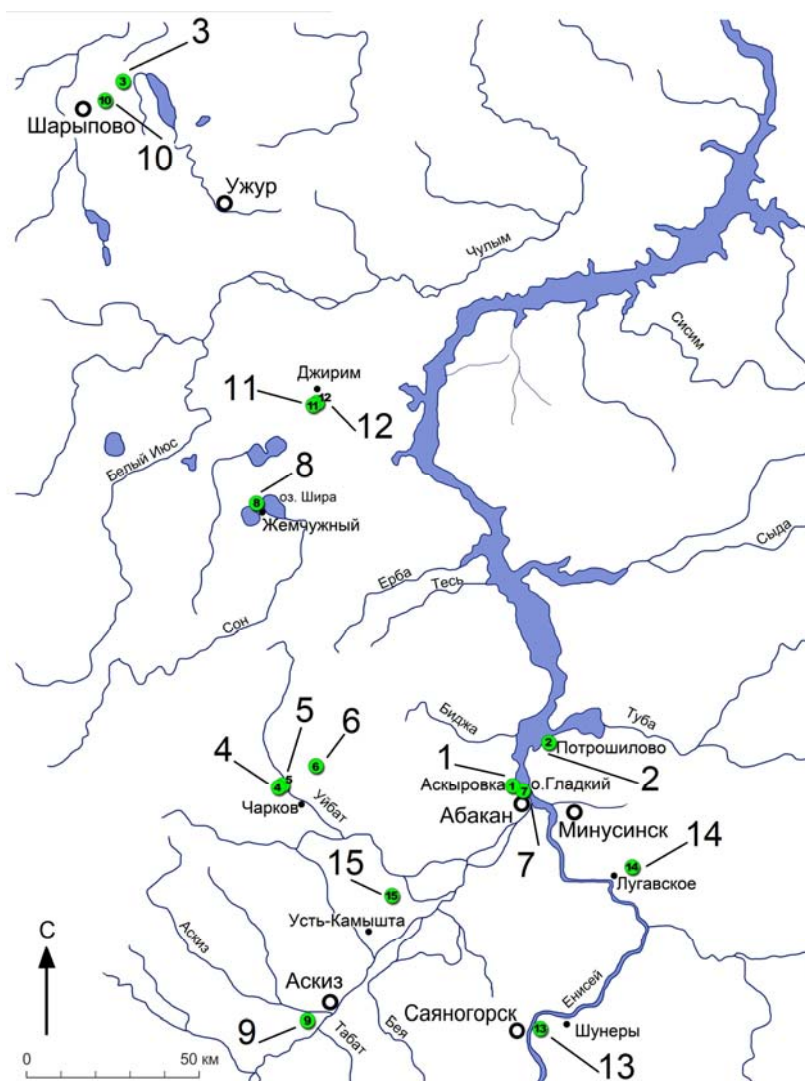

Рис. 3. Картография кладов Среднего Енисея с железными инструментами:

1 – Аскыровский (п. Аскыровка, Усть-Абаканский район, Хакасия); 2 – Потрошиловский (с. Потрошилово, Минусинский район, Красноярский край); 3 – Касангольский (д. Касанголь, Шарыповский район, Красноярский край); 4 – Первый Уйбатский (Усть-Абаканский район, Хакасия); 5 – Второй Уйбатский (клад-тайник) (Усть-Абаканский район, Хакасия); 6 – Сагархайский (клад-тайник) (г. Сагархая, Усть-Абаканский район, Хакасия); 7 – с острова Гладкий (Усть-Абаканский район, Хакасия); 8 – Ширинский (клад-тайник) (пос. Жемчужный, Ширинский район, Хакасия); 9 – Аскизский (клад-тайник) (станция Аскиз, Аскизский район, Хакасия); 10 – Шарыповский (г. Шарыпово, Красноярский край); 11 – Первый Джиримский (с. Джирим, Ширинский район, Хакасия); 12 – Второй Джиримский (клад-тайник) (с. Джирим, Ширинский район, Хакасия); 13 – Шунерский (с. Шунеры, Шунерский район, Красноярский край); 14 – Лугавский (с. Лугавское, Минусинский район, Красноярский край); 15 – Усть-Камыштинский (клад-тайник) (с. Усть-Камышта, Аскизский район, Хакасия)

Fig. 3. Mapping for buried treasures of the Middle Yenisei with iron tools:

1 – Askyrovsii (vil. AskYROVKA, Ust'-Abakanskii District, Khakassia); 2 – Potroshilovskii (vil. Potroshilovo, Minusinskii District, Krasnoyarsk Territory); 3 – Kasangolskii (vil. Kasangol, Sharypovskii District, Krasnoyarsk Territory); 4 – First Uybat'skii (Ust'-Abakanskii District, Khakassia); 5 – Second Uybat'skii (treasure-cache) (Ust'-Abakanskii District, Khakassia); 6 – Sagarkhayskii (treasure cache) (Sagarkhaya mount, Ust'-Abakanskii District, Khakassia); 7 – from Ostrov Gladkii (Ust'-Abakanskii District, Khakassia); 8 – Shirinskii (treasure-hiding place) (Zhemchuzhnyi settl., Shirinskii District, Khakassia); 9 – Askizskii (treasure-cache) (station Askiz, Askizskii District, Khakassia); 10 – Sharypovski (Sharypovo city, Krasnoyarsk Territory); 11 – First Dzhirimskii (vil. Dzhirim, Shirinskii District, Khakassia); 12 – Second Dzhirimskii (treasure-cache) (vil. Dzhirim, Shirinskii District, Khakassia); 13 – Shunerskii (vil. Shunery, Shushenskii District, Krasnoyarsk Territory); 14 – Lugavskii (vil. Lugavskoye, Minusinskii District, Krasnoyarsk Territory); 15 – Ust'-Kamyshtinskii (treasure-cache) (vil. Ust'-Kamyshta, Askizskiy District, Khakassia)

Шарыповский клад (Шарыповский район Красноярского края) был найден в 2013 г. на распаханном поле на южном берегу р. Ожа, в 7-ми км севернее-западнее г. Шарыпово. Удалось собрать 50 бронзовых предметов и два железных – топор и молот. Общее количество предметов – 52 экз. (рис. 3, 10).

Первый Джиримский клад (Ширинский район Хакасии) был зафиксирован в 2013 г. в 5-ти км южнее с. Джирим под большим камнем. В основном состоял из большого количества обломков бронзовой посуды и нескольких котлов. Общее количество предметов – 71 экз. (рис. 3, 11).

Второй Джиримский клад-тайник найден в 10-ти м восточнее первого и включал железные инструменты – три топора и пешню (рис. 3, 12).

Шунерский клад (Шушенский район Красноярского края) обнаружен в 2017 г. на правом берегу Енисея в сосновом бору в 8-ми км западнее с. Шунеры. В составе клада – четыре бронзовых предмета, 25 бронзовых литников и железное тесло. Общее количество предметов – 30 экз. (рис. 3, 13).

Лугавский клад (Минусинский район Красноярского края) найден в 2017 г. в 4-х км северо-восточнее с. Лугавское в сосновом бору. Включал связки бус, роговую подпружную пряжку, 28 бронзовых и 20 железных предметов. Железный набор состоял из двух серповидных ножей, ножа с кольцевидным навершием, насадного ножа, шила, трех колчаных крюков, тесла, бородка, двух наконечников стрел, пары удили и пяти элементов конской сбруи. Общее количество предметов – 49 экз. (рис. 3, 14).

Усть-Камыштинский клад-тайник (Аскизский район Хакасии) обнаружен в 2017 г. на выходе из ущелья у места под названием Третий Ключ, в 10–12-ти км северо-восточнее с. Усть-Камышта. Состоит из железных топора и пешни (рис. 3, 15).

Таким образом, на Среднем Енисее и прилегающих с запада территориях клады и тайники с железными инструментами расположены в Назаровской (Касангольский и Шарыповский клады), Чулымско-Енисейской (Первый и Второй Джиримские, Ширинский клад и клады-тайники) и Минусинской (Аскыровский, Потрошиловский, Первый и Второй Уйбатские, Сагархайский, с о. Гладкий, Аскизский, Шунерский, Лугавский, Усть-Камыштинский клады и клады-тайники) котловинах. Территориальная «плотность» размещения этих археологических объектов существенно снижается с юга на север региона (см. рис. 3).

Дальнейшая пространственная систематизация расположения кладов и тайников Среднего Енисея с железными инструментами возможна также в рамках двух контекстов – гидрографического и орографического. Гидрографический контекст предполагает характеристику размещения клада или тайника у различных водных объектов (река, озеро) магистрального и бассейнового статуса (река и ее притоки). Орографический контекст заключается в расположении клада или тайника в пределах определенного рельефа, связанного с горной местностью (вершины, склоны гор, подножия сопок, горные ущелья, долины). Исходя из этих критериев с территориальной точки зрения клады и тайники Среднего Енисея гунно-сарматского времени можно разделить на две группы, связанные с гидрографическим или орографическим характером залегания. К первой группе относятся такие памятники, как Аскыровский, Шарыповский, Ширинский, Лугавский, Шунерский клады и с о. Гладкий (рис. 3, 1, 7, 8, 10, 13–14). Ко второй группе следует отнести Касангольский, Сагархайский, Усть-Камыштинский, Аскизский, Первый и Второй Уйбатские и Джиримские клады и тайники (рис. 3, 3–6, 9–12).

При интерпретации назначения кладов и относительного датирования их содержимого особое значение приобретают комплекты предметов, неоднократно встречающиеся в составе различных кладов эпохи железа. К ним относятся «тагарские» и «хуннские» бронзы, а также наборы различных железных инструментов (рис. 4).

Предметный комплекс «тагарских бронз» в кладах Среднего Енисея состоит из нескольких разновидностей бронзовых изделий (котлы, навершия, зеркала с кнопчатой рукоятью на четырех ножках, подквадратные поясные обоймы с прорезями, конические пронизи).

Рис. 4. Комплект железных инструментов в составе кладов Среднего Енисея:
1 – серповидный нож; 2 – молот; 3 – тесло; 4 – заступ; 5 – топор; 6 – пешня; 7 – бородок

Fig. 4. A set of iron tools in the treasures of the Middle Yenisei:
1 – sickle knife; 2 – hammer; 3 – adze; 4 – spade; 5 – ax; 6 – ice pick; 7 – beard

Наиболее часто встречаемой комбинацией таких предметов является сочетание зеркал с кнопчатыми рукоятями на четырех ножках, подквадратных поясных обоям с прорезями и конических пронизей (представлены в материалах Июсского, Саяногорского, Шарыповского и Первого Уйбатского кладов)¹. Наряду с этим следует подчеркнуть, что по отдельности зеркала (Первый Джиримский и Лугавский клад) и конические пронизы (Аскыровский клад) встречаются еще в нескольких собраниях не только на Среднем Енисее (рис. 5, 1, 2, 13; 6, 17), но и на сопредельных территориях, например, в таежном Притомье (Бурбинский клад). В составе этих вещевых комплексов могут присутствовать железные предметы, включая подборки различных инструментов.

Другим значительным массивом предметов, входящих в собрание ряда кладов Среднего Енисея, являются «хуннские бронзы». Среди этих вещей имеются разнообразные пряжки с неподвижным язычком, пластины с противостоящими быками (яками), фрагменты пластин со змеями и решетчатым орнаментом, пластины с драконом, пластина со стоящим хищником с повернутой назад головой, пряжка с головой быка, ложечковидные подвески, скобообразная подвеска и полусферические пуговицы, многочисленные кольца, «перьевидные» подвески и обломки металлических котлов хуннского типа [Давыдова, Миняев, 2008. С. 23. Рис. 14; С. 56. Рис. 46; С. 57. Рис. 50; С. 99. Рис. 103; С. 105. Рис. 109; С. 107. Рис. 112; С. 116. Рис. 121; Zubchuk, Liesowska, 2007; Степная полоса..., 1992. С. 444. Табл. 94].

По наличию и повторяемости комплектов железных инструментов (различных топоров – часто парных, а также пешней, кирок, тесел и др.) для Среднего Енисея можно выделить целую группу небольших (тайников) и значительных по количеству предметов кладов. Такие изделия представлены в нескольких комплексах: Усть-Камыштинский (2 экз.), Ширинский (у пос. Жемчужного) (2 экз.), Второй Уйбатский (2 экз.), Аскизский (2 экз.), с о. Гладкий (6 экз.), Касангольский (6 экз.), Сагархайский (5 экз.), Второй Джиримский (4 экз.), Шарыповский (2 экз.), Аскыровский (11 экз.) и Лугавский (5 экз.) клад. Необходимо также

¹ Предметы из Июсского и Саяногорского кладов ранее опубликованы, поэтому в настоящей статье не описываются.

Рис. 5. Предметы из Первого Джиримского клада (медь, бронза):

1, 2 – зеркала с кнопчатой рукоятью на четырех ножках; 3–7 – скобообразные подвески; 8 – дисковидное зеркало с петельчатой ручкой; 9 – обломок пряжки с драконом; 10 – сосудик; 11, 12 – обломки котлов; 13 – обломок зеркала с кнопчатой рукоятью

Fig. 5. Items from the First Dzhirim buried treasure (cuprum, bronze):

1, 2 – mirrors with a button handle on four legs; 3–7 – staple suspensions; 8 – discoid mirror with a looped handle; 9 – a piece of buckle with a dragon; 10 – vessel; 11, 12 – fragments of coppers; 13 – a fragment of a mirror with a button handle

отметить, что эти клады и тайники различаются не только по количеству предметов (от двух экземпляров орудий до десятка инструментов), но и по сочетанию в них нескольких комплектов изделий: пары проушных топоров (Аскыровский, Ширинский клады и клад с о. Гладкий); дополнение топоров пешневидными орудиями (Сагархайский, Касангольский, Второй Джиримский, Усть-Камыштинский клады); молотами, тятками-заступами, теслами и бородками (желобчатыми инструментами) (Касангольский, Шарыповский, Лугавский, Второй Уйбатский клады и клад с о. Гладкий). Таким образом, для этой группы кладов характерна как взаимовстречаемость различных инструментов, так и разные варианты их комплектации. На основании этого можно сделать ряд выводов.

Так, полный комплект инструментов мог состоять из одной или нескольких пар топоров, пешней, тятки, молота, тесла и желобчатой стамески (бородка). Комплекты таких инструментов в различных вариантах сочетания представлены как в тайниках, так и в значительных по количеству вещевых кладах, имеющих или не имеющих своих вместилищ. Присутствие этих предметов в кладах как наиболее поздних изделий позволяет синхронизировать данные вещевые комплексы.

Следует отметить, что наличие сочетания рубящих и пешневидных орудий имело место уже с раннего тагарского времени. В частности, это представлено в вещевых комплексах Первого и Второго Терских кладов. Признаки преемственности можно выявить и на уровне морфологии конкретных предметов, например пешней. Форма этих инструментов практически не изменилась на протяжении очень длительного промежутка времени (от тагарской

Рис. 6. Комплекс предметов из Лугавского клада:

1 – кольца; 2–4 – удила; 5, 6 – крючки; 8–12 – ножи; 13 – бородок; 14 – тесло; 15 – стержень; 16 – пряжка; 17 – зеркало с кнопчатой рукоятью; 18 – кольца; 19 – ложечковидные подвески; 20 – обоймы; 21 – пронизи; 22, 24 – поясные пластины со змеями; 23 – пряжка; 25–27 – обломки; 28 – бусы (1–6, 8–15 – железо; 16 – рог; 17–27 – бронза; 28 – стекло)

Fig. 6. A complex of items (objects) from the Lugavskii buried treasure:

1 – rings; 2–4 – bit; 5, 6 – hooks; 8–12 – knives; 13 – beard; 14 – adze; 15 – rod; 16 – buckle; 17 – mirror with a button handle; 18 – rings; 19 – spoon-like suspensions; 20 – clips; 21 – penetrate; 22, 24 – belt plates with snakes; 23 – buckle; 25–27 – fragments; 28 – beads (1–6, 8–15 – iron; 16 – horn; 17–27 – bronze; 28 – glass)

культуры к хуннскому времени). Изменился лишь материал для их изготовления – произошел переход от меди к железу. При этом особенно важно, что на территории Среднего Енисея есть клады, в которые не входили эти изделия. Среди них Июсский и клад у аала Сапогов. Такие особенности вполне могут быть связаны как со специализацией, так и с хронологической принадлежностью упомянутых кладов.

В связи с этим следует подчеркнуть, что синхронизация и датировка собраний предметов кладов по наличию в них железных проушных топоров [Кызласов, 1992. С. 52; Вадецкая, 1999. С. 72] исходя из условий их нахождения (Ташебинский дворец и Аскыровский клад) является не однозначной и дискуссионной.

Начнем с того, что для Ташебинского дворца в Минусинской котловине к настоящему времени не существует общепризнанной даты, поскольку достижению консенсуса исследователей в этом вопросе препятствует ряд факторов.

Во-первых, проблемность возможностей достоверной корреляции письменных и археологических источников для Южной Сибири в рамках абсолютного датирования.

Во-вторых, затрудненность однозначной идентификации характера обнаружения железных проушных топоров в помещениях Ташебинского дворца и в Аскыровском кладе. Если для дворцового комплекса такой инструмент обнаружен в верхних слоях холма над руинами здания [Вадецкая, 1999. С. 72], то серия из Аскыровского клада происходит из двух мест в насыпи кургана.

Однако следует заметить, что корреляция комплектов предметных комплексов кладов остается более перспективной в рамках их относительного датирования [Бородовский, Ларичев, 2013. С. 50. Рис. 33; С. 55. Рис. 38; С. 57]. В частности, при определенном сходстве ряда предметов (втульчатого навершия с кольцами, копытовидного втока, конических пронизей и ложечковидных подвесок) в Июсском и Аскыровском кладах очевидны и явные хронологические различия этих вещевых собраний. Например, втульчатое бронзовое навершие с кольцами из Июсского клада явно более архаично в сравнении с близким по форме предметом из Аскыровского клада, но изготовленным уже из железа с золотой инкрустацией. Если еще учесть практически полное отсутствие в первом других железных изделий, то разница в их относительной хронологии становится вполне очевидной. Поэтому в рамках относительного датирования особое значение приобретает недавно выявленный Первый Уйбатский клад. По своему вещевому комплекту это собрание имеет целый ряд параллелей с Июсским, но в его состав входят железные проушные топоры. Это позволяет считать Уйбатский клад относительно поздним в сравнении с Июсским, а также условно соотносить его (Уйбатский клад) с Аскыровским кладом и железным проушным топором с холма над Ташебинским дворцом.

Суммируя выявленные особенности расположения и комплектации кладов и тайников Среднего Енисея с железными инструментами, можно сделать ряд выводов.

Учитывая, что отдельные железные орудия и их наборы достаточно часто сочетаются в различных кладах с «устоявшимся» комплектом предметов «тагарских» и «хуннских» бронз, можно использовать такую особенность для конкретизации временных интервалов бытования этих вещей. Кроме того, относительная хронология кладов может определяться на основе сочетания в них нескольких различных по времени своего бытования предметных комплексов – «тагарских», «хуннских» изделий из бронзы и железа. Не менее важно и то, что для целого ряда кладов Среднего Енисея, включавших железные инструменты, неоднократно выявлены случаи нахождения в непосредственной близости от них тайников, дублирующих состав наборов инструментов. В целом, такая особенность для кладов Среднего Енисея, скорее всего, будет общей, поскольку уже неоднократно фиксировалась на примере целого ряда кладов (Июсский и еще не опубликованный клад у поселка Красный Июс, а также Первый и Второй Косогольские клады), в состав которых не входили комплекты железных инструментов. Наличие железных инструментов и их комплектов в составе самого клада или в «сопутствующем» тайнике может быть непосредственно связано с характером его производ-

венной «специализации» (клад литейщика или подборка инструментов (шанцевых), пригодная для горнорудной деятельности).

Список литературы / References

- Бородовский А. П., Ларичев В. Е.** Июсский клад (каталог коллекции). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. 120 с.
Borodovskii A. P., Larichev V. E. Iyusskii klad (katalog kollektsii) [The Iyusskii Treasure (a collection catalogue)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 120 p. (in Russ.)
- Вадецкая Э. Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 312 с.
Vadetskaya E. B. Tashtyyskaya epokha v drevnei istorii Sibiri [The Tashtyk Era in the Ancient History of Siberia]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 1999, 312 p. (in Russ.)
- Давыдова А. В., Миняев С. С.** Художественная бронза сунну. Новые открытия в России. СПб.: ГАМАС, 2008. 120 с.
Davydova A. V., Minyaev S. S. Khudozhestvennaya bronza syunnu. Novye otkrytiya v Rossii [Art Bronze of the Hunnu. New Discoveries in Russia]. St. Petersburg, GAMAS Publ., 2008, 120 p. (in Russ.)
- Кызласов Л. Р.** Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 198 с.
Kyzlasov L. R. Tashtyyskaya epokha v istorii Khakasko-Minusinskoi kotloviny (I v. do n. e. – V v. n. e.) [The Tashtyk Era in the History of the Khakas–Minusinsk Depression (1st century BC – 5th century AD)]. Moscow, Moscow State Uni. Publ., 1960, 198 p. (in Russ.)
- Кызласов Л. Р.** Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. 224 с.
Kyzlasov L. R. Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noi Azii [Essays on the History of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Publ., 1992, 224 p. (in Russ.)
- Кызласов Л. Р.** Гуннский дворец на Енисее: проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит., 2001. 176 с.
Kyzlasov L. R. Gunnskii dvorets na Enisee: problema rannei gosudarstvennosti Yuzhnoi Sibiri [A Hunnu Palace on the Yenisei: on the Issue of the Early Statehood of Southern Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, 136 p. (in Russ.)
- Матющенко В. И., Татаурова Л. В.** Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
Matyushchenko V. I., Tataurova L. V. Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e [The Sidorovka Burial Ground in the Omsk Irtysh Region]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 198 p. (in Russ.)
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время.** М.: Наука, 1992. 494 с.
Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppe Area of the Asian Part of the USSR during the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka, 1992, 494 p. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Митько О. А., Борисенко А. Ю., Тетерин Ю. В.** Клад железного оружия хуннского времени на могильнике Бай-Даг-1 (в долине реки Ээрбек в Тыве) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 7: Археология и этнография. С. 206–212.
Khudyakov Yu. S., Mit'ko O. A., Borisenko A. Yu., Teterin Yu. V. Klad zheleznogo oruzhiya khunnnskogo vremeni na mogil'nike Bai-Dag-1 (v doline reki Eerbek v Tyve) [Trove with Iron Weapons of the Hunnu Time at the Bai-Dag-1 Burial Ground (in the valley of the Eyrebek River in Tyva)]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2012, vol. 11, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 206–212. (in Russ.)
- Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Митько О. А., Борисенко А. Ю., Тетерин Ю. В.** Начало работ Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в полосе строительства железной дороги Кызыл – Курагино // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. 27. С. 487–490.
Khudyakov Yu. S., Skobelev S. G., Mit'ko O. A., Borisenko A. Yu., Teterin Yu. V. Nachalo rabot Sayanskoi kompleksnoi ekspeditsii IAET SO RAN v polose stroitel'stva zheleznoi dorogi Kyzyl – Kuragino [Early Work of the Sayan Complex Expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in the Construction Zone of the Kyzyl – Kuragino Railway]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*

[*Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories*]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2011, vol. 27, p. 487–490. (in Russ.)

Zubchuk S., Liesowska A. Chic women's jewellery made of coal, encrusted with jade and coral from 2,200 years ago. *Siberian Times*, 15.11.2017. URL: <http://siberiantimes.com/science/casestudy/news/chic-womens-jewellery-made-of-coal-encrusted-with-jade-and-coral-from-2200-years-ago/> (accessed 11.01.2018).

Материал поступил в редколлегию
Received
11.01.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), доцент Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, altaicenter2011@gmail.com)

Andrey P. Borodovsky, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Assistant Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, altaicenter2011@gmail.com)

Оборин Юрий Владимирович, независимый исследователь (Новосибирск, Россия, lucky1959@yandex.ru)

Yury V. Oborin, Independent Researcher (Novosibirsk, Russian Federation, lucky1959@yandex.ru)

УДК 903.2
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-99-106

Коллекция железных наконечников стрел эпохи Кыргызского Великодержавия из Кыргызского национального музея в Бишкеке

Ю. С. Худяков^{1,2}, А. Ю. Борисенко²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются находки железных наконечников стрел из состава коллекции предметов вооружения дистанционного боя, отнесенной к эпохе Кыргызского Великодержавия, в настоящее время экспонирующейся в Национальном музее Республики Кыргызстан (г. Бишкек). Точное местонахождение этих предметов не установлено. Однако известно, что все они происходят с территории современного Кыргызстана. В результате проведения формально-типологического классификационного анализа была определена их типологическая принадлежность, выявлены аналогии в составе оружейных комплексов древних и средневековых этносов, проживавших на территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Все изученные предметы можно отнести к раннему и развитому Средневековью. Вероятно, они принадлежат оружию дистанционного боя воинов Кыргызского каганата – известно, что енисейские кыргызы вторгались на территории, расположенные в восточных отрогах Тянь-Шаня.

Ключевые слова

Центральная Азия, историко-культурный регион, эпоха Кыргызского Великодержавия, Национальный музей Кыргызстана, экспозиция, железные наконечники стрел

Благодарности

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Коллекция железных наконечников стрел эпохи Кыргызского Великодержавия из Кыргызского Национального музея в Бишкеке // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 99–106. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-99-106

Collection of Iron Arrowheads of the Kyrgyz Great Power Epochs from the Kyrgyz National Museum in Bishkek City

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, A. Yu. Borisenko²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. We considered and analyzed the finds of iron arrowheads from a small collection of armament objects for long-range combat related to the epoch of Kyrgyz Great Power. The collection is exhibited at the moment in the National Museum of the Kyrgyz Republic in Bishkek City.

© Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

Results. Precise location of these objects is not determined. However, it is known that all these objects of armament originate from the territory of modern Kyrgyzstan. The arrowheads from the collection have been preserved quite well, which distinguishes these findings from the armament objects of excavations of archaeological monuments of the cultures of ancient and medieval peoples in the Tian Shan. Having carried out a formal and typological classification analysis of the items from the collection, we determined a certain typological identity of the armament for long-range combat that were related to different groups and types of iron petiolate arrowheads according to the section and the form of feather. We found analogues to the arrows from our collection when discovered arrowheads of similar forms as a part of weapon complexes of ancient and medieval ethnicities inhabiting the Central Asian historical and cultural region during the Ancient times, Early and High Middle Ages. We traced the spread of arrowheads of different types, analyzed them as a part of our collection, and analyzed the items discovered in the course of previous research in medieval archaeological sites on the territory of northern Tian Shan Region in the bounds of Kyrgyzstan. The results of our analysis prove that all the arrowheads from the collection studied relate to the historical eras of the Early and High Middle Ages.

Conclusion. A part of this collection is likely to have belonged to the complex of means for long-range combat. They used such arrowheads while shooting the enemy in the epoch of the Kyrgyz Khanate. Preponderance of armor-piercing and versatile iron arrowheads can testify the necessity to confront enemies in long-range combats and fight against adversaries who were powerfully armed and fully-equipped with metallic armor.

Keywords

Central Asia, historical and cultural region, Kyrgyz Great Power epochs, National museum of Kyrgyzstan, exposition, iron arrows' tips

Acknowledgements

The work was supported on the state assignment in the field of scientific activities (project No. 33.5677.2017 / 8.9)

For citation

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu. Collection of Iron Arrowheads of the Kyrgyz Great Power Epochs from the Kyrgyz National Museum in Bishkek City *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 99–106. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-99-106

Вскоре после того, как енисейскими кыргызами в ходе войны с Уйгурским каганатом было достигнуто несколько решительных побед над уйгурскими и другими телесскими племенами, кыргызы вторглись на территории, расположенные в восточных отрогах Тянь-Шаня. В это время их владения находились «от Хами на запад, от Харашара на север, подле Белых гор» [Бичурин, 1998. С. 358]. В результате данных военных походов кыргызы смогли достигнуть районов своего прежнего расселения, в которых проживали в предшествующие хуннские времена. Вполне вероятно, что в течение этих нескольких десятилетий отряды кыргызских воинов могли совершать походы не только в сторону Бешбалыка, Турфана и Кашгара, но и в пределы западных районов Тянь-Шаньской горной системы, расположенных на территории северной части современного Кыргызстана. В дальнейшем, после того как обширные пространства центрально-азиатских степей были завоеваны киданями, а вслед за ними и монгольскими войсками, тянь-шаньские кыргызы оказались отрезанными от прежних мест своего обитания на территории Саяно-Алтая и в дальнейшем, в эпоху монгольских завоеваний, были включены в состав монгольских государственных образований Чингизидов на территории Восточного Туркестана, Центральной и Средней Азии.

Военное дело кыргызов интересовало многих исследователей из Китая, России, стран Европы, США и Японии [Восточный Туркестан..., 1988. С. 19–28; 1995. С. 359–430; Кляшторный и др., 1991. С. 125–129; Попова, 2008. С. 37]. В 1990-х гг. М. В. Гореликом был принят опыт исследования военного дела древних и средневековых народов Востока, в том числе кочевников Восточного Туркестана [Горелик, 1993. С. 134; Восточный Туркестан..., 1995. С. 422–423; Табл. 54, 5, 9]. Однако в этих трудах не использовались находки предметов вооружения из музейных коллекций.

До настоящего времени археологических памятников кыргызской культуры, которые можно было бы отнести к эпохе Кыргызского Великодержавия, на территории современного Кыргызстана не было обнаружено. Лишь отдельные находки кыргызских предметов вооружения и художественные металлические изделия удалось выявить в составе музейных кол-

лекций, которые находятся на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая [Худяков, 1992]. В этой связи определенный интерес может представлять небольшая коллекция железных наконечников стрел, которая выставлена в составе музейной экспозиции, посвященной эпохе Кыргызского Великодержавия, в Национальном музее Кыргызской Республики в г. Бишкеке.

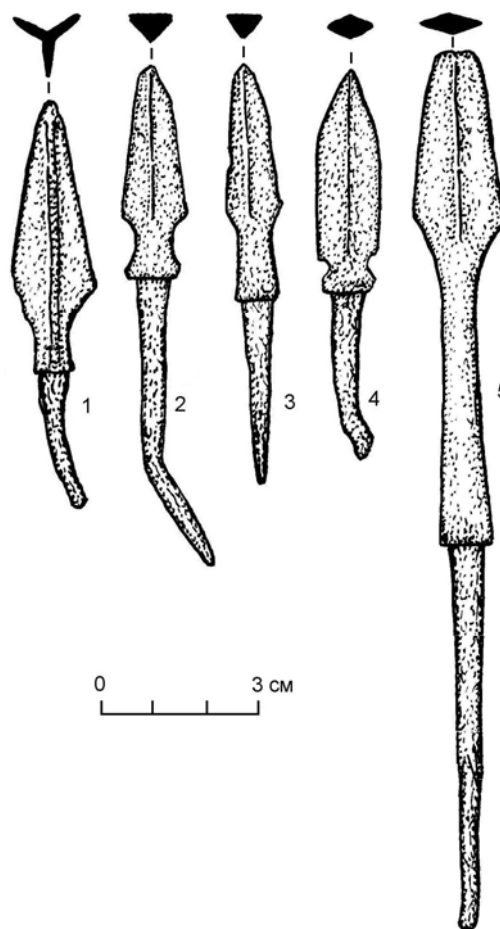
К сожалению, первоначальное местонахождение каждой из данных археологических находок до настоящего времени установить не удалось. Однако по сведениям, полученным в результате беседы с сотрудниками Национального музея, все эти предметы вооружения дистанционного боя, вероятнее всего, происходят с территории современной Республики Кыргызстан. Они могут быть подвергнуты типологическому анализу и классифицированы по формальным признакам согласно ранее разработанной и неоднократно успешно апробированной в прошлом формально-типологической методике, что и является целью данной публикации. Это должно позволить уточнить хронологию распространения данных находок на территории Кыргызстана и высказать некоторые предположения об их вероятной культурной принадлежности.

По материалу изготовления все предметы из состава изучаемой коллекции относятся к одному классу – железных наконечников. По способу насада все они могут быть включены в состав одного отдела – черешковых. По сечению пера среди них выделяются несколько групп.

К первой группе можно отнести наконечник с трехлопастным в сечении пером. По форме пера данный предмет выделяется в самостоятельный тип наконечников стрел.

Тип 1 – наконечник с удлинненно-ромбическим пером. В составе изучаемой коллекции он представлен одним экземпляром. Длина пера с упором – 5,3 см, ширина пера – 1,6 см, длина черешка – 2,8 см. Наконечник с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим пером, покатыми плечиками, выступающим упором. Плечико одного пера у этого наконечника частично повреждено (см. рисунок, 1).

По своему функциональному назначению стрелы с трехлопастным в сечении пером относятся к числу не бронебойных наконечников. Они могли быть предназначены для поражения легковооруженных вражеских воинов, не защищенных металлическими доспехами. Считается, что трехлопастное сечение пера придавало стреле улучшенные аэродинамические свойства, способствовало ее вращению вокруг своей оси и повышению устойчивости во время полета, а также повышало дальность и точность в поражении цели [История..., 1968. С. 128; Горбунов, 2006. С. 38]. Подобные же

Железные наконечники стрел эпохи Кыргызского Великодержавия из собрания Национального музея Кыргызской Республики: 1 – наконечник с трехлопастным в сечении пером; 2, 3 – наконечники с трехгранным в сечении пером одного типа; 4, 5 – наконечники с ромбическим в сечении пером разных типов

Iron arrowheads of the era of the Kyrgyz Great Power from the collection of the National Museum of the Kyrgyz Republic: 1 – tip with a three-blade in cross-section; 2, 3 – one type of trihedral cross-section; 4, 5 – tips with rhombic cross-section with different types of blade

лезные трехлопастные стрелы широко применялись енисейскими кыргызскими воинами в раннем и развитом Средневековье [Евтюхова, 1948. С. 104; Киселев, 1949. С. 325]. Изображение всадника с луком и стрелой с наконечником удлинненно-ромбической формы представлено на рельефах Копенского чаа-таса [Евтюхова, Киселев, 1940. Рис. 54]. Подобные стрелы были на вооружении у древних тюрков Саяно-Алтая во второй половине I тыс. н. э. [Гаврилова, 1965. Табл. VIII, 2; Могильников, 1981. С. 36; Соловьев, 2003. С. 132].

В составе второй группы стрел можно выделить наконечники с трехгранным в сечении пером. По форме пера они могут быть выделены в один тип.

Тип 1 представлен наконечниками с боеголовковым пером. В составе изучаемой коллекции к данному типу можно отнести два экземпляра. Размеры наконечников несколько различаются. Длина пера первой из таких стрел – 4 см, их ширина пера – 1,3 см, а длина черешка – 6 см. Длина пера второго наконечника стрелы – 4,5 см, ширина пера – 1,1 см, длина черешка – 3,6 см. Стрелы с остроугольным острием, выделенной удлинненно-ромбической боевой головкой, покатыми плечиками, выступающей шейкой с расширяющимся вниз упором. Острие одного из этих наконечников частично повреждено (см. рисунок, 2, 3).

Железные наконечники с трехгранным в сечении пером по своему функциональному назначению, вероятнее всего, должны быть отнесены к числу броневой стрел, предназначенных для пробивания специализированного защитного покрытия, изготовленного из железных пластин или из твердой кожи [Горбунов, 2006. С. 40]. Вероятно, наряду с поражением тяжеловооруженных противников подобные стрелы могли применяться при стрельбе и по иным целям.

К третьей группе следует отнести наконечники стрел с ромбическим в сечении пером. В составе данной группы по форме пера выделяется два отдельных типа стрел.

Тип 1 – наконечники с вытянуто-пятиугольным пером. Представлен одним экземпляром. Длина пера – 4,4 см, ширина пера – 1,2 см, длина черешка – 3,4 см. Наконечник с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, прямыми плечиками, выступающей укороченной шейкой с упором (см. рисунок, 4).

К типу 2 относится наконечник с боеголовковым пером. Длина пера с шейкой – 9,5 см, ширина пера – 1,8 см, длина черешка – 7,8 см. Наконечник с затупленным острием, удлинненно-ромбической боевой головкой, покатыми плечиками, значительно удлиненной шейкой с упором и довольно длинным черешком (см. рисунок, 5).

Железные наконечники с ромбическим в сечении пером по своему функциональному назначению могут быть отнесены к числу универсальных боевых.

В качестве отличительной особенности всех железных наконечников стрел из состава изучаемой музейной коллекции можно отметить несколько необычную для подобных предметов, обнаруженных на территории Тянь-Шаня и Семиречья, довольно хорошую сохранность. Это существенно отличает их от сильно коррозированных железных наконечников стрел, обнаруженных ранее во многих исследованных комплексах культур древнетюркского, предмонгольского и монгольского времени, раскопанных кыргызскими археологами в предшествующие годы на территории Притяньшанья и сопредельных районов Кыргызстана [Табалдиев, 1996. С. 44. Рис. 11, 4; 2011. С. 304]. В то же время подобная хорошая сохранность железных предметов вооружения, включая наконечники стрел, характерна для изделий, изготовленных мастерами-оружейниками енисейских кыргызов в Южной Сибири.

Железные наконечники стрел с удлинненно-ромбической формой пера, близкие по конфигурации к описанному выше трехлопастному наконечнику из состава исследуемой коллекции, начали использоваться на территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона (в Забайкалье и Монголии) в хунно-сяньбийское время [Коновалов, 1976. Табл. I, 1; II, 20, 28; Давыдова, 1985. Рис. XII, 2, 3]. Подобные по форме стрелы имелись на вооружении также у носителей иных культур данной эпохи, в том числе булан-кобинской и кок-пашской, памятники которых были распространены на территории Горного Алтая в течение первой половины I тыс. н. э. [Горбунов, 2006. Рис. 23, 14; Бобров и др., 2003. Рис. 29, 3; 30, 10]. Присутствовали они и у ранних тюрков на территории Горного Алтая [Тетерин, 2004. Рис. 5, 4].

В Притяньшань и Семиречье похожие по конфигурации наконечники стрел известны в памятниках кенкольской культуры в первой половине I тыс. н. э., а во второй половине I тыс. н. э. они находились в арсеналах древних тюрок, кимаков и енисейских кыргызов [Арсланова, 2013. Рис. 2, 8], западных тюрок и тюркешей на территории Северного Притяньшанья [Табалдиев, 1996. С. 44; Рис. 5, 4–7; 25, 4]. Енисейские кыргызы в Южной Сибири использовали подобные стрелы и в течение последующего исторического периода, охватывающего первые века II тыс. н. э.

Судя по выявленным аналогиям, на территории Притяньшанья стрелы с железными трехлопастными наконечниками удлинненно-ромбической формы могли применяться в течение длительного исторического периода, включая эпоху поздней Древности, а также раннее и развитое Средневековье. Однако трехлопастные наконечники стрел кенкольской культуры несколько отличаются по своим пропорциям и размерам пера от находки из состава изучаемой коллекции. Поэтому исследованный экземпляр следует отнести к историческому периоду второй половины I тыс. н. э.

Железные наконечники стрел с трехгранным в сечении пером находят аналогии у древнего и средневекового населения Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Впервые они появились у хуннов [Давыдова, 1985. Рис. IX, 4] В дальнейшем, в течение хунно-сяньбийской эпохи, трехгранные стрелы вытянуто-пятиугольной формы использовались носителями кок-пашской культуры на территории Восточного Алтая [Бобров и др., 2003. Рис. 16, 11], кенкольской культуры на Тянь-Шане и в Семиречье. Среди них были бронебойные наконечники стрел боеголовковой и удлинненно-ромбической форм. Трехгранные наконечники стрел с выделенной боевой головкой и удлинненной шейкой, снабженные упором, начали применяться древнетюркскими стрелками в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе во второй половине I тыс. н. э. Были они в ходу у западных тюрок, уйгуров и кимаков, у енисейских кыргызов в эпоху Великодержавия в IX–X вв., использовались населением Северного Притяньшанья в течение первых столетий II тыс. н. э. [Худяков и др., 2013. С. 218], найдены в процессе раскопок памятника Кызыл-Курган в Кыргызстане [Бернштам, 1952. Рис. 79, 5, 6].

Судя по приведенным аналогиям, трехгранные наконечники стрел из состава исследуемой оружейной коллекции с большой долей вероятности могут быть отнесены к эпохе Кыргызского Великодержавия.

Среди железных стрел с ромбическим в сечении пером в составе изучаемой коллекции выделяется наконечник вытянуто-пятиугольной формы. Ему можно найти аналогии в числе стрел в комплексе средств ведения дистанционного боя культур, распространенных в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона в I тыс. н. э. и первые столетия II тыс. н. э.

Наконечники с ромбическим в сечении пером асимметрично-ромбической формы обнаружены на территории равнинного Алтая в археологических комплексах кимаков, относящихся к последним векам I тыс. н. э. Близкий по форме наконечник стрелы найден в одном из комплексов культуры кыштымов, относящихся к первым векам II тыс. н. э. в Минусинской котловине. Боеголовковый наконечник с ромбическим в сечении пером и удлинненной шейкой с упором имеет аналогии в одном из памятников культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири.

Выставленные в экспозиции Национального музея Кыргызстана и рассмотренные в рамках настоящего исследования находки различных форм железных наконечников стрел из Притяньшанья, судя по прослеженным аналогиям на сопредельных территориях Центрально-Азиатского историко-культурного региона, включая южные районы Сибири, могут быть отнесены ко второй половине I – первым векам II тыс. н. э. Вполне вероятно, что они принадлежали к комплексам боевых средств дистанционного боя кыргызов эпохи Кыргызского Великодержавия и других этносов и этнических групп на территории Притяньшанья, входивших в состав Кыргызского каганата в IX–X вв.

Список литературы / References

- Арсланова Ф. Х.** Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. Т. 3. С. 28–92.
- Arslanova F. Kh.** Voinskie zakhoroneniya kimakov v Zevakinskom mogil'nike [Military Burial Places of the Kimak People in Zevakino Burial Ground]. In: Arslanova F. Kh. Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii Kazakhstana [Sketches of the medieval archaeology of drainage basin of the Irtysh River. Materials and research on the archaeology of Kazakhstan]. Astana, Branch of A. Kh. Margulan Institute of Archaeology Publ., 2013, vol. 3, p. 28–92. (in Russ.)
- Бернштам А. Н.** Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.
- Bernshtam A. N.** Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan-Shanya i Pamiro-Alaya [Historical and archaeological sketches of Central Tian Shan and Pamir-Alay]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, no. 26, 346 p. (in Russ.)
- Бичурин Н. Я.** [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: ТОО «Жалын баспасы», 1998. Ч. 1. 390 с.
- Bichurin N. Ya.** [Iakin]. Sbranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of Data on the People living in Central Asia in Ancient Times]. Almaty, Zalyn baspasy Publ., 1998, part 1, 390 p. (in Russ.)
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Bobrov V. V., Vasiutin A. S., Vasiutin S. A.** Vostochnyi Altai v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka) [Eastern Altai during in the Great Migration (3rd–7th centuries)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)
- Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Очерки истории.** М.: Вост. лит., 1988. 449 с.
- Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e: Ocherki istorii** [Eastern Turkestan in Ancient and Early Middle Ages: History Essays]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1988, 449 p. (in Russ.)
- Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Хозяйство, материальная культура.** М.: Вост. лит., 1995. 523 с.
- Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem Srednevekov'e: Khozyaistvo, material'naya kul'tura** [Eastern Turkestan in Ancient and Early Middle Ages: Economy, Material Culture]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1988, 449 p. (in Russ.)
- Гаврилова А. А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 128 с.
- Gavrilova A. A.** Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [Burial Ground Kudyrge as a Source on History of the Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 128 p. (in Russ.)
- Горбунов В. В.** Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.
- Gorbunov V. V.** Voennoe delo naseleniya Altaia v III–XIV vv. [Warfare of the Altai Population 3rd–14th centuries]. Barnaul, AltSU Publ., 2006, part 2: Offensive Arms (Weapons), 232 p. (in Russ.)
- Горелик М. В.** Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Gorelik M. V.** Ouzhie drevnego Vostoka (IV tysyacheletie – IV vek do n. e.) [Weapon of the Ancient East (IV millennium – IV century BC)]. Moscow, Nauka, 1993, 349 p. (in Russ.)
- Давыдова А. В.** Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 111 с.
- Davydova A. V.** Ivolginskii kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaikal'e [Ivolginsky Complex (Settlement and Burial Ground) – a site to the Huns in Transbaikalia]. Leningrad, Leningrad State Uni. Publ., 1985, 111 p. (in Russ.)
- Евтюхова Л., Киселев С.** Чаа-тас у села Копены // Тр. Государственного исторического музея. М., 1940. Вып. 11. С. 21–54.

Evtyukhova L., Kiselev S. Chaa-tas u sela Kopeny [Chaa-tas at the Kopeny Village]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo museya* [Transactions of the State Historical Museum]. Moscow, SHM Publ., 1940, iss. 11, p. 21–54. (in Russ.)

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХаКНИИЯЛИ, 1948. 110 с.

Evtyukhova L. A. Arkheologicheskie pamyatniki eniseiskikh kirgizov (khakasov) [Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakas)]. Abakan, KhakNIIYALI Publ., 1948, 110 p. (in Russ.)

История Киргизской ССР. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1968. Т. 1. 708 с.

Istoriya Kirgizskoi SSR [History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1968, vol. 1, 708 p. (in Russ.)

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. № 9. 364 с.

Kiselev S. V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [Ancient history of Southern Siberia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1949, no. 9, 364 p. (in Russ.)

Кляшторный С. Г., Колесников А. А., Басханов М. К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алматы: Гылым, 1991. 184 с.

Klyashtornyi S. G., Kolesnikov A. A., Baskhanov M. K. Vostochnyi Turkestan glazami evropeiskikh puteshestvennikov [East Turkestan through the eyes of European travelers]. Almaty, Gylym Publ., 1991, 184 p. (in Russ.)

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 250 с.

Konovalev P. B. Khunnu v Zabaikal'e (Pogrebal'nye pamyatniki) [The Hunnu in Transbaikalia (Funerary Sites)]. Ulan-Ude, Buriatskoie knizhnoie izdatelstvo Publ., 1976, 250 p. (in Russ.)

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 29–43.

Mogilnikov V. A. Tyurki [The Turkic People]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Arkheologiya SSSR* [Steppes of Eurasia in the Era of the Middle Ages. Archaeology of the USSR]. Moscow, Nauka, 1981, p. 29–43. (in Russ.)

Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. СПб.: Славия, 2008. С. 11–39.

Popova I. F. Rossiyskie ekspeditsii v Tsentral'nuyu Aziyu na rubezhe XIX–XX vekov [Russian expeditions to Central Asia at the turn of the 19th–20th centuries]. *Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'nuyu Aziyu v kontse XIX – nachale XX veka* [Russian expeditions to Central Asia in the late 19th – early 20th century]. St. Petersburg, Slaviya Publ., 2008, p. 11–39. (in Russ.)

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Soloviev A. I. Oruzhie i dospekhi. Sibirskoie vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ya [Armor and Weapon. Siberian Armaments from the Stone Age till the Middle Ages]. Novosibirsk, INFOLIO-press Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)

Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.

Tabaldiev K. Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tian'-Shanya [Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tian-Shan]. Bishkek, Aibek Publ., 1996, 256 p. (in Russ.)

Табалдиев К. Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек: V.R.S. Company, 2011. 300 с.

Tabaldiev K. Sh. Drevnie pamyatniki Tian'-Shanya [Ancient Sites of the Tian-Shan]. Bishkek, V.R.S. Company Publ., 2011, 320 p. (in Russ.)

Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Teterin Yu. V. Vooruzhenie kochevnikov gornogo Altaya berel'skoi epokhi [The armament of Nomads of the Altai Mountains during of the Berel Time]. *Voenoie delo narodov Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Warfare in the Population of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, NSU Publ., 2004, iss. 1, p. 37–82. (in Russ.)

Худяков Ю. С. Комплекс находок из Вашисы – памятника кыргызской культуры в Восточном Туркестане // Изв. АН Республики Кыргызстан. Общественные науки. 1992. № 1. С. 34–37.

Khudyakov Yu. S. Kompleks nakhodok iz Vashisia – pamyatnika kyrgyzskoi kul'tury v Vostochnom Turkestane [A Complex of Finds from Vashisia – a Cite of the Kyrgyz culture in Eastern Turkestan]. *Izvestiya AN Respubliki Kyrgyzstan. Obshestvennye nauki* [News of the Kyrgyz Academy of Sciences. Social Sciences], 1992, no. 1, p. 34–37. (in Russ.)

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т. Коллекция железных наконечников стрел в собрании древностей музея Башня Бурана в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 5: Археология и этнография. С. 214–220.

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Tabaldiev K. Sh., Akmatov K. T. Kolleksiya zheleznykh nakonechnikov strel v sobranii muzeya Bashniya Burana v Kyrgyzstane [A Collection of Iron Arrowheads in the Collection of the Museum of Antiquities Buran Tower in Kyrgyzstan]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 214–220. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

22.05.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, khudjakov@mail.ru)

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, khudjakov@mail.ru)

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, aborisinko2@mail.ru)

Alisa Yu. Borisenko, PhD in History, Senior Researcher at the Laboratory of Humanities at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, aborisinko2@mail.ru)

УДК 391 + 904

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-107-120

Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья)

Л. В. Татаурова¹, В. Б. Богомолов²

¹ *Лаборатория археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН*

² *Омский областной колледж культуры и искусств
Омск, Россия*

Аннотация

Археологическое изучение русских поселений Нового времени в Омском Прииртышье позволило получить представительную коллекцию кожаной обуви, ее деталей и фрагментов. Разносторонний и комплексный анализ этого собрания дал возможность выделить десять типов обуви, распространенной в обиходе сельского населения XVII–XVIII вв. Одним из основных типов женской кожаной обуви были башмаки. Для их реконструкции на основе археологического материала представлена методика, разработанная и использованная авторами при изучении других типов обуви. Она состоит из семи этапов, последним из которых является воссоздание объемного вида изделий. Описаны их материал, конструкция, технология изготовления. Прослежены особенные и общие черты с другими ранее выделенными типами обуви из коллекций этих памятников и иных собраний археологической кожаной обуви русского населения Западной Сибири. Выполнены натурная и графическая реконструкции формы обуви. Рассмотрены истоки формирования и время бытования, оценено ее место в костюме русского населения Омского Прииртышья XVII–XVIII вв.

Ключевые слова

Омское Прииртышье, XVII–XVIII вв., русское население, кожаная обувь, технология изготовления, реконструкция типов

Для цитирования

Татаурова Л. В., Богомолов В. Б. Женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке (по материалам русских археологических комплексов Омского Прииртышья) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 107–120. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-107-120

Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes (Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region)

L. V. Tataurova¹, V. B. Bogomolov²

¹ *Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS*

² *Omsk Regional College of Culture and Arts
Omsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In the course of archaeological studies of the Russian settlements in the Omsk Irtysh region during New times, we have obtained a representative collection of leather shoes, their parts and fragments. A comprehensive anal-

© Л. В. Татаурова, В. Б. Богомолов, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

ysis of this collection made it possible to identify ten types of shoes, which were common in everyday life of the rural population in the 17th–18th centuries. One of the main types of women's leather shoes were brogues. In order to reconstruct their shape, we developed a special technique which can help archaeologists in the study of different types of shoes. The technique includes identification of diagnostic features for each type of shoes, systematization of the entire collection, study of structural details in terms of materials and design, identification of assembly technologies, shape reconstruction, creation of a graphic model and full-scale layout, which demonstrates the standard for the type of shoes under analysis, and description of the standard and the entire collection of its type. Finally, we analyzed the use of shoes worn. The technology is useful for reconstructing such an important part of outfit as footwear. We analyzed the material, design, and manufacturing technology of brogues from our collection, in particular, women's leather brogues. We compared the items from the collection with other previously identified types of footwear from similar sites and other collections of archaeological leather shoes of Western Siberia and traced common and special features. A full-scale and graphic reconstruction of the shape of the footwear was carried out. We described the origin of this type of formation, the time of its existence, and the place of brogues in the costume complex of Russian population in the area studied.

Results. The brogues studied had low or medium heels. Our analysis of the archaeological material revealed eight stages in the process of making them. Our observations during the reconstruction revealed a high level of standardization and a slight variability of features in manufacturing footwear in general and the specific type we studied in particular. Our technology allows us to conclude that women's brogues from our collection had analogues in the archaeological collections from Tara and Mangazeya sites.

Conclusion. The brogues from our collection can be considered festive, worn during the summer-autumn season. According to its origin, this type of footwear is associated with the Turkic-Persian world, which was influenced by European traditions of shoemaking. In European Russia, brogues with low or medium heels were popular in the 14th–16th centuries. In Siberia, judging by the collections of Tara and Mangazeya, they were used during the 17th century. Archaeological materials allow us to conclude that this type of footwear was popular in the 17th century.

Keywords

Omsk Irtysh region, 17th–18th centuries, Russian population, leather footwear, manufacturing technology, reconstruction

For citation

Tataurova L. V., Bogomolov V. B. Low and Medium Heeled Women's Leather Shoes (Based on Materials from Russian Archaeological Complexes of Omsk Irtysh Region) *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 107–120. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-107-120

Собрание археологических находок русской кожаной обуви из поселений Омского Прииртышья (Тарский, Муромцевский, Большереченский районы Омской области; памятники Ананьино I – 282 экз., Бергамак I – 113 экз., Изюк I – 565 экз.)¹ наряду с коллекциями из Мангазеи в Ямало-Немецком автономном округе и Тары в Омской области является наиболее представительным в Западной Сибири. Уступая последним количественно и качественно, оно единственное, полно отражающее эту часть костюма сельского населения региона в XVII–XVIII вв.

Характеристика всей кожаной обуви из раскопок этих памятников дана в предыдущей публикации, где кратко описаны 10 ее типов [Татаурова, Богомолов, 2016. С. 110–112]. Часть из них реконструирована и опубликована: туфли мягкой формы без каблука – коты (тип 1) [Богомолов, Татаурова, 2017] и чирки (тип 2) [Богомолов, Татаурова, 2014]; женские туфли на высоком каблуке – тип 10 [Татаурова, Богомолов, 2016. С. 112–116]. Обувь первого и второго из перечисленных типов составляет 60 % всей коллекции.

Остались не представленными семь типов: женские башмаки на низком или среднем каблуке (тип 3); мужские башмаки на среднем или высоком каблуке (тип 4); мужские сапоги (тип 5); мужские туфли со средним каблуком (тип 6); женские туфли «бабуши» (тип 7); женские «мули» без каблука (тип 8) и с деревянным каблуком (тип 9).

Четыре из них являются аналогами западноевропейской обуви конца XVII – первой половины XVIII в., а три имеют русское происхождение. В коллекции материалы по ним немногочисленны. Исключение составляет третий тип, который, как мы считаем, представляет женские туфли на низком и среднем каблуке. Анализ характеризующих его находок составляет предмет настоящего исследования.

¹ Археологическая коллекция кожаной обуви хранится в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Цель исследования – реконструкция на основе археологического материала технологии изготовления и внешнего вида туфель, установление истоков формирования их форм у русского населения данного региона в XVII–XVIII вв.

В изучении археологического материала есть определенные трудности. Во-первых, мало полных форм. Во-вторых, преобладают части верха, подошвы немногочисленны. В-третьих, отмечается плохая сохранность деталей. В-четвертых, большая часть обуви подверглась вторичному использованию и представлена обрезками.

Эти трудности удалось преодолеть с помощью разработанной нами методики. Методы изучения русской обуви имеют давние традиции. С 1950-х гг. они нацелены на освоение достижений материаловедения, конструирования и технологии кожевенного производства, и поэтому стали надежными инструментами научных изысканий, о чем свидетельствуют работы, изданные в XXI в. (см. [Осипов, Лихтер, 2004; Осипов, 2006; 2014; Визгалов и др., 2011] и др.). Необходимость создания специальной методики обусловлена тем, что имеющиеся реконструкции объемных форм обуви на основе археологических находок схематично воспроизводят их внешний вид и не учитывают принципы дизайна этой части костюма. Именно основополагающие требования дизайна акцентируют внимание на форму и процессы формообразования. На основе требований к конструированию и дизайну нами разработана методика воссоздания формы с помощью деревянных колодок и лепки из пластилина, которая представлена ниже.

Исследователи русского сапожного ремесла XVII–XVIII вв. отмечают высокую степень стандартизации обуви. Е. О. Оятева считает, что единообразие в приемах кроя и пошива является первым признаком массового производства изделий на продажу [1965. С. 57]. Каждый тип обуви – это устойчивая система, в которую входят виды использованных материалов, раскрой деталей, их форма, конструкция, технология изготовления, декор, назначение и т. п. Понимание такой системности русским населением закрепилось в терминологии. Поэтому, при наличии археологически полных форм изделий, можно выявить их название, хотя это сопряжено с определенными трудностями (см., например, [Фурсова, 2017]).

Состояние коллекции предопределило сложность ее атрибуции и типологии находок. В ситуации, когда обувь сохранилась фрагментарно, главным является вид шва, соединяющего низ и верх изделия. Остальные признаки (форма деталей, особенности конструкции, другие виды швов, технология изготовления) могут использоваться как дополнительные.

Кроме деталей обуви, исследование коллекций с памятников Ананьино I, Бергамак I и Изюк I сопровождалось анализом инструментов и приспособлений для ее изготовления. К ним относятся шилья с прямым и изогнутым остриями, швейные иглы, сапожные ножи, ножницы. Имеется 10 фрагментов шаблонов-лекал из листов обработанной бересты с тиснением в косую сетку. Эти находки доказывают наличие сапожного ремесла в русских поселениях Омского Прииртышья XVII–XVIII вв.

Первым этапом работы с коллекцией было исключение находок, не имеющих диагностирующих признаков. Из 960 единиц к разным типам отнесено 610. На обувь с каблуком (3–10 типы) приходится 40 % из них.

Второй этап – систематизация материала по типам. Главным диагностирующим признаком выделения типа 3 является соединение верха и низа потайным швом от носка до перемы и далее сквозным швом, включая пятку. Похожий способ шитья встречается в типе 10, но там присутствует иная форма крепления концов крыльев головки и задника. Дополнительный признак – тачной шов с подгибом по верхнему краю головки, также имеющийся в 10-м типе обуви, но с другими характеристиками. Наличие этого шва доказывает, что изделие относится к классу туфель. От других типов отличается конструкцией и формой задника, каблука, подковок.

К третьему типу причислено 105 предметов, что составляет 16,6 % от атрибутированной части коллекции. Это пять полных форм плохой сохранности без подковок, двое крыльев головок с задниками, четверо крыльев головок с каблуком, 24 фрагмента головок, две голов-

ки с подрядом, три задника с каблуком, четыре полных задника, 12 берестяных прокладок, семь полных каблуков, 11 отдельных фликов от каблуков, два каблука с подковками, 29 подковок. Анализ материала показывает, что почти все изношенные туфли вторично использовались. Для этого головку отпарывали по швам, подошву отрезали у каблука. Не случайно у нас нет ни одного носка подошвы. Подковки также снимали.

Следующий этап – исследование конструктивных деталей по направлениям: материаловедение, конструирование, технология швов, сборка, реконструкция формы. Выяснилось, что в любой группе деталей наряду с фрагментами и образцами плохой сохранности имеются хорошо сохранившиеся экземпляры. Это позволило выявить стандарт характеристик, проследить вариативность мелких элементов и их статистические параметры. Так как обувь предназначалась для взрослых женщин, многие детали схожи по форме и размерам.

Четвертый этап – создание графической реконструкции и натурального (из пластилина) макета-эталона третьего типа обуви на основе археологически полного изделия. Макет и рисунок, дополняя друг друга, позволяют оценить соразмерность элементов, закономерности конструкции, технологии и формы.

Для выполнения графической реконструкции сделан чертеж кроя туфель. Отсутствие некоторых элементов, например носка, при наличии задней половины подошвы и полной головки восполнялось путем макетирования. Подгонка деталей велась с помощью нескольких вариантов подошв из картона и головки из толстой плотной ткани. В итоге определилась форма носка в виде полукруга с небольшим заострением. Далее на раскройках были обозначены все следы от проколов кожи, что облегчило восстановление швов. К сожалению, большинство исследователей в своих графических реконструкциях на этом и останавливаются. Нам представляется, что заключительным этапом графической реконструкции должно быть изображение формы обуви в пяти ракурсах (рис. 1). Отрисовать первоначальный вид изделия на основе даже прекрасно сохранившейся обуви, но дошедшей до нас в спрессованном виде, невозможно. В нашем случае из-за плохой сохранности материала вариант посадки имеющегося экземпляра на деревянную колодку отпал. Поэтому натуральный макет изготовлен из скульптурного пластилина. Методика лепки, учитывающая основные положения антропометрии, конструирования и дизайна (см. [Кочеткова, Ключникова, 1991; Швецова, 1983; Лиокумович, 1986] и др.), нами уже применялась. Подошва выкраивалась из толстого картона. Пластилин раскатывали до толщины, равной коже, из него по шаблонам вырезали детали, затем их собирали на подошве (рис. 1, 1). При наличии натурального макета, графических зарисовок кроя, швов, разрезов составление характеристики туфель облегчается.

Пятый и шестой этапы включают описание эталона и всей коллекции находок, относимых к третьему типу обуви.

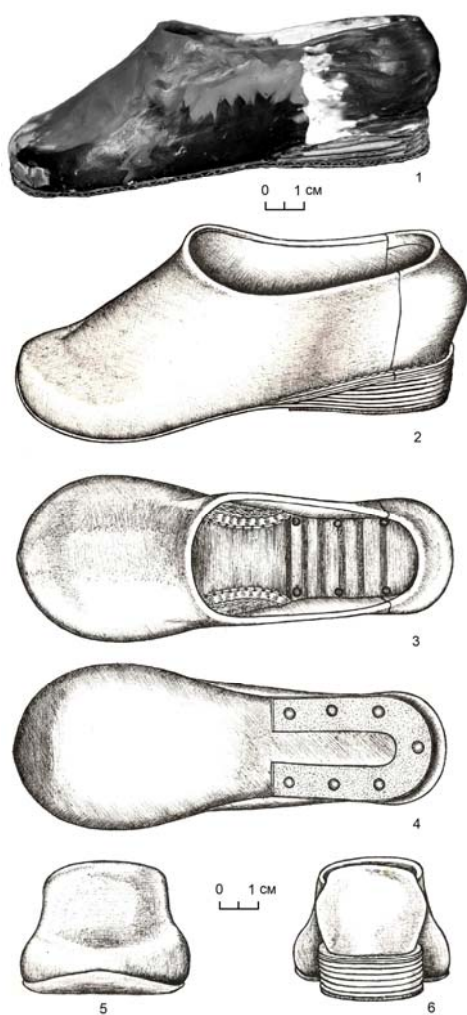

Рис. 1. Натурная и графическая реконструкции женских туфель на низком и среднем каблуке: 1, 2 – вид сбоку; 3 – вид сверху; 4 – вид со стороны подошвы; 5 – вид спереди; 6 – вид сзади

Fig. 1. Full-scale and graphic reconstruction of women's shoes for low and medium heels: 1, 2 – side view; 3 – top view; 4 – view from the sole; 5 – a front view; 6 – rear view

Завершающий этап – интерпретация использования и выявление истоков формирования этого типа обуви у русского населения XVII–XVIII вв.

Изучаемые туфли являются детальнокроеной обувью жестких форм (жесткой конструкции). Авторы монографии по кожаным изделиям Мангазеи к такой обуви относят модели с поднарядом, задником, каблуком и усиленными прокладками [Визгалов и др., 2011. С. 41]. Эти признаки присутствуют в обуви третьего типа. Только по поводу каблука мнения авторов работы по Мангазее разделились: А. В. Курбатов называет этот элемент подпяточными накладками, С. Г. Пархимович – каблуком [Там же. С. 46]. Представляется, что более правильно вслед за Д. О. Осиповым называть эту деталь внутренним каблуком [Осипов, 2014. С. 49]. Высота большинства каблуков в нашей коллекции не превышает 29 мм. По общепринятой классификации они считаются низкими [Лиокумович, 1986. С. 52, 53]. Отдельные экземпляры можно отнести к средним каблукам высотой 30–35 мм.

Туфли, выбранные в качестве археологического эталона третьего типа, имеют низкий, 25-миллиметровый, каблук. Изделие было симметричной формы, по следам износа видно, что его носили на правой ноге.

Обувь третьего типа состоит из низа – однослойной подошвы, внутреннего каблука из 6 фликов, железной подковки, возможно, усиленной накладкой-подметкой на носок, войлочной стельки, верха – головки и ее двухчастного поднаряда, двухслойного задника с карманом, включающим пакет из 8 берестяных прокладок. К основным деталям относятся подошва, каблук, головка. В эталонном образце отсутствуют дратва, стелька и подковка. Но проколы от швов характеризуют сшивной материал, а в отверстиях сохранились его остатки. В коллекции имеется большое количество войлочных стелек. Часть из них подходит к этому типу обуви. Форма подковки восстанавливается по ее оттиску на подошве и отверстиям в каблуке. Усиленная прокладка – подметка на носок весьма вероятна, поскольку при эксплуатации туфель износ однослойной подошвы концентрируется в области плюснефалангового сочленения. Подобные прокладки встречаются в коллекции, но при отсутствии носков подошв однозначно утверждать ее наличие нельзя.

Детали обуви аккуратно и точно выкроены по деревянным или берестяным шаблонам-лекалам. Бытует мнение, что средневековые мастера прекрасно ориентировались в особенностях антропометрии стопы человека и придерживались главных правил пропорциональности раскроя, не пользуясь лекалами, а руководствуясь только опытом и постоянной практикой [Курбатов, 2003. С. 171]. Анализ нашего материала показал, что в раскрое основных деталей соблюдается симметрия вплоть до 1 мм, а в дополнительных, которые делали явно на глазок, имеются погрешности. В связи с этим выразим свое мнение относительно «берестяных шаблонов». Исследователи мангазейской кожи считают, что это «гидроизолирующие и уплотняющие вставки», потому они немногочисленны, но далее относят их к «пособиям» для учеников сапожников [Там же. С. 69]. Такие детали имеются и у нас в коллекции. Небольшое количество (10 фрагментов) не указывает на утилитарное использование. На них нет следов износа и деформации, неизбежной при эксплуатации, как нет и отпечатков резки по краю или даже очерчивания, что приводит в одном случае к порезу краев, а в другом к их уплотнению. Объяснить это можно тем, что берестяные шаблоны были эталонами кроя конкретного типа обуви. Они задавали параметры соотношения головки и подошвы, как и мы, например, при реконструкции использовали серию вариантов подошв из картона. Не исключено, что резка проводилась по прямым и криволинейным линейкам.

Материалом для изготовления обуви третьего типа служила дубленая кожа крупного рогатого скота различного возраста: опоек, выросток, полукожник хорошей выделки, толщиной от 1,5 до 3 мм. Преобладают участки чепрака. Большинство изделий выполнено из красной дубленой кожи. Топография, гистология, систематизация видов и параметров шкур, методика их распознавания разработаны в современном материаловедении кожаных изделий [Демина, 2000; Белякова и др., 1984; Краснов, 1995]. Эти знания о свойствах кожи были и у средневековых мастеров. В письменных источниках перечисленные виды сырья называются «кожи телятинные» [Вилков, 1967. С. 102].

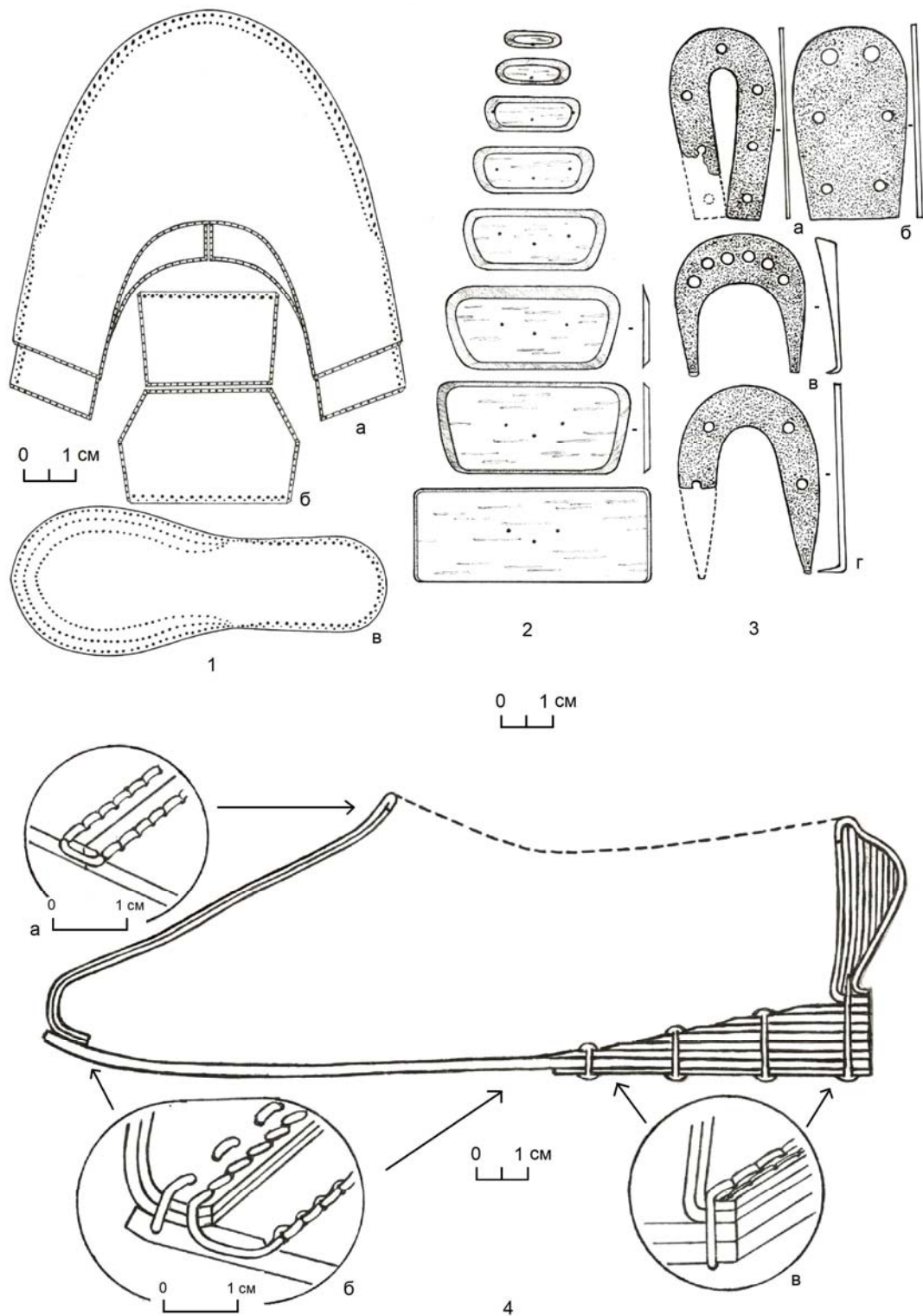

Рис. 2. Конструкторско-технологическая реконструкция женских туфель на низком и среднем каблуке: 1 – схема раскроя (а – головки и поднаряда, б – задника, в – подошвы); 2 – берестяные прокладки задника; 3 – подковки; 4 – продольный разрез туфель (а – точной шов, б – двойной потайной шов, в – двойной сквозной шов)

Fig. 2. Design and technological reconstruction of women's shoes at low and medium heels: 1 – cutting scheme (a – heads and sub-orders, b – backdrop, c – soles); 2 – birch bark heel; 3 – horseshoes; 4 – a longitudinal section of shoes (a – a tavern seam, b – a double secret seam, c – a double through seam)

Верхняя часть обуви (головка и поднаряд) выполнены из кожи опоека толщиной 1,5 мм. Головка одночастная, а поднаряд состоял из двух одинаковых деталей, соединенных по центру (рис. 2, 1а). Размеры и форма головки и поднаряда одинаковые за исключением верхнего края. Здесь поднаряд на 7 мм меньше, так как соединяются эти детали подгибом внутрь. Головка имеет округлый носок без заострения и вогнутый обрез верха в виде полукруга. Носок длиной 12,5 см, шириной 20 см. Крылья длиной 8,5 см, кососрезанные на концах, располагаются под углом 30° относительно друг друга, шириной 5,5 см (поднаряд 4,8 см). В целом, головка имеет длину 22 см, ширину 23 см. К сожалению, исследователи не замеряют этот важный показатель, хотя он характеризует взем и плотность охвата стопы и отличается у каждого типа обуви.

Задник выкроен из того же материала, что и головка (рис. 2, 1б). Он состоит из двух кожных деталей и 8 берестяных прокладок. Внутренняя деталь имеет трапециевидную форму. Ее ширина 7–8 см, высота 5,5 см (1 см высоты уходит в нижний подгиб). Наружная деталь задника – горизонтально вытянутый шестигранник шириной 7, 10, 9 см и высотой 6,5 см (1,5 см уходит в верхний и нижний подгибы). Для максимального облегания кожей берестяных прокладок и создания выпуклого задника первоначальная форма деталей подгонялась – их смачивали и натягивали на деревянную колодку. Затем сшивали, получая при этом карман, куда вкладывался пакет берестяных прокладок (рис. 2, 2). Первые три прокладки шире задника и входят в крылья головки. Толщина берестяных листов 2 мм, а всего пакета 1,6 мм. Береста предварительно очищалась и обрезалась сначала по вертикали, а затем косо для создания округлой выпуклости. Каждая прокладка имела свою форму и размеры. Первая из них прямоугольной формы, шириной 11,5 см, высотой 4,8 см. Со второй по шестую – трапециевидной формы, а последние две эллипсовидные. Размеры их уменьшались – восьмая прокладка шириной 2,8 см, высотой 8 мм. Прокладки наложены друг на друга, изогнуты по форме подошвы и скреплены – пробиты тремя деревянными шпильками. Задник благодаря прокладкам приобретал жесткость.

Подошва однослойная, вырезана из полукожника толщиной 3 мм. Имеется ее фрагмент длиной 10 см. После макетирования выяснилось, что подошва имела длину 22 см (рис. 2, 1в). Пятка полукруглая, задняя часть подошвы шириной 5,6 см. В переходе (в области свода стопы) она заужена до 5,3 см. Геленочная часть выражена слабо. В области плюснефалангового сочленения ширина 8,8 см. Форма носка полукруглая, с небольшим заострением.

В продольном профильном разрезе (рис. 2, 4) подошва в переходе не вогнута из-за устройства каблука и длинной подковки. Носок поднят на 5 мм благодаря двойному потайному шву и вытяжке на колодке (рис. 1, 2, 4; 2, 4). Носок подошвы и накладка-подметка на него отсутствуют, хотя конструктивно она необходима, и в коллекции такие подметки имеются.

Каблук, крепившийся к подошве изнутри, относится к клиновидному типу [Лиокумович, 1986. С. 52, 53], имеет в сечении подтреугольную форму. Он наборный, состоит из шести фликов, выкроенных из полукожника толщиной 3 мм, боковые поверхности совпадают с формой задней части подошвы (рис. 1; 2, 4). Для выполнения каблука пачка фликов подрезалась под острым углом к горизонтальной плоскости. Самый короткий флик находится вверху, а длинный – внизу.

Железная подковка, необходимая для защиты сквозного шва, соединяющего головку, задник с каблуком и подошвой, в наборе отсутствует. По ее отпечатку на подошве и отверстиям крепления видно, что она принадлежит к одному из 4 подтипов, характерных только для третьего типа обуви (рис. 2, 3а). Ее длина 8,4 см, ширина 5,3–5,6 см. По способу крепления она относится к группе набивных.

Обязательной в этом типе обуви была войлочная стелька. Без нее носить такую обувь не комфортно. В коллекции есть 24 фрагмента войлочных стелек из овечьей шерсти плотного валяния, толщиной 3–7 мм. Их могли использовать для этого и других типов обуви.

При сборке сапожники соблюдали определенную последовательность операций, применяли специальный набор инструментов и характерные для этого типа швы с ровными строч-

ками и одинаковыми расстояниями между отверстиями. Все это свидетельствует о высоком профессиональном уровне мастеров.

При изготовлении обуви использовали шилья с прямыми и изогнутыми остриями, молоток, прямые и изогнутые иглы, наперстки, сапожные ножи, шпандырь, деревянные колодки. Для сшивания деталей применялась сапожная дратва. В изучаемом образце дратва в виде прочной нити из растительных волокон S-образной скрутки была трех видов: толщиной 0,5, 0,8 и 1,2 мм.

В процессе сборки туфель основным методом соединения деталей являлось сшивание разными швами – тачным, потайным и сквозным. Первоначально соединяли верх обуви. На первом этапе сшивали детали двухчастного поднаряда тачным швом. Он выполнялся дратвой 0,8 мм в две нитки с отступом от края в 1,5 мм (рис. 2, 1а). Готовый поднаряд соединяли с головкой по верхнему краю тачным швом. Затем край головки подгибали на 5 мм, проколачивали место сгиба молотком. Следующей операцией было нанесение шилом отверстий для потайного шва по низу головки с поднарядом. Формы проколов на подошве и верхе разные: у носка они круглые, ближе к крыльям – эллипсовидные (последние сделаны ромбовидным острием шила). Для увеличения прочности шва их делали под углом друг к другу (рис. 2, 4а).

Второй этап – соединение деталей задника тачным швом, после чего его подгибали на 1 см; место подгиба проколачивалось. Операция завершалась сшиванием головки с поднарядом и задником тачным швом.

Третий этап сборки начинался с подготовки низа для соединения с верхом. На внутренней стороне подошвы (бахтарма) от носка до переймы производилась предварительная разметка линий потайного шва, и сапожным ножом делали небольшие надрезы, обозначающие внешнюю и внутреннюю границы стежков. Стопка фликов каблука накладывалась на ту же сторону подошвы и прокалывалась вместе с ней круглым острием шила. Делали два ряда отверстий с отступом от края в 3 и 1 мм. Возможно, для удобства работы подошву и флики намечивали временным швом.

Четвертый этап – соединение низа и верха туфель потайным швом до переймы. Для этого верх выворачивали наизнанку и прикладывали его край на бахтарму подошвы. Такой шов не был сквозным и проходил в толще кожи, не достигая плантарной поверхности, соприкасающейся с почвой. Ширина подгиба головки для шва составляла, в основном, 1 см. Но ближе к перейме подгиб на участке длиной 3,5 см резко сужался и сходил на нет (рис 2, 1в). Потайной шов в две нитки толщиной 1,2 мм имеет продольный стежок длиной 3 мм, а поперечный 9 мм. От шва на поверхности подошвы остался выпуклый след. Ширина шва к перейме сильно заужена и подходила к краю подошвы. Для усиления прочности соединения низа и верха, а также лучшей гидроизоляции обуви в 2 мм от края подошвы сделан одинарный (в 1 нитку) потайной строчечный шов дратвой толщиной 1,2 мм. Проколы диаметром 2 мм в коже сделаны острием изогнутого шила. Этот шов не был сквозным, имел длину стежка 3 мм с интервалом 4 мм (рис 2, 4б).

Пятый этап сборки – соединение низа и верха от переймы до пятки. Для этого собранную часть изделия выворачивали на лицевую сторону. Участки в 6 см по краям концов крыльев головки, а также вся длина задника соединены с низом сандальным способом [Швецова, 1983. С. 247, 248]. Для этого сначала нижние края верха вытягивали наружу. Особенно сильно тянули в месте завершения потайных швов, где край верха переходил с внутренней стороны обуви наружу. При этом образовывался сгиб с отступом 4 мм от края. Затем между лицевым и внутренним слоем задника вставляли берестяные прокладки. На подгибе сделаны два сквозных вертикальных шва, которые проходят сразу сквозь большое количество слоев кожи (на пятке их 9). Сначала с отступом от края в 1 мм выполнен сквозной шов стежком 4 мм в две нитки дратвой толщиной 0,5 мм, затем с отступом в 3 мм такой же шов с дратвой толщиной 1,2 мм. Первый шов не позволял краям задника загибаться вверх. Вторым, основным, швом туго стягивал кожу на выпуклом заднике (рис. 2, 4в).

Финальный этап сборки туфель – крепление подковки. Ее функция – закрывать сквозной шов, недостаток которого состоит в том, что при разрыве одного стежка он весь легко распускался [Швецова, 1983. С. 253]. Подковка должна точно совпадать с формой и размерами подошвы от пятки до переймы. Имеющаяся у нас подковка крепилась пятью сапожными гвоздями, концы которых заклепаны (рис. 2, 4).

Готовое изделие осаживали на симметричную колодку с сильным натяжением кожи для придачки формы носку, взъему и расширению верхнего края головки.

Заключительным этапом реконструкции женских кожаных туфель на низком и среднем каблуке являлось воссоздание их объемной формы в графическом виде в пяти ракурсах, что позволяет наглядно представить предмет (см. рис. 1).

Наблюдения, сделанные в ходе реконструкции туфель третьего типа, позволили получить сведения о технологических характеристиках всей коллекции. Высокий уровень стандартизации в изготовлении обуви вообще и конкретного типа в частности, принадлежность туфель к одной группе населения по полу и возрасту дают незначительную вариативность признаков.

Все детали имеющейся в коллекции обуви 3 типа выкроены из кожи высокого качества, относимой к категории телячьих. Ее натирали дегтем или вымачивали в настое железного лома, что придавало ей черный цвет [Визгалов и др., 2011. С. 34]. Возможно, часть кож была цветной. При сопоставлении сортности кожи всех выделенных типов обуви видно, что такая использовалась для изготовления обуви с каблуком. Более дорогая кожа применялась для дорогих видов обуви. Не случайно в письменных источниках XVII в. вместе названием обуви обязательно указывается сорт кожи, из которой она изготовлена, например, коты красной юфти, коты конинные, коты телятненные [Этнография..., 1981. С. 230]. Не исключено, что таким образом уточнялись особенности обуви. Используемый материал влиял на качество изделия и его стоимость.

О подошве в коллекции можно судить по 21 каблуку разной степени комплектности и сохранности (половина их имеет фрагмент подошвы), 31 подковке и форме носка головок. Однослойная подошва выкраивалась из жесткой кожи полукожника толщиной 2,5–3 мм. Основные характеристики совпадают с эталоном. Судя по подковкам (рис. 2, 3), четверть подошв имела сильное сужение в перейме. Третья часть носков, исходя из формы головок, была округлой. Но есть один экземпляр головки с вогнутым, сходящимся, симметричным носком. Треугольная выемка в нем свидетельствует об остром загнутом вверх носке подошвы. Такие особенности подошв давали варианты формы обуви. Длина подошвы колебалась от 19,5 до 24 см.

Внутренние каблуки различаются по толщине фликов и устройству. Преобладают каблуки с толстыми фликами в 2–3 мм. В зависимости от высоты каблука их количество может составлять от 5 до 10 единиц. Они располагались в пачке с убыванием длины – внизу самые длинные. Второй вид внутреннего каблука выполнялся из тонкой кожи 1–1,5 мм, они состояли из пакета числом до 20 без определенной системы, вперемешку короткие и длинные, но подтреугольная форма каблука в разрезе соблюдалась. Нередко на изготовление каблука шла кожа вторичного использования. Форма каблука повторяла боковые линии подошвы. Каблук преимущественно низкий – от 20 до 29 мм, но встречаются экземпляры со средним каблуком высотой от 30 до 35 мм. Длина каблука варьировала от 6,5 до 8,5 см, ширина – от 4,5 до 6 см. Преобладают каблуки длиной 8 см, шириной 5 см.

Железные подковки туфель этого типа легко выделяются в коллекции. По способу крепления они разделяются на два варианта: набивные и комбинированные [Векслер и др., 1997]. По форме и конструкции можно выделить 4 подтипа. К первому относятся набивные подковки в виде полосы, изогнутой дугой, имевшие длинные концы с прямоугольными торцами (рис. 2, 3а); длина 8 см, ширина 4,3 см, толщина 1–2 мм. Всего их найдено 9 штук. Второй подтип включает комбинированные изделия с такими же характеристиками, длиной 8 см, шириной 5,6 см. В отличие от первого подтипа, концы пластин заужены и отогнуты; с внутренней стороны имелись шипы длиной 6 мм (рис. 2, 3б). В коллекции 6 целых предметов,

кроме того, найдено 7 подковок с обломанными концами, которые могут относиться как к одному, так и к другому подтипу. Третий подтип представлен комбинированными короткими подковками (рис. 2, 3в) длиной 5,8 см, шириной 5,3 см, с шипами длиной 5 мм на концах. В коллекции 4 штуки. Четвертый подтип – цельная пластина, один край которой полукруглый, а другой прямой (рис. 2, 3б); длина 8 см, ширина 4,6 см, толщина 1,5–2 мм. Микроструктурный анализ, сделанный Н. М. Зиняковым, показал, что они откованы из обычного кричного железа (например, рис. 2, 3а, г) и неравномерно науглероженной стали [Зиняков, 2017. С. 433, 434. Рис. 4].

Подковки крепились к обуви сапожными четырехгранными гвоздями с большими шляпками, которыми пробивали подошву и каблук (рис. 2, 4). Таких гвоздей на памятниках много. Концы толстых гвоздей заклепывали или загибали.

Конструкция верха обуви еще более стандартизирована. Лишь две головки с поднарядом сохранились полностью, еще 5 частично и 27 фрагментарно. Головки и поднаряд выкраивались из кожи опоека толщиной 1–2 мм и выростка толщиной 1,3–2,5 мм. Почти все головки одночастные, только один экземпляр имел подкройное крыло. Поднаряд встречался как одночастный, так и двухчастный. По верхнему краю поднаряд меньше головки на 5–8 мм. Форма и пропорции головок отличались лишь размерами. У них большой полукруглый носок и короткие кососрезанные крылья. Угол противостояния крыльев составляет 30–40°. Лишь одна головка имеет на носке треугольный вырез, при сшивании которого носок получался загнутым вверх.

Задники из тех же кож, что и головка, отличаются размерами и количеством берестяных прокладок. В одном случае задник выкроен из полужошника толщиной 3 мм. Высота задника составляла 4–5,5 см, ширина внутреннего сгиба кожаной детали 1 см, лишь два экземпляра имели ширину сгиба 2 см. Берестяные прокладки отличались количеством (от 5 до 8) и толщиной (от 1 до 3 мм) бересты. Толщина пакета прокладок колебалась от 1,2 до 1,8 см. Для соединения прокладок чаще всего использовалось 3 деревянные шпильки, но иногда 4 или 5.

Процесс сборки всех туфель третьего типа стандартизирован. Верх обуви сшивался точным швом дратвой толщиной 0,6–0,8 мм, длина стежка была 2,5–5 мм, отступ от края – 1–1,5 мм. Исключением являются два задника с загибом внутрь на 2 см. В них детали пришиты переметочным швом, который редко используется при изготовлении обуви. Для соединения верха и низа кроме двойного шва применяли и одинарный потайной: предварительно сделанные отверстия совпадали, сначала шли наклонные эллипсовидные проколы, а ближе к носку – круглые. Чем острее носок, тем чаще расположены круглые отверстия. Ширина подгиба головки на бахтарму подошвы составляет 0,8–1,2 см, продольные стежки дратвы толщиной 1,2 мм имели длину 3–5 мм, а поперечные – в зависимости от подгиба. Начиная с центра перехлеста головка отгибалась наружу с отступом от края каблука в 3–5 мм. Сандальное соединение задника, внутреннего каблука и головки скрепляли одинарным или двойным сквозным швом. Дратва для основного шва применялась толщиной 1,2–1,6 мм, для дополнительного – 0,5–0,8 мм, длина стежка отличалась – от 3 мм до 1 см.

Готовые изделия осаживались на очень похожие колодки. Несмотря на схожесть различных образцов в конструкции, технологии и форме, у нас нет ощущения, что эта продукция одного мастера или одной мастерской. Такие туфли изготавливались в течение XVII–XVIII вв. Образцы обуви третьего типа являлись результатом работы многих поколений сельских мастеров и города Тары.

Рассматривая третий тип в рамках всей коллекции обуви из сельских памятников XVII–XVIII вв. Омского Прииртышья, попытаемся выделить присущие им общие черты. Их больше всего при сравнении с русскими типами обуви. Западноевропейская обувь (типы 6–9) изготовлена по иной технологии, но сделана в этом же регионе из местной кожи с большим количеством берестяных прокладок. Больше всего аналогий прослеживается с женскими туфлями на высоком каблуке (тип 10) – в конструкции и форме головки, верхней части задника, способе крепления низа и верха, головки и поднаряда. По использованию потайного

шва третий тип близок к типам 1, 4 и 5. Таким образом, по технологии женские туфли на внутреннем каблуке не выпадают из общей картины сапожного ремесла региона. Вероятно, часть из них купена в Таре.

В литературе туфлями называют обувь с разрезным верхом, закрывающим стопу не выше лодыжки [Осипов, Лихтер, 2004. С. 41]. Доказательством тому, что изученный нами третий тип является именно туфлями, служит точной шов с подгибом по верхнему краю головки и задника. В пользу того, что это женская обувь, свидетельствует ее размер. В коллекции нет целых подошв, но много каблуков и подковок. Удалось высчитать, что они имеют длину, составляющую примерно 40 % от общей длины подошвы. Таким образом, размер этого типа обуви колебался от 18 до 22,5 см.

Реконструкция формы из скульптурного пластилина (см. рис. 1, 1) позволила выяснить размеры готового изделия: длина 23,1 см, высота на уровне переднего края головки 7,6 см, высота задника 5 см, высота каблука 2,5 см, общая высота на пятке 7,5 см, ширина в пучках 8,8 см, ширина в переходе 6,5 см, ширина задника 6 см, толщина задника 1,9 см. Длина стопы владелицы туфли 20,5 см. Обувь имеет высокий подъем, утолщенный широкий, округлый, чуть заостренный, немного приподнятый носок, узкую часть от перехода до пятки, эффектный, выпуклый, красиво изогнутый задник, удобный каблук. Туфли плотно облевали ногу, поэтому их носили с нетолстыми носками или чулками. В обуви прекрасно сочетаются высокая функциональность, удобство и эстетические качества, изящность формы. Это летние и межсезонные туфли.

Исходя из полученной в ходе реконструкции информации важно выяснить роль этого типа женской обуви у населения Омского Прииртышья в XVII–XVIII вв., когда повседневной обувью были мягкие туфли без каблука, «коты» и «чирки» (типы 1, 2).

Женские туфли на низком и среднем каблуке (тип 3) мы считаем основной праздничной обувью, сравнительно дорогой и менее распространенной, чем мягкие туфли. В XVII в., вероятно, очень модными и поэтому редкими были туфли на высоком каблуке (тип 10). В первой половине XVIII в. ассортимент праздничной обуви дополнился западноевропейскими «мулями» (типы 8, 9).

Происхождение туфель третьего типа может проясниться при сравнительном анализе с более ранними и синхронными археологическими материалами. Так, о появлении внутреннего каблука, путях его проникновения в обувь Руси существует много предположений, например, что мода на такой каблук пришла с Востока [Осипов, 2006. С. 55]. Нам также представляется, что западноевропейский источник невозможен, поскольку каблук там появился в самом конце XVI в. или начале XVII в. Западноевропейское воздействие на развитие русской обуви возможно со второй половины XVII в. Генезис обуви третьего типа, на наш взгляд, связан с тюрко-персидским миром. Проводником этой моды была Турция. Нельзя недооценивать и польское влияние, где скрещивались традиции сапожного ремесла Западной Европы и стран Востока. В обуви Московской Руси внутренний каблук появился в середине XIV в. и просуществовал до конца XVI в. В Сибири такая обувь продолжала бытовать в XVII в. В сельских поселениях Омского Прииртышья она была востребована и в XVIII в. В Мангазее среди находок преобладают сапоги с внутренним каблуком, из 31 полной формы только 4 были туфлями. По конструкции, форме и особенно технологии изготовления эта обувь [Визгалов и др., 2011. С. 46, 47, 137–140] очень близка к туфлям третьего типа. Небольшие различия есть в форме подошвы и головке, в менее выпуклом заднике, иначе набранном внутреннем каблуке. Из 4 выделенных нами подтипов обувных подковок от туфель третьего типа в Европейской России и Мангазее встречался лишь 3 подтип – высокие комбинированные подковки, но с более короткими концами [Векслер и др., 1997. С. 116; Осипов, 2006. С. 196. Рис. 306; Визгалов и др., 2011. С. 171. Рис. 64, 19].

Кожаная обувь является массовой находкой в культурных слоях г. Тары. В обработанной и опубликованной части тарской коллекции обувь с внутренним каблуком занимает видное место. По многим параметрам она совпадает с мангазейскими находками, и здесь также пре-

обладают сапоги. Туфли, аналогичные третьему типу, в Таре тоже встречаются [Осипов и др., 2017. С. 215].

В целом, можно сделать вывод, что женские кожаные туфли на низком и среднем каблуке были, с одной стороны, не общедоступной частью костюма, а с другой – широко распространенной в Сибири в XVII в. и менее востребованной в XVIII в.

Что касается названия этих туфель, то методом исключения, выделяя только короткую обувь и отделяя уже привязанные к конкретным археологическим типам названия, данные туфли нами определены как башмаки [Этнография..., 1981. С. 229]. Башмаками этот тип обуви из Мангазеи называет С. Г. Пархимович, приводя архивные сведения XVII в. [Визгалов и др., 2011. С. 50]. Д. О. Осипов отметил, что обувь, именуемая башмаками в литературе по русской археологии, не соответствует общепринятому в конструировании определению; неизвестно, что подразумевалось под этим термином в XV–XVII вв., хотя в письменных источниках слово «башмак» впервые встречается в конце XV в. и, по мнению филологов, заимствовано из тюркских языков [Осипов, 2006. С. 44]. Прослеживая, в каком контексте упоминаются в письменных источниках башмаки, можно предположить, что имеются в виду туфли жесткой конструкции на каблуке [Даль, 1998. С. 142]. Не случайно в XVIII в. ряд типов заимствованной западноевропейской обуви на каблуке называли башмаками. В дальнейшем история башмаков у русского населения Омского Прииртышья не имела продолжения. Инокультурные влияния и мода привели к отказу от внутреннего и переходу к наружному наборному каблуку. Кроме того, появились новые материалы для изготовления обуви [Баранов, Осипов, 2017. С. 514], а с развитием фабричного производства усложнились технологии. Все это было связано с новыми тенденциями в развитии сапожного производства в России.

Список литературы / References

- Баранов М. Ю., Осипов Д. О.** Коллекция кожаной обуви из раскопок поселения «Урочище Бала 1» (по материалам 2013–2015 годов) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 511–517.
- Baranov M. Yu., Osipov D. O.** Kolleksiya kozhanoi obuvi iz raskopok poseleniya «Urochishche Bala 1» (po materialam 2013–2015 godov) [Collection of Leather Footwear from the Bala 1 Site (based on excavations of 2013–2015)]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk, Nauka Publ., 2017, p. 511–517. (in Russ.)
- Белякова В. И., Зуева В. Г., Курлатова Л. Н.** Технология меха и шубной овчины. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1984. 248 с.
- Belyakova V. I., Zueva V. G., Kurlatova L. N.** Tekhnologiya mekha i shubnoi ovchiny [Technology of Fur and Furcoats]. Moscow, Legkaya i pishchevaya promyshlennost' Publ., 1984, 248 p. (in Russ.)
- Богомолов В. Б., Татаурова Л. В.** Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 2. С. 7–18.
- Bogomolov V. B., Tataurova L. V.** Pogrebal'naya kozhanaya obuv' russkikh Omskogo Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. [Funeral Leathern Footwear of Russians in the Omsk Irtysh Region in the 17th – 18th centuries]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk, Tyumen, Ekaterinburg, Magellan Publ., 2014, vol. 2, p. 7–18. (in Russ.)
- Богомолов В. Б., Татаурова Л. В.** Коты – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // Народный костюм Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 20–22.
- Bogomolov V. B., Tataurova L. V.** Koty – kozhanye tufli bez kabluka (po arkheologicheskim materialam Omskogo Priirtysh'ya) [Koty – Leather Shoes without Heels (according to archaeological materials of the Omsk Irtysh region)]. *Narodnyi kostyum Sibiri* [Folk's Costume of Siberia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2017, p. 20–22. (in Russ.)
- Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О.** Обувные подковки XVI–XVIII вв. // РА. 1997. № 3. С. 114–119.
- Veksler A. G., Likhter Yu. A., Osipov D. O.** Obuvnye podkovki XVI–XVIII vv. [Shoe Calkins in the 16th – 18th centuries]. *Russian Archaeology*, 1997, no. 3, p. 114–119. (in Russ.)

- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В.** Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург: АМБ, 2011. 216 с.
Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G., Kurbatov A. V. Mangazeya: kozhanye izdeliya (materialy 2001–2007 gg.) [Mangazeya Site: Leather Items (research of 2001–2007)]. Nefteyugansk, Ekaterinburg, AMB Publ., 2011, 216 p. (in Russ.)
- Вилков О. Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
Vilkov O. N. Remeslo i trgovlya Zapadnoi Sibiri v XVII v. [Craft and trade in Western Siberia in the 17th century]. Moscow, Nauka, 1967, 324 p. (in Russ.)
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Цитадель, 1998. Т. 1. 1280 с.
Dal V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. Moscow, Tsitadel' Publ., 1998, vol. 1, 1280 p. (in Russ.)
- Демина И. Г.** Кожа и меха в одежде и быту. М.: Миранда, 2000. 496 с.
Demina I. G. Kozha i mekha v odezhde i bytu [Leather and Furs Used in Clothing and Everyday Life]. Moscow, Miranda Publ., 2000, 496 p. (in Russ.)
- Зиняков Н. М.** Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 427–437.
Zinyakov N. M. Chernometallicheskie izdeliya poseleniya Anan'ino v Tarskom Priirtysh'e: tekhnologicheskaya kharakteristika [Black Metal Products from the Ananyino Settlement in the Tarsk Irtysh Region: technological characteristics]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk, Nauka Publ., 2017, p. 427–437. (in Russ.)
- Кочеткова Т. С., Ключникова В. М.** Антропологические и биомеханические основы конструирования изделий из кожи: Учебник для вузов. М.: Легпромбытиздат, 1991. 192 с.
Kochetkova T. S., Klyuchnikova V. M. Antropologicheskie i biomekhanicheskie osnovy konstruirovaniya izdelii iz kozhi [Anthropological and Biomechanical Principles of Designing Leather Goods]. Textbook for Colleges. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1991, 192 p. (in Russ.)
- Краснов Б. Я.** Материалы для изделий из кожи. М.: Легпромбытиздат, 1995. 344 с.
Krasnov B. Ya. Materialy dlya izdelii iz kozhi [Materials for Leather Goods]. Moscow, Legprombytizdat Publ., 1995, 344 p. (in Russ.)
- Курбатов А. В.** «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // Археологические вести. 2003. № 10. С. 169–182.
Kurbatov A. V. «Mery sapozhnye» i problema remeslennogo uchenichestva [«Shoemaking Measures» and Studying Craft]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News], 2003, no. 10, p. 169–182. (in Russ.)
- Лиюкумович В. Х.** Конструирование обуви. М.: Легпромиздат, 1986. 186 с.
Liokumovich V. Kh. Konstruirovaniye obuvi [On Designing Footwear]. Moscow, Legpromizdat Publ., 1986, 186 p. (in Russ.)
- Осипов Д. О.** Обувь московской земли XII–XVIII вв. М.: Изд-во ИА РАН, 2006. 200 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 7)
Osipov D. O. Obuv' moskovskoi zemli XII–XVIII vv. [Footwear of Moscow lands in the 12th – 18th Centuries]. *Materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy*. T. 7 [Materials of Conservative Archaeological Research. Vol. 7]. Moscow, IA RAS Publ., 2006, 200 p. (in Russ.)
- Осипов Д. О.** Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М.: Актеон, 2014. 269 с.
Osipov D. O. Srednevekovaya obuv' i drugie izdeliya iz kozhi (po materialam raskopok v Moskovskom Kremle) [Medieval Footwear and Other Leather Goods (based on excavations in the Moscow Kremlin)]. Moscow, Akteon Publ., 2014, 269 p. (in Russ.)
- Осипов Д. О., Лихтер Ю. А.** Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). М.: Изд-во ИА РАН, 2004. 66 с.
Osipov D. O., Likhter Yu. A. Sistemnoe opisanie i klassifikatsiya kozhanoi obuvi (metodicheskie rekomendatsii) [System Description and Classification of Leather Footwear (guidelines)]. Moscow, IA RAS Publ., 2004, 66 p. (in Russ.)
- Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Чёрная М. П.** Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 годов) // Археология русского города: Материалы научно-практического семинара 2016 г. М.: САБ, 2017. Т. 1. С. 207–230.
Osipov D. O., Tataurov S. F., Tikhonov S. S., Chernaya M. P. Kolleksiya kozhanykh izdelii iz Tary (po materialam raskopok 2012–2014 godov) [Collection of Leather Goods from the Tara Site (based on materials of exca-

vations in 2012–2014)]. *Arkheologiya russkogo goroda* [Archaeology of the Russian City]. Materials of Scientific and Practical Workshop in 2016. Moscow, SAB Publ., 2017, vol. 1, p. 207–230. (in Russ.)

Оятева Е. П. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Сов. художник, 1965. Вып. 7. С. 42–59.

Oyateva E. P. Obuv' i drugie kozhanye izdeliya Zemlyanogo gorodishcha Staroi Ladogi [Footwear and Other Leather Goods of the Zemlyanoe Settlement in Staraya Ladoga]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [The Archaeological Anthology of the State Hermitage Museum]. Leningrad, Sovetskii khudozhnik Publ., 1965, iss. 7, p. 42–59. (in Russ.)

Татаурова Л. В., Богомолов В. Б. Кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (2). С. 109–117.

Tataurova L. V., Bogomolov V. B. Kozhanye tuflī na vysokom kablūke XVII–XVIII vv. (po materialam arkheologicheskikh kompleksov russkikh Omskogo Priirtysh'ya) [Women's High-Heeled Leather Shoes in the 17th – 18th centuries (based on materials from the archaeological sites in the Omsk Irtysh region)]. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2016, no. 44 (2), p. 109–117. (in Russ.)

Фурсова Е. Ф. Соотнесение данных археологии и этнографии при реконструкции обуви русских Сибири: проблемы и возможные пути решения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 494–499.

Fursova E. F. Sootnesenie dannykh arkheologii i etnografii pri rekonstruktsii obuvi russkikh Sibiri: problemy i vozmozhnye puti resheniya [Correlation between Archaeological and Ethnographic Data while Reconstructing Russian Siberian Footwear: Issues and Possible Solutions]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Research]. Omsk, Nauka Publ., 2017, p. 494–499. (in Russ.)

Швецова Т. П. Технология обуви. М.: Легкая и пищевая промышленность, 1983. 296 с.

Shvetsova T. P. Tekhnologiya obuvi [Footwear Technology]. Moscow, Legkaya i pishchevaya promyshlennost' Publ., 1983, 296 p. (in Russ.)

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. М.: Наука, 1981. 270 с.

Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri XVII – seredina XIX vv. [Ethnography of Russian Peasants of Siberia during the 17th – middle 19th centuries]. Moscow, Nauka, 1981, 270 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

16.05.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Татаурова Лариса Вениаминовна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Маркса, 15, Омск, 644077, Россия, li-sa65@mail.ru)

Larisa V. Tataurova, PhD in History, Docent, Senior Researcher at the Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (15 Marx Ave., Omsk, 644077, Russian Federation, li-sa65@mail.ru)

Богомолов Владимир Борисович, преподаватель, профессор Омского областного колледжа культуры и искусств (ул. 30-я Северная, 70, Омск, 644116, Россия, director@ookkii.ru)

Vladimir B. Bogomolov, Professor at Omsk Regional College of Culture and Arts (70 The 30th Severnaya Str., Omsk, 644116, Russian Federation, director@ookkii.ru)

УДК 930 + 314

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-121-134

Динамика численности бурятского населения в районах преимущественного расселения в 1959–2010 годах

О. Б. Дашинамжилов¹, В. В. Лыгденова²

¹ *Институт истории СО РАН*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассматриваются демографические процессы, происходившие у бурят в 1959–2010 гг. в Республике Бурятия, Иркутской области и в Забайкалье. Выявлено, что демографическое развитие этноса в исследуемые пятьдесят лет имело несколько важных отличий, которые были обусловлены особенностями его хозяйственного уклада и социальной структуры. Представлены причины этих изменений. Сделаны выводы о том, что вначале смертность бурятского населения резко снизилась, но рождаемость оставалась на высоком уровне. Это повлекло за собой омоложение возрастного состава и высокий естественный прирост. В дальнейшем, развитие социальной структуры пошло по пути ускоренного повышения доли служащих, увеличились уровень образования и удельный вес городского населения. В совокупности с аграрными реформами это привело к тому, что рождаемость стала быстро сокращаться. В конечном итоге, численное представительство бурятского этноса за 1959–2010 гг. возросло больше, чем в целом по стране.

Ключевые слова

буряты в 1959–2010 гг., этнодемография, динамика численности, рождаемость, смертность, миграции

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00395)

Для цитирования

Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В. Динамика численности бурятского населения в районах преимущественного расселения в 1959–2010 годах // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 121–134. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-121-134

Dynamics of the Buryats Population in the Areas of Major Settlement in 1959–2010

O. B. Dashinamzhilov¹, V. V. Lygdenova²

¹ *Institute of History SB RAS*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In the second half of the 20th century Eastern Siberia witnessed a steady raise of national economy without rapid jumps. Although industry was intensively developing, it did not force any sudden processes as the basis of the industry had already been formed. More attention was paid to social issues, and the urban population increased. Mar-

© О. Б. Дашинамжилов, В. В. Лыгденова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

ket reforms of the 1990s and restructuring of the administrative system caused deep changes in the following market processes. The background processes of these changes can reveal some peculiarities and qualitative differences of demographic development among particular nationalities in the East of Russia. Due to a lack of demographic research of the Buryats in Soviet and post-Soviet periods, it is important to analyze the dynamics of population among one of the major nationalities in Eastern Siberia, the Buryats, in 1959–2010. The aim of the paper is to reveal factors and conditions that influenced the processes.

Results. We have analyzed the demographic processes among the Buryats in 1959–2010 in the Republic of Buryatia, Irkutsk and Transbaikalia. We provide data on the dynamics of the Buryat population, migrations and different factors and conditions that influenced them. Demographic development of the ethnos during the considered period of fifty years had several important differences that resulted in some peculiarities of Buryatia's market position and social structure. Possible reasons for these changes are provided. One of the main reasons was the fact that in a relatively short period the social structure and economy were transformed under external conditions, and a powerful social sphere equal to that of a developed industrial society appeared.

Conclusion. As a result of social and economic processes, Buryatia witnessed a certain decrease in the mortality among the Buryat population, and the birth rate was at the highest level. Such a situation led to rejuvenation of the age structure and a high natural increase in the indigenous population. Further on, the development of the social structure continued in a way of accelerated increase in employees, increased access to education and a raise of urban population, which together with agrarian reforms led to a quick decrease of the birth rate. As a result, the number of the Buryats during 1959–2010-s increased more than the total average for other regions of the country.

Keywords

the Buryats in 1959–2010, ethnical demography, dynamics of number, birth rate, mortality, migrations

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-09-00395

For citation

Dashinamzhilov O. B., Lygdenova V. V. Dynamics of the Buryats Population in the Areas of Major Settlement in 1959–2010. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 121–134. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-121-134

Демографическое развитие этноса зависит от множества причин – экономических, политических, географических, наличия природных ресурсов. Большое влияние на динамику народонаселения в Восточной Сибири, в том числе в районах преимущественного расселения бурят, всегда оказывала социально-экономическая политика, проводимая государством. С одной стороны, наличие богатых природных ресурсов, малая плотность населения открывали широкие возможности для хозяйственного освоения, с другой стороны, отдаленное от экономического и демографического «ядра» страны географическое расположение заметно сужали их.

В досоветское время строительство Транссибирской магистрали и аграрное переселение привели к росту численности жителей Восточной Сибири. В последующие десятилетия огромное влияние на демографические процессы оказали Октябрьская революция, Гражданская война, урбанизация, индустриализация, социальные потрясения, депортации населения и Великая Отечественная война. Национальный состав районов преимущественного расселения бурятского этноса ко второй половине XX столетия заметно изменился.

Во второй половине XX в. хозяйственный подъем восточных районов шел более последовательно, без резких скачков, промышленность продолжала интенсивно развиваться, но ее фундамент, в основном, был уже создан, индустриализация перестала носить форсированный характер, большое внимание стало уделяться развитию социальной сферы, активно росли численность и население городов. Рыночные реформы 1990-х гг. и демонтаж командно-административной системы внесли глубокие изменения в последующие хозяйственные процессы. В контексте данной картины важно рассмотреть особенности и качественные отличия демографического развития отдельных национальностей востока страны. В связи с недостатком демографических исследований бурят в советский и постсоветский периоды особенно актуальным становится анализ динамики численности одного из крупнейших народов Сибири в 1959–2010 гг. Важно также выявить факторы и условия, в наибольшей степени оказавшие на нее влияние. Все это и является составными частями цели настоящей публикации.

Буряты – это вторая по величине национальность Восточной Сибири, численность которой в 1959 г. составляла 246,5 тыс. чел. При этом отрыв от русских (5378,9 тыс.) являлся широким, а доля этноса в населении экономического района составила только 3,8 %. Другими значительными в количественном отношении народами являлись украинцы (217,0 тыс. чел.), татары (99,7 тыс.), тувинцы (99,0 тыс.), немцы (77,6 тыс.). Основная часть бурят проживала в пределах современных Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия, однако их доля в населении этих регионов тоже была невелика и в 1959 г. составила всего 6,7 %. Наибольшей она была в Бурятии – 20,2 %, тогда как в Читинской области – 3,9 %, Иркутской – 3,6 %. Высоким удельным весом бурят отличались автономные образования – Усть-Ордынский (около трети) и Агинский национальные округа (почти половина населения), входившие в состав Иркутской и Читинской областей¹.

Как известно, роль миграции в пополнении населения восточных районов была значительной. Аграрные переселения, индустриализация первой половины XX в. вызвали активный миграционный приток из других регионов страны, в особенности народов, находившихся уже на ранних этапах демографического перехода. Обладая высокой мобильностью, в меньшей степени связанные традиционными общественными институтами, они энергично участвовали в экономическом освоении Сибири. Кроме русских заметно увеличилась численность украинцев, белорусов, татар, чувашей, мордвы, латышей [Фурсова, 2000]. Коллективизация и голод в Казахстане сказались на росте численности казахов, а депортации – на численности немцев. Экономические причины предопределили концентрацию населения Восточной Сибири преимущественно в Красноярском крае и Иркутской области.

По сравнению с названными национальностями экономические миграции (если не считать сезонных перемещений в районах преимущественного расселения в досоветский период и откочевок во время социальных потрясений) в демографическом развитии бурят играли меньшую роль. Влияние модернизационных импульсов, особенно индустриализации, было низким, в связи с чем этнос компактно проживал в определенных местах, а его представительство в других регионах и городских поселениях росло очень медленно. В противоположность этому, например, доля украинцев, проживавшая в СССР, но вне титульной республики, в 1959 г. составила 13,7 %, белорусов – 17,5 %, тогда как бурят за пределами Бурятской АССР, Иркутской и Читинской областей – только 2,1 % (в 1989 г. – 5,7 %). Показательны в этом отношении ведущие индустриальные районы Сибири – Кузбасс и Ангаро-Енисейский ТПК, а также ее крупнейшие города, где в отличие от русских, украинцев, белорусов, татар или мордвы численное представительство бурят (даже с учетом небольших размеров этноса), несмотря на географическую близость, было невысоким. Итак, к середине XX столетия бурятский народ, как и многие коренные национальности востока РСФСР, находился еще на ранних этапах демографической модернизации, одной из характерных черт которой являлась низкая, в современном понимании, мобильность.

Отставание в темпах демографического перехода означало, что естественный прирост принял высокие значения. Это, в свою очередь, вызвало значительный количественный рост этноса, подтверждаемый статистическими данными Всесоюзной переписи. Резкое снижение смертности сопровождалось высокими показателями рождаемости, которая уменьшалась медленнее. Если численность всего населения Восточной Сибири за 1959–1989 гг. увеличилось на 41,4 %, в том числе Иркутской области – на 42,9 %, Читинской – на 32,7 %, БАССР – на 54,2 %, то бурят стало больше на 60,4 %. Сходная динамика наблюдалась, например, у алтайцев (+ 56,4 %), калмыков (+ 63,9 %), якутов (+ 61,0 %). Этот рост оказался выше, чем у русских Восточной Сибири (+ 42,3 %), но ниже, чем, например, у северокавказских или среднеазиатских народов СССР (казахи (+ 124,6 %), узбеки (+ 176,6 %), чеченцы (+128,5 %)).

¹ Национальности РСФСР (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 245.

Таблица 1

Возрастной состав населения БАССР, Усть-Ордынского
и Агинского бурятского национальных округов *

The age structure of the population of the Buryat Republik, Ust-Ordynsky
and Aginsky Buryat national districts

Возраст, лет	Усть-Ордынский бурятский националь- ный округ **		Бурятская АССР		Агинский бурятский национальный округ **	
	буряты	русские	буряты	русские	буряты	русские
0–4	18,7	16,1	16,8	14,8	19,0	16,6
5–9	14,7	14,4	13,4	13,7	13,5	14,5
10–14	8,0	8,5	7,5	8,2	7,1	9,1
15–19	7,2	7,5	7,2	8,2	6,2	8,6
20–24	6,9	8,9	7,4	10,1	5,8	10,7
25–29	7,8	9,0	7,6	9,2	7,5	8,9
30–34	7,1	8,3	6,9	8,3	5,9	8,0
35–39	4,6	4,9	4,8	5,2	4,5	4,7
40–44	4,4	4,4	5,4	4,6	5,2	4,5
45–49	3,7	4,6	5,1	4,8	5,5	4,8
50–54	3,0	3,6	4,3	3,8	4,6	3,3
55–59	3,4	3,0	3,6	2,9	3,6	2,2
Старше 60	10,5	6,8	10,0	6,2	11,6	4,1

* Составлено по: Возрастной состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1962. 477 с (ДСП). С. 381, 444, 457.

** Данные возрастного состава бурят по Иркутской и Читинской областям в целом в 1959 г. еще не разрабатывались.

Как уже говорилось, главной причиной такого увеличения численного состава этноса стал естественный прирост, который был обусловлен, в основном, высокой рождаемостью. В данном контексте привлекает внимание тот факт, что возрастной состав бурятского населения первоначально по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. оказался старше, чем у русского.

У бурят было меньше лиц в возрасте до 30 лет во всех регионах (табл. 1). Так, например, в Бурятской АССР их доля составила 59,9 %, тогда как у русских – 64,2 %, в Агинском национальном округе – 59,1 и 68,4 % соответственно, Усть-Ордынском – 63,3 и 64,4 %. Одновременно удельный вес людей старших возрастов (60 лет и выше) оказался существенно больше. Возможно, это связано с тем, что социальные катаклизмы первой половины XX столетия сильнее повлияли на демографическое развитие народа. Так, если рассматривать возрастную структуру более подробно, то доля бурят окажется меньше в пятилетних когортах с 10 до 39 лет, т. е. 1920–1949 гг. рождения. С другой стороны, следует учитывать миграционные процессы на востоке страны и приток населения из центральных районов на промышленные стройки, а также во время эвакуационных мероприятий в годы Великой Отечественной войны, что привело к некоторым позитивным переменам в составе русского населения.

Возрастной состав бурятского этноса, в отличие от русских, в дальнейшем омолаживался. В 1979 г. доля лиц в возрасте до 30 лет по РСФСР выросла до 64,3 % (в 1959 г. – 60,8 %), а старше 60 лет снизилась с 10,1 до 9,1 %, тогда как население Иркутской, Читинской областей и Республики Бурятия в целом постепенно старело². Только к 1989 г. доля молодежи

² Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. С. 56.

среди бурят снизилась (до 59,6 %), но и доля старших когорт также уменьшилась (до 8,9 %) ³. Таким образом, по истечении некоторого времени увеличение числа людей в репродуктивном возрасте помогало поддерживать высокий естественный прирост, который, в свою очередь, способствовал консервации структурных характеристик населения.

Анализ итоговой рождаемости по данным Всесоюзной переписи 1979 г. показал, что на одну бурятскую женщину в возрасте 15 лет и старше в среднем приходилось 2,323 ребенка, тогда как на одну русскую – 1,793. У буряток она была ниже, чем у казашек, среднеазиатских и северокавказских, тувинских женщин, находясь примерно на уровне молдаванок, калмычек, якуток, алтаек, представительниц приволжских народов (при определенных различиях в исторической динамике) ⁴. Такой высокий уровень был обусловлен несколькими причинами.

Одним из важнейших факторов снижения рождаемости, если не брать в расчет экстремальные условия, являлся рост доли горожан в населении. Общеизвестно, что в городских поселениях рождаемость была ниже, чем в сельской местности. Материалы Всесоюзной переписи 1959 г. показали, что в Восточной Сибири удельный вес городских жителей среди русских составлял 55,4 %, в том числе в Иркутской области – 63,9 %, в Бурятской АССР – 46,5 %, Читинской области – 55,5 %. По сравнению с ними доля горожан среди бурят была низкой и не превысила 17,0 % (в Иркутской области – 17,6 %, БАССР – 16,6 %, Читинской – 7,6 %) ⁵. Таким образом, бурятское население в значительной степени оставалось сельским, что служило препятствием сокращению рождаемости.

В его социально-классовом составе было больше колхозников и меньше рабочих и служащих (56,7 против 43,1 %), тогда как у русских доля последних была значительно выше – 83,7 % (колхозников – 16,2 %). При этом буряты были заняты, преимущественно, в первичных отраслях материального производства (сельское хозяйство), не требующих высокой квалификации ⁶. Подобная социальная структура подразумевала высокую рождаемость, так как, согласно исследованиям демографов, у служащих она была ниже, чем у рабочих, а у последних, соответственно, меньше, чем у колхозников.

Существенным фактором являлся уровень образования людей: чем он выше – тем ниже рождаемость. Уже в 1959 г. бурятское население отличалось довольно высоким уровнем образования. Так, число лиц, имевших высшее, незаконченное высшее, среднее и семилетнее образование составило 207 чел. на каждую тысячу, в том числе высшее – 13 чел. (у русских соответственно 284 и 18). По этому показателю, буряты уступали, например, татарам, украинцам, белорусам, чувашам, но превосходили мордву, марийцев, якутов, калмыков, тувинцев и большинство народов Северного Кавказа. Ускоренный рост уровня образования в дальнейшем стал важной причиной сокращения рождаемости.

Спустя 10 лет, к 1989 г., итоговая рождаемость у буряток в возрасте 15 лет и старше возросла до 2,407 ребенка на одну женщину. Ее повышение произошло не из-за введения оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в начале 1980-х гг., а из-за сокращения доли лиц с пониженной рождаемостью (1910–1919 гг. рождения) в составе населения. У русских она все же несколько снизилась до уровня 1,786 ребенка на одну женщину.

³ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. Т. 1. Пол, возраст, брачное и семейное состояние населения отдельных национальностей. С. 78

⁴ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Стат. сб. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. Т. 6: Число и состав семей. Число рожденных детей. С. 118–138.

⁵ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 245.

⁶ Национальности РСФСР (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 53, 155.

Таблица 2

Итоговая рождаемость разных поколений русских и бурятских женщин, согласно Всесоюзной (1979 и 1989 гг.) и Всероссийской (2010 г.) переписи населения *

Total fertility of different generations of Russian and Buryat women according to the All-Union (1979 and 1989) and All-Russian (2010) population censuses

Год рождения	Количество родившихся, чел.		Основные годы репродуктивного периода
	русские	буряты	
1910–1914	2 846	3 313	1930–1950
1915–1919	2 475	3 433	1935–1955
1920–1924	2 170	3 854	1940–1960
1925–1929	2 104	4 279	1945–1965
1930–1934	2 007	4 328	1950–1970
1935–1939	1 884	4 031	1955–1975
1941–1945	1 766	3 340	1961–1981
1946–1950	1 743	2 871	1966–1986
1951–1955	1 803	2 701	1971–1991
1956–1960	1 783	2 505	1976–1996
1961–1965	1 675	2 263	1981–2001

* Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года: Стат. сб. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. Т. 6: Число и состав семей. Число рожденных детей. С. 118, 122; Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. Т. 1. Пол, возраст, брачное и семейное состояние населения отдельных национальностей. С. 204, 206; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: Статистика России, 2012. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. С. 876, 888.

В результате изучения материалов Всесоюзной (1979, 1989 гг.) и Всероссийской (2010 г.) переписи были выявлены отличия в динамике итоговой рождаемости русского и бурятского населения. В табл. 2 статистические сведения по пятилетним возрастным группам представлены в виде годов рождения. Репрезентативны данные, которые указаны для когорт 45–49 лет и старше (50–54, 55–59, 60–64, 65–69), так как принято считать, что для подавляющего большинства женщин этот возраст уже не является детородным. Для ранних возрастных групп, у которых репродуктивный период еще не закончился, итоговые показатели могут сильно измениться. Именно поэтому табличная статистика ограничивается кругом лиц, появившихся на свет в 1961–1965 гг. и раньше.

Анализ опубликованных статистических сведений показал, что если у русского населения рождаемость разных поколений за представленные годы последовательно уменьшалась, то у бурят, она сначала выросла, и только затем стала снижаться (табл. 2). Причем аналогичная динамика отмечена у многих народов Советского Союза. Судя по всему, среднее число рожденных детей было выше у женщин 1910 г. р. и старше, т. е. у тех, кто меньше пострадал от будущих экономических преобразований в деревне (коллективизации). Рождаемость выросла у поколений женщин, основной репродуктивный период которых пришелся на послевоенное восстановление хозяйства (1925–1934 гг. р.). Влияние понижающих факторов тогда было несущественным, процессы урбанизации и трансформация структуры занятости шли медленно, в социально-классовом составе населения скорость роста доли рабочих и служащих была невысокой, а рост материального благосостояния и развитие социальной сферы стимулировали повышение числа рождений ⁷.

⁷ Рост материального благосостояния (заработная плата, улучшение жилищных условий) может иметь двойственное воздействие на рождаемость в зависимости от предпочтений семьи. Вероятно, в начале демографического

Снижение итоговой рождаемости началось у поколений 1935–1939 и 1940–1944 гг. р. и младше, репродуктивный период которых пришелся на 1955–1975 гг., что произошло по нескольким причинам. Советское правительство стремилось уменьшить дефицит рабочей силы путем вовлечения в народное хозяйство незанятых групп населения. В этой связи были приняты меры по сокращению труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве (ЛПХ). Результатом такой последовательной государственной политики стало масштабное повышение их занятости. В 1961–1965 гг. более половины, а в 1966–1970 гг. около $\frac{1}{4}$ прироста трудовых ресурсов в СССР обеспечили домашние и личные подсобные хозяйства, где работали, преимущественно, женщины⁸.

Еще одной важной причиной стала ограничительная политика в отношении ЛПХ, из-за чего произошло дополнительное высвобождение людей из домашнего и личного подсобного хозяйств. При этом численный рост предприятий бытового и коммунального обслуживания, нацеленных на облегчение домашнего труда, а также мест в детских учебных заведениях, несмотря на принимаемые меры, не удовлетворял общественных нужд. Таким образом, результатом государственной политики в сфере занятости и ЛПХ стало уменьшение свободного времени женщин и увеличение их трудовой нагрузки, что в конечном счете привело к сокращению рождаемости. Подобная политика, скорее всего, сильнее отразилась на бурятском населении из-за высокой доли сельских жителей. Следует предположить, что пошатнулось и материальное положение населения деревни [История крестьянства Сибири, 1991. С. 241].

Данные Всесоюзной переписи подтверждают факт резкого снижения числа занятых в ЛПХ. Так, в Агинском бурятском национальном округе их доля в структуре занятости за 1959–1970 гг. уменьшилась с 10,2 до 1,2 %, в том числе среди женщин с 18,1 до 2,3 %; в Усть-Ордынском – с 6,3 до 0,7 % (у женщин с 11,2 до 1,4 %); в БАССР – с 3,1 до 0,4 % (у женщин с 5,5 до 0,8 %)⁹. Удельный вес лиц, занятых преимущественно физическим и умственным трудом¹⁰, почти не менялся, но в 1970-е гг. заметно увеличился – с 36,7 % в 1970 г. до 44,6 % в 1979 г. Это косвенно подтверждает мнение о том, что доля домохозяек и работников ЛПХ в 1970-е гг. продолжала уменьшаться.

Социальная структура бурятского населения в регионах преимущественного расселения, за исключением Агинского национального округа, только за одно десятилетие существенно трансформировалась в пользу общественных групп с заниженной рождаемостью (табл. 3). Согласно Всесоюзной переписи 1959 г., доля рабочих и служащих среди бурят РСФСР составляла 43,1 %, тогда как колхозников – 56,7 % (прочие – 0,2 %). Спустя 20 лет в 1979 г. положение кардинально изменилось – доля колхозников снизилась в 2,7 раза (до 20,9 %). Величина падения, даже с учетом преобразований части колхозов в совхозы, оказалась очень высокой. Одновременно почти $\frac{4}{5}$ всех занятых (78,9 %) стали рабочими и служащими¹¹.

перехода повышение материального благополучия, в целом, имеет более сильный положительный демографический эффект, чем на его поздних этапах.

⁸ Согласно социологическим исследованиям рождаемость у незанятых женщин была выше, чем у занятых в общественном производстве.

⁹ Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Агинскому бурятскому национальному округу Читинской области. М.: ЦСУ РСФСР, 1970; Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Усть-Ордынскому бурятскому национальному округу Иркутской области. М.: ЦСУ РСФСР, 1970; Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Бурятской АССР. М.: ЦСУ РСФСР, 1970.

¹⁰ Обычно во Всесоюзных переписях население классифицировалось по следующим источникам средств существования: занятое население (преимущественно умственным и физическим трудом), занятое личным подсобным хозяйством, пенсионеры и другие лица, находящиеся на обеспечении государства, иждивенцы (дети).

¹¹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РФ, 1992. Т. 2. С. 325.

Таблица 3

Социально-классовый состав бурятского и русского населения
в 1959 и 1970 гг.

Social class composition of the Buryat and Russian population
in 1959 and 1970

Регион	1959		1970	
	рабочие и служащие	колхозники	рабочие и служащие	колхозники
Буряты				
БАССР	42,8	57,0	73,2	26,8
Агинский БНО	26,0	74,0	30,4	69,5
Усть-Ордынский БНО	38,2	61,6	81,7	18,3
Русские				
БАССР	78,2	21,7	89,4	10,5
Агинский БНО	85,3	14,6	83,0	17,0
Усть-Ордынский БНО	51,2	48,6	74,5	25,4

Таблица составлена по: Национальности РСФСР (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 54–56; Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1975. (ДСП). С. 78, 162, 182.

На ценность детей, как ни странно, опосредованное отрицательное влияние оказывала социальная политика государства, на плечи которого были возложены многие прежние функции семьи. Например, введение государственных гарантий инвалидам или людям, вышедшим из трудоспособного возраста, особенно пенсионного обеспечения, усилило независимость их положения [Антонов, 1980. С. 232]. Ослабла функция детей как кормильцев престарелых родителей. Улучшение состояния здравоохранения, повышение обеспеченности врачами, больничными учреждениями, медперсоналом, передовой техникой сократило детскую смертность, что позволило семьям иметь нужное число детей при меньшем количестве родов.

Вырос образовательный уровень бурятского этноса. Так, например, число лиц с высшим образованием повысилось с 18 на 1 000 чел. в возрасте 10 лет и старше в 1959 г. до 95 чел. в 1979 г. (47 чел. в 1970 г.). По этому показателю буряты сначала догнали, а затем опередили русское население (соответственно 23, 43 и 71). Сильно увеличилось количество людей со средним и средним специальным образованием. Продолжал, хотя и невысокими темпами, расти удельный вес горожан, увеличилось материальное благосостояние граждан. Если у русских темпы сокращения показателей рождаемости заметно снизились, то у бурятского населения они продолжали быстро уменьшаться, хотя и оставались выше.

Мы не располагаем всеми источниковыми сведениями для осуществления расчетов средней продолжительности жизни, но, судя по некоторым статистическим данным, смертность у бурятского населения была почти такой же, что и у русского. В районах преимущественного расселения значительно увеличилась численность врачей, больниц и медперсонала¹².

¹² Российская Федерация в 1992 году. Стат. ежегодн. / Госкомстат России. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. С. 314–315; Российский статистический ежегодник. 1994. Стат. сб. М.: Госкомстат России. 1994. С. 532, 535.

Использование общего коэффициента не дает ясной картины, так как он не учитывает структурных характеристик населения. При расчете кратких таблиц смертности на основе данных текущего учета и переписи населения по Читинской области за 1979 г. выяснилось, что средняя продолжительность жизни у бурят составляла 65,51 лет, а у русских – 65,26 лет¹³. Межполовая дифференциация по этому показателю у бурят оказалась немного ниже [Борисов, 2003. С. 246–249].

К концу советского периода среди бурятского населения, как и среди других коренных народов Сибири, начали распространяться процессы ассимиляции, что проявилось в распространении смешанных браков, в которых дети позднее выбирали принадлежность в основном к русской национальности. Косвенно на это указывает также рост доли лиц, признавших русский язык родным. Так, например, если в 1959 г. среди бурят она составила 4,9 %, то спустя 30 лет – 13,3 %. Судя по некоторым признакам, этот процесс быстрее шел в Иркутской области, где в 1989 г. русский язык признал родным каждый пятый человек (19,0 %), тогда как в Бурятии – 10,6 %, в Читинской области – 7,4 %¹⁴. В целом, влияние ассимиляции на динамику численности народа в 1959–1989 гг. было еще не велико.

Как уже говорилось, доля городского населения среди бурят росла медленно в основном из-за низкой миграционной подвижности. Местные жители предпочитали городскому сельский образ жизни, удельный вес занятых в аграрном секторе был существенно выше, чем в РСФСР в целом. Недостаточно хорошее знание русского языка и культуры производства затрудняли адаптацию на промышленных предприятиях и являлись тормозом к обретению профессионально-технического образования.

Во второй половине XX в. в процессе демографической модернизации мобильность бурятского населения выросла. Этнос все больше вовлекался в индустриальные процессы, но по разным причинам буряты концентрировались в определенных отраслях народного хозяйства. Так, если в 1959 г. доля горожан среди них в РСФСР составила 16,7 %, то спустя 30 лет – 42,0 %. Особенно она увеличилась в БАССР, где достигла 44,5 %. В сравнении с Агинским и Усть-Ордынским округами с их преимущественно аграрной специализацией в Бурятии шло активное промышленное развитие. Строились новые предприятия, транспортная инфраструктура (например, БАМ). Это приводило к увеличению количества учреждений социальной сферы, здравоохранения, образования и управленческих структур.

В определенной мере повышение доли горожан вызвано ростом числа поселков городского типа вблизи мест компактного расселения бурят, особенно в 1970-е гг., когда произошла административная реорганизация части районных центров. Так, например, поселками городского типа стали Хоринск, Кырен, Баргузин, Иволгинск, Заиграево, Джида, Багдарин¹⁵.

Если сравнивать Иркутскую и Читинскую области, то в первой удельный вес городских жителей был выше. Лучшее владение русским языком и длительный опыт взаимодействия с русским населением обусловили более интенсивный прирост доли городских жителей (1989 г. – 35,0 %). В Иркутской области значительно активнее шло формирование промышленного потенциала. Становление Ангаро-Енисейского территориально-производственного комплекса и большая потребность в рабочей силе привели к увеличению интенсивности миграций из УОБАО и повышению количественного представительства этноса в ведущих индустриальных центрах – Иркутске и Ангарске¹⁶. При этом значительная часть бурят пересе-

¹³ ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 784. Л. 61 об., 62 об.; Текущий архив Забайкалкрайстата. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту и состоянию в браке. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Читинской области. Л. 3–4, 7–8.

¹⁴ Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. С. 48, 636, 645, 656.

¹⁵ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1980. С. 138.

¹⁶ Национальный состав населения области. Статистический сборник по материалам переписи населения 1989 г. Иркутск: Иркутскоблстат, 1992. С. 6, 9.

лилась также в БАССР¹⁷. Темпы промышленного развития Читинской области были существенно ниже, ее значение во многом определялось стратегическим расположением, развитием военной инфраструктуры. В итоге миграционная подвижность бурят АБАО повышалась медленней.

Таким образом, «втягивание» народа в модернизационные процессы имело свои особенности. Действительно, удельный вес горожан увеличивался не очень быстро, а это тормозило повышение доли промышленных рабочих, в том числе высококвалифицированных. Однако медленный рост городского населения компенсировался переменами в социально-классовом составе, повышением доли служащих и образовательного уровня. Аграрная политика государства значительно повлияла на демографическое поведение бурят из-за большого количества сельских жителей. Все эти факторы, а также, косвенно, рост социальных обязательств государства привели к сильному падению рождаемости. Если различие между русскими и бурятскими женщинами в среднем числе рожденных детей (1925–1939 гг. р.) было примерно двукратным (если брать русских только Восточной Сибири, то разница будет меньше), то к поколению 1956–1960 гг. оно снизилось до 40,0 %. Подобная динамика наблюдалась у многих других национальностей (калмыков, казахов, алтайцев, хакасов, якутов).

Очередная попытка социально-экономической и политической модернизации страны в конце XX в. оказала огромное влияние на протекающие в обществе демографические процессы. Перестройка хозяйственного уклада во второй половине 1980-х гг. и рыночные преобразования 1990-х гг. привели к крупномасштабным структурным изменениям во всех сферах жизни общества. Произошел распад Советского Союза на ряд независимых государств. Для сибирских регионов этот период имел особое значение. В связи с тем, что в освоении и заселении восточных территорий государственные органы традиционно играли важную роль, особенно в советский период, снижение инвестиционной активности и свертывание практически всех программ хозяйственного освоения Сибири в 1990-е гг. сразу же сказалось на материальном благосостоянии населения: резко ухудшились финансовое положение семей и общественная обстановка, работа социальных служб, возникла безработица, увеличилась преступность [Дашинамжилов, Лыгденова, 2012. С. 152–153].

Динамика численности бурят в годы системных преобразований имела свои отличия. За изучаемый период впервые за долгое время количество жителей восточных районов уменьшилось. Так, например, в Восточной Сибири за 1989–2010 гг. население сократилось на 10,7 %, в том числе русских – на 12,2 % (в РСФСР – на 7,4 %). Отрицательный естественный прирост наблюдался во всех регионах Восточной Сибири. Кроме того, у экономического района образовалось мощное отрицательное сальдо миграции. В Иркутской области население за 1989–2010 гг. сократилось на 14,0 %, в Читинской – на 19,5 %, в Республике Бурятия – на 6,4 %.

У бурят темпы роста населения также упали, однако сохранился незначительный положительный естественный прирост. Так, например, в Читинской области он даже в самое тяжелое кризисное время – в 1994 г., составил 736 чел., в 1998 г. – 456 чел., тогда как у русских была отмечена убыль, достигшая соответственно 2 172 и 32 чел.¹⁸ Несмотря на некоторое повышение мобильности этноса, доказательством которого являлось увеличение доли проживающих за пределами Восточной Сибири, его численное представительство в экономическом районе за 20 лет увеличилось на 11,2 %.

Численное представительство национальностей со схожей с бурятами в конце 1980-х гг. моделью воспроизводства населения тоже повысилось, но по-разному. Особенности хозяйственного развития районов преимущественного расселения в постсоветский период наложили сильный отпечаток на демографические процессы. В отличие от советского времени в годы реформ отмечалась сильная межтерриториальная дифференциация в социально-экономиче-

¹⁷ Аналитическая записка «Некоторые социально-демографические показатели, характеризующие изменения национального состава населения области за 1959–1989 гг.». Иркутск: Госкомстат, Иркутское областное управление статистики, 1991. С. 2, 6.

¹⁸ ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 19. Д. 56. Л. 23–24; Д. 90. Л. 23.

ском положении. Например, количественный рост калмыков составил 10,6 %, алтайцев – 7,0 % (с учетом того, что из состава этноса, согласно переписи 2010 г., выпали кумандинцы и телеуты), тогда как якутов благодаря стабильному хозяйственному развитию Якутской АССР – 25,7 %.

Положительный естественный прирост образовался благодаря молодой возрастной структуре населения и большей доле лиц в репродуктивном возрасте, а также рождаемости, уровень которой продолжал оставаться выше, чем в среднем по России и Восточной Сибири. Так, например, в 2010 г. доля молодежи до 30 лет составила почти половину бурятского населения страны – 49,5 %, лиц пенсионного возраста (60 лет и старше) – 10,0 %.

Как показано в табл. 4, молодежных возрастных когорт (до 30 лет) в составе бурятского населения было больше во всех регионах преимущественного расселения, а старших – меньше.

Таблица 4

Возрастной состав русского и бурятского населения БАССР, Иркутской области и Забайкальского края в 2010 г. *

The age structure of the Russian and Buryat population of the Republic of Buryatia, the Irkutsk Region and the Trans-Baikal Territory in 2010

Возраст, лет	Иркутская область **		Бурятская АССР		Забайкальский край **	
	буряты	русские	буряты	русские	буряты	русские
0–4	8,4	6,9	9,1	7,7	10,0	7,2
5–9	6,4	5,9	6,8	6,2	7,1	6,3
10–14	6,4	5,4	6,1	5,5	7,0	5,8
15–19	8,4	6,5	6,9	6,4	7,7	7,2
20–24	10,2	9,1	10,3	9,7	10,1	9,7
25–29	8,6	8,8	9,8	8,9	9,5	9,0
30–34	6,9	8,0	8,0	7,9	7,9	8,3
35–39	6,2	7,2	6,8	6,8	6,4	7,0
40–44	6,1	5,9	6,2	5,5	6,3	5,5
45–49	7,6	6,7	7,2	6,7	7,3	6,4
50–54	7,9	7,5	7,1	7,6	7,1	7,4
55–59	5,8	6,9	5,4	6,7	5,0	6,7
Старше 60	10,9	15,3	10,2	14,5	8,7	13,6

* Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М.: Статистика России, 2012. С. 570, 571, 581, 588; Национальный состав населения Иркутской области (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.). Стат. сб. Иркутск: Иркутскстат, 2013. С. 14, 18.

** Объединение АБАО и УОБАО с Читинской и Иркутской областями привело к тому, что возрастной состав отдельных национальностей по этим округам в общероссийских итогах переписи 2010 г. не был представлен.

Судя по данным переписи, различия в итоговой рождаемости русского и бурятского населения в 1959–2010 гг. последовательно уменьшались. Максимальная дифференциация среди пятилетних когорт была зафиксирована у женщин 1930–1934 гг. р., когда рождаемость бурят более чем в два раза превысила таковую у русских (4,328 и 2,007 ребенка на одну женщину). В дальнейшем она уменьшалась, например, у когорт 1961–1965 гг. р. итоговые показатели у бурят были больше всего, приблизительно на треть (2,263 и 1,675 соответственно).

Примерно такой же рождаемость у русского населения (2,170) была у возрастных когорт, появившихся на свет в 1920–1924 гг. Исходя из этого можно выдвинуть предположение (используя теоретические положения демографического перехода), что итоговой рождаемости,

как у русских 1961–1965 гг., буряты достигнут спустя примерно 40 лет, т. е. она будет подобной у поколений 2000–2005 гг. р.¹⁹ К сожалению, на основе материалов, собираемых во время проведения переписи, можно анализировать рождаемость у поколений, чей репродуктивный период уже завершился (45–49-летних).

Статистика, которая собрана по молодым возрастным когортам, не может быть в полной мере использована, так как их репродуктивный период еще не закончен, и итоговая рождаемость может измениться. Она может быть выявлена значительно позднее. Однако сравнение показателей бурятских и русских женщин одного возраста в разные переписные годы все же подтверждает выдвинутую нами гипотезу. Так, например, рождаемость у 30–34-летних буряток, по переписи 2010 г., была чуть большей, чем у русских такого же возраста, по переписи 1979 г. В целом, по результатам Всероссийской переписи 2010 г., итоговая рождаемость снизилась у бурятского населения до 1,830 ребенка на одну женщину, у русского – до 1,405²⁰.

Процессы ассимиляции в годы рыночных реформ продолжились. Доля бурят, признавших русский язык родным, возросла с 13,3 % в 1989 г. до 21,3 % в 2010 г., в том числе в Иркутской области она увеличилась до трети бурятского населения, в Республике Бурятия – до 18,2 %. В качестве ассимиляционного показателя можно использовать количество рожденных детей, у которых матерью являлась бурятка, а отец был другой национальности. Так, например, в 1971 г. у буряток Читинской области появилось на свет 1 332 ребенка, и только у 32 из них (2,4 %) отец был иной национальности; в 1987 г. таковых было уже 8,2 %, а в 2001 г. – почти половина (46,3 %). В Иркутской области в 1971 г. – 8,0 %, а в 1987 г. – 14,8 % (за 2001 г. сведений нет)²¹.

Интересно, что доля горожан формально выросла слабо. По данным Всероссийской переписи 2010 г., в городах России проживало 47,1 % бурятского населения (в 1989 г. – 42,0 %). В действительности уровень урбанизации увеличился больше, так как за 20-летний период многие поселки городского типа, в том числе ряд районных центров, были преобразованы в сельские населенные пункты. Так, например, если в 1989 г. в Бурятии насчитывалось 34 поселка городского типа, то в 2010 г. – 14. В то же время численность бурят в крупных городах заметно увеличилась. За 1989–2010 гг. она повысилась на треть в Иркутске – с 9,2 тыс. до 12,7 тыс. чел., более чем в полтора раза в Чите – с 4,7 тыс. до 7,4 тыс. чел., в Улан-Удэ – до 129,0 тыс. чел.

Таким образом, демографическое развитие бурятского этноса в исследуемые 50 лет в целом имело несколько важных отличий, которые были обусловлены особенностями его хозяйственного уклада и социальной структуры. Демографический переход, т. е. снижение смертности и рождаемости, начался с запозданием, а это означало, что миграции играли минимальную роль в процессах народонаселения. Дело в том, что переход от патриархального строя к социалистическому способу ведения хозяйства произошел, по большому счету, минуя капиталистическую стадию, в ходе которой происходили интенсивное развитие индустрии и городских поселений, широкое вовлечение людей в урбанизационные процессы.

При последовательном (не революционном) историческом развитии после распространения и закрепления оседлости должны были произойти закономерные изменения, а именно: зарождение национального класса индустриальных рабочих и деформация структуры общества с повышением доли лиц с заниженной рождаемостью. Постепенное расширение услуг здравоохранения, улучшение жилищных и материальных условий, продовольственного обеспечения, образовательного уровня привело бы к снижению смертности. Возникновение городских поселений как центров промышленного производства должно было усилить миграционную подвижность и интенсивность людских перемещений в ведущие индустриальные центры.

¹⁹ Здесь следует иметь в виду, что у русских Восточной Сибири рождаемость была выше. Это означает, что превышение рождаемости бурят в реальности было меньшим.

²⁰ Итоговая рождаемость у бурятских женщин в 2010 г. (1,830) была выше, чем у русских в 1979 г. (1,793).

²¹ ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 590а. Л. 28 об.; Д. 1164. Л. 110 об.; Оп. 19. Д. 115. Л. 15; ГАИО. ФР. 2679. Оп. 7. Д. 102. Л. 65 об.; Д. 138. Л. 43 об.

Среди бурят, как и среди многих автохтонных народов Советского Союза, к моменту установления советской власти только возникли зачатки этих процессов. В короткие по историческим меркам сроки под внешним воздействием произошла трансформация экономики и социальной структуры, возникла мощная социальная сфера, соответствующая развитому индустриальному обществу. Коренные народы Сибири вначале ответили на это замедленными темпами «втягивания» в модернизационные процессы – доля горожан повышалась медленно, в социальной структуре доминировали классы, больше всего соответствовавшие традиционному типу хозяйственного уклада (колхозники).

В демографическом отношении это проявилось в том, что смертность населения, судя по некоторым данным, резко снизилась, но рождаемость оставалась на высоком уровне. Это повлекло за собой омоложение населения и высокий естественный прирост. Дальнейшее развитие социальной структуры пошло по пути ускоренного повышения доли служащих, увеличились уровень образования и удельный вес городского населения. Это в совокупности с аграрными реформами привело к тому, что рождаемость стала быстро сокращаться, но оставалась выше, чем у русского населения. В итоге численное представительство бурятского этноса за 1959–2010 гг. возросло больше, чем в целом по стране.

Список литературы / References

- Антонов А. И.** Социология рождаемости (Теоретические и методологические проблемы). М.: Статистика, 1980. 271 с.
Antonov A. I. Sotsiologiya rozhdaemosti (Teoreticheskie i metodologicheskie problemy) [Sociology of Birth Rate (theoretical and methodological issues)]. Moscow, Statistika Publ., 1980, 271 p. (in Russ.)
- Борисов В. А.** Демография. М.: Нота Бене Медиа Трейд Компания, 2003. 344 с.
Borisov V. A. Demografiya [Demography]. Moscow, Nota Bene Media Treid Kompaniya Publ., 2003, 344 p. (in Russ.)
- Дашинамжилов О. Б., Лыгденова В. В.** Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 150–154.
Dashinamzhilov O. B., Lygdenova V. V. Dinamika izmeneniya etnicheskogo sostava naseleniya Sibiri v 1989–2010 gg. [Dynamics of Ethnical Composition Change of Siberia change in 1989–2010]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2012, no. 10, p. 150–154. (in Russ.)
- История крестьянства Сибири / Под ред. Н. Я. Гущина. Новосибирск, 1991. Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. 493 с.
Gushchin N. Ya. (ed.). Istorija krest'yanstva Sibiri [History of Siberian Peasantry]. Novosibirsk, Nauka, 1991, vol. 5: Peasantry and Rural Economy in Siberia. 1960–1980s, 493 p. (in Russ.)
- Фурсова Е. Ф.** Белорусские переселенцы Приобья: проблемы культурной интерференции // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. 6. С. 536–542.
Fursova E. F. Belorusskie pereselentsy Priob'ya: problemy kul'turnoi interferentsii [Belorussian Immigrants in the Ob' Region: issues of cultural interference]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjusting Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2000, vol. 6, p. 536–542. (in Russ.)

Список источников

- ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 19. Д. 56. Л. 23–24; Д. 90. Л. 23.
 ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 590а. Л. 28 об.; Д. 1164. Л. 110 об.; Оп. 19. Д. 115. Л. 15.
 ГАЗК. ФР. 1645. Оп. 5. Д. 784. Л. 61 об., 62 об.
 ГАИО. ФР. 2679. Оп. 7. Д. 102. Л. 65 об.; Д. 138. Л. 43 об.
 Текущий архив Забайкалкрайстата. Распределение населения отдельных национальностей по полу, возрасту и состоянию в браке. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Читинской области. Л. 3–4; 7–8.

Материал поступил в редколлегию
 Received
 14.05.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Дашинамжилов Одон Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, odon@bk.ru)

Odon B. Dashinamzhilov, PhD in History, Researcher at the Institute of History SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, odon@bk.ru)

Лыгденова Виктория Васильевна, кандидат философских наук, научный сотрудник отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, victoria.lygdenova@gmail.com)

Victoriya V. Lygdenova, PhD in Philosophy, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, victoria.lygdenova@gmail.com)

УДК 39 + 316.722
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение

А. П. Чемчиева

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Настоящая работа имеет своей целью выявление особенностей этнокультурной идентичности городских представителей трех групп северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев. Эмпирический материал был собран в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай). Исследование показало, что северные алтайцы социально адаптированы к городским условиям жизни, однако они утрачивают традиционную культуру и родной язык. В статье показано, что эта тенденция обусловлена историческими факторами. Политика христианизации, тесное соседство с русскими людьми, смешанные браки имели большое русифицирующее влияние на северных алтайцев. Этнический ренессанс в 1990-е гг. оказал заметное воздействие на их самосознание. Сегодня они обладают выраженной культурной идентичностью. Однако культурная идентичность городских северных алтайцев приобретает новые формы. Она уже не привязана к уровню языковой компетенции или уровню владения общим кругом этнокультурных знаний. На передний край выдвигается символический компонент культурной идентичности.

Ключевые слова

Республика Алтай, Горно-Алтайск, северные алтайцы, урбанизация, этнокультурная идентичность

Для цитирования

Чемчиева А. П. Этнокультурная идентичность северных алтайцев в контексте города: символическое возрождение // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 135–145. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance

A. P. Chemchieva

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article contributes to the study of urban life of Russian ethnic minorities. Our research was based on three groups of Northern Altaians: the Kumandins, the Tubalars, and the Chelkans, the indigenous ethnic minorities of Siberia.

Results. Our research shows that Northern Altaians vary according to the degree of their urbanization with the Kumandins being the most urbanized ones. The main reason for an increase in number of Northern Altaians in cities is migration from village areas. They migrate primarily for the sake of education, job search, better living conditions, as well as a result of the state policy of eliminating ‘unpromising’ villages. However, in urban environments they tend to lose their traditional culture and native language, and their family identities become less distinct. Their lifestyles are

© А. П. Чемчиева, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

essentially the same as the lifestyles of Russians city dwellers. Many Altaians remain loyal to their traditional cuisine, enjoy national holidays and gladly participate in celebrations.

Conclusions. The ancestors of the Northern Altaians had earlier contacts with the Russians and Russian culture (in the 17th century) than Southern Altaians (in the 18th century). Due to the policy of Christian proselytism, close contacts with Russians, mixed marriages and a strong process of Russification took place. In the late 19th century, assimilation continued to develop. Because of this, the Northern Altaians were often unable to resist the weakening of their ethnic and cultural identities as they migrated. In the 1990s, the Northern Altai intelligentsia admitted a certain degree of separation between their fellow Altaians and the cultural heritage of their ancestors. It was the period when a concept of national-cultural renaissance became popular among the Northern Altaians. The ethnic renaissance affected self-perception of urban Northern Altaians in a significant way. Nowadays, the Northern Altaians who live in cities possess strong cultural identities. However, these identities are beginning to get new shapes. They are no longer related to the degree of their language competence or common ethnic-cultural knowledge; rather, it is the symbolic component of cultural identities that is perceived as the most important one.

Keywords

The Republic of Altai, Gorno-Altai, Northern Altaians, urbanization, ethnic-cultural identity

For citation

Chemchieva A. P. Northern Altaian Ethnic-Cultural Identity in Urban Context: Symbolic Renaissance. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 135–145. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-135-145

Урбанизация стала особенностью современного мира. Сегодня более половины населения Земли проживает в городских районах. Процесс урбанизации вовлек в свою орбиту и различные группы коренных малочисленных народов, проживающих на российском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке. В течение последнего столетия доля городского населения в их среде выросла от минимального уровня до 32,5 % населения¹.

В современных условиях культурная жизнеспособность коренных малочисленных народов в городской среде требует внимания. В урбанизированном обществе все более актуальным становится вопрос о том, как коренной народ определяет те элементы своей культуры, которые необходимы для поддержания его как связанной общины в процессе быстрых социальных изменений. В настоящее время такие исследования активно проводятся на Западе в рамках особого направления городской антропологии, изучающего урбанизацию коренных народов Арктики. Об этом убедительно свидетельствует публикация П. Швайцера, посвященная обзору состояния антропологических исследований коренного населения в городах Аляски, Гренландии, Канады [Швайцер, 2016. С. 10–22].

Отражением возрастающей роли исследований городских индигенных групп является обращение к данному вопросу и отечественных исследователей. Их мнения и суждения по проблемам урбанизации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России были высказаны на страницах тематических выпусков ведущих российских академических журналов [Функ, 2014; Хаховская, 2014; Маслов, 2014; Поворознюк, 2016; Лярская, 2016]. Тем не менее, формирование нового для российской этнологии направления исследований происходит медленно. Исследовательских работ в этой области знаний не очень много.

Настоящая работа вносит свой вклад в изучение городского образа жизни коренных малочисленных народов России. Ее целью является установление особенностей этнокультурной идентичности коренных малочисленных народов в контексте города. Эта проблема была исследована на примере трех групп северных алтайцев – кумандинцев, тубаларов и челканцев, принадлежащих к числу коренных малочисленных народов Сибири.

Эмпирическая база статьи включает результаты этносоциологического исследования, проведенного в рамках проекта по изучению проблем урбанизации коренных народов Алтая (2016–2017 гг.). Опрос методом структурированного интервью был проведен в г. Горно-Алтайске (Республика Алтай) в августе 2016 г. Обследовано было охвачено 146 представите-

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf/. Табл. 19. С. 2111–2119.

лей северных алтайцев (50 кумандинцев, 50 тубаларов и 46 челканцев), из них 64 мужчины (43,8 %) и 82 женщины (56,2 %) в возрасте от 18 лет и старше. В каждой семье опрошивался один человек. Средний возраст респондентов составил 42 года. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее относительная ошибка не выходит за пределы 10 %. При написании работы были использованы также авторские материалы глубинных интервью и материалы Всероссийской переписи населения 2010 г.

Республика Алтай является одним из наименее индустриально развитых и урбанизированных регионов Сибири. Здесь имеется лишь один город – столица республики г. Горно-Алтайск. Население его невелико (56 933 чел.) и включает чуть более четверти населения республики. Основную массу горожан составляют русские – 67,8 %, представители коренного алтайского населения (алтайцы, кумандинцы, теленгиты, телеуты, тубалары, челканцы) составляют 23,1 %. При этом численность отдельно северных алтайцев составляет в городе 920 человек (440 кумандинцев, 301 тубалар и 179 челканцев), что равно 1,6 % от численности городского населения республики ².

Северные алтайцы различаются между собой уровнем урбанизированности. Больше всего горожан среди кумандинцев – 41,4 % от общей численности кумандинцев Республики Алтай. У тубаларов и челканцев этот показатель не превышает 16 % ³.

Основным источником увеличения численности северных алтайцев в Горно-Алтайске явился механический прирост – миграция из села, особенно нараставшая с начала 1960-х гг. Поэтому подавляющее большинство городских северных алтайцев – это выходцы из села в первом или во втором поколении. По данным социологического опроса, горожанами в первом поколении являются 57,5 % северных алтайцев, во втором поколении – 34,9 %. Доля горожан в третьем поколении – всего 6,8 % (табл. 1).

Результаты социологического опроса показывают, что сельские кумандинцы раньше и чаще мигрировали в город, чем представители тубаларов и челканцев. Вследствие этого среди кумандинцев выше доля лиц, проживающих в городе в третьем поколении (16 %). Позже других стали переселяться в город челканцы, из них 78,3 % являются горожанами в первом поколении.

В качестве основных мотивов переезда, своего или своих предков, из сельской местности в городскую респонденты отметили несколько причин. В тройке лидеров оказались ответы: «получение специального образования» (51 %), «поиск лучшей работы, профессиональный рост» (29,4 %), «улучшение условий жизни (доход, жилье, благоустройство, магазины, культурный досуг)» (19,6 %) (табл. 2).

Обратим внимание на то, что кумандинцы в числе важных причин миграции в город отметили ликвидацию села. Речь идет о реализации в РСФСР государственной политики ликвидации «неперспективных» деревень (1960–1970-е гг.), вынудившей многих сельских жителей покинуть обжитые места. Эта государственная кампания затронула поселения всех северных алтайцев: и кумандинцев, и тубаларов, и челканцев. Однако если многие тубалары и челканцы из мелких деревень переселялись в «перспективные» поселения, то значительная часть кумандинцев сразу устремилась, минуя «перспективные» села, в города. Здесь, по всей видимости, помимо субъективных причин осуществления кумандинцами выбора в пользу города, немаловажную роль сыграло обстоятельство географической близости кумандинских деревень к городу.

В этой связи 30 % опрошенных кумандинцев отметили, что у них в деревнях не имеется никаких родственников. У тубаларов и челканцев этот показатель составляет лишь 2 %. По данным опроса около 80 % тубаларов и челканцев активно поддерживают связи с родственниками, проживающими в селах. Они и их родственники регулярно ездят друг к другу в гости, общаются по телефону. На активное взаимодействие с сельскими родственниками указали только 40 % кумандинцев.

² Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. Горно-Алтайск: Алтайстат, 2013. Т. 4. С. 28–29.

³ Там же. С. 24–25.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«Вы горожанин в каком поколении?», %
Distribution of answers to the question: “You, a city dweller,
in what generation?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
В 1-м (родители проживали в селе)	57,5	38	58	78,3
Во 2-м (родители проживали в городе)	34,9	44	38	21,7
В 3-м (дедушка и бабушка проживали в городе)	6,8	16	4	—
В 4-м и более (прадедушка и прабабушка проживали в городе)	0,8	2	—	—

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос:
«Причина переезда в город вас или ваших предков?», % *
Distribution of answers to the question: “The reason why you
or your ancestors moved to the city?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Получение специального образования	51	27,1	59,2	67,4
Поиск лучшей работы, профессиональный рост	29,4	31,3	34,7	21,7
Улучшение условий жизни (доход, жилье, благоустройство, магазины, культурный досуг)	19,6	29,2	18,4	10,9
Забота о будущем детей (обучение, реализация творческого потенциала)	11,2	8,3	18,4	6,5
Ликвидация села	6,3	14,6	—	4,3
Вступление в брак	2,1	4,2	2	—
Получение качественного медицинского обслуживания	0,7	—	2	—
Другое	2,8	6,3	2	—
Затрудняюсь ответить	—	—	—	—

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Исследование показало, что представители северных алтайцев социально адаптированы к городским условиям жизни. Почти 90 % респондентов отметили, что им нравится жить в городе. Более половины опрошенных (56,5 %) указали, что в нем их привлекают экономические возможности (наличие работы, развитие бизнеса). Развитая инфраструктура (коммуникации, транспорт, дороги) имеет большое значение для 38,2 % респондентов. Образовательные возможности, предоставляемые городом, важны для 28,2 % опрошенных. Высокое качество здравоохранения привлекает 25,2 % респондентов.

Другими немаловажными притягивающими факторами городской жизни являются для северных алтайцев возможности для самореализации личности (культурный рост, профессиональное самовыражение) (18,3 %), высокий уровень культуры (12,2 %), разнообразные формы досуга, развлечения (11,5 %). Для 5,3 % респондентов важно само чувство горожанина, для них значимо жить именно в городе.

Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев, проживающие в Горно-Алтайске, являются потомками таежных охотников и рыболовов Северного Алтая. Но что они знают о культуре своего народа и насколько они склонны следовать традиции в повседневной жизни? Как они вообще решают проблему своей культурной идентичности? На каком основании они считают себя людьми своей этнической культуры?

Одним из важнейших компонентов этнокультурной идентичности считается язык, на котором люди говорят и мыслят. В ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. язык своей этнической группы назвали родным 37,5 % кумандинцев, 14,6 % тубаларов и 48,6 % челканцев, проживающих в Горно-Алтайске⁴. В то же время языком своей этнической группы владеет гораздо меньше людей – лишь 22 % кумандинцев, 7,6 % тубаларов и 25,7 % челканцев⁵. Литературный алтайский язык назвали в качестве родного 2 % кумандинцев, 24,2 % тубаларов и 7,8 % челканцев. О владении алтайским языком заявили 6,4 % кумандинцев, 20,6 % тубаларов и 17,3 % челканцев. При этом практически все северные алтайцы, проживающие в Горно-Алтайске, свободно владеют русским языком. Более того, 60,2 % кумандинцев, 60,5 % тубаларов и 43,6 % челканцев указали русский язык в качестве родного⁶.

По данным социологического опроса, городские северные алтайцы в разных возрастных группах обладают неодинаковым уровнем знания языка своего народа. Прежде всего, свободно им владеют лица старше 50 лет – около 50 % опрошенных. В более молодых возрастных группах этот показатель не превышает 21 %. Примечательно, что доля лиц, свободно владеющих языком, в возрасте 18–29 лет выше, чем в возрасте 30–39 лет, – 20 и 4,3 % соответственно.

Этнокультурная идентичность человека тесно связана с традиционной культурой народа. Последняя базируется на обычаях, идущих из прошлого, на наследии, доставшемся от предков. Результаты опроса показали, что большинство кумандинцев, тубаларов и челканцев (84,9 %) проявляют интерес к историческому прошлому и культуре своего этноса. Наибольший процент интересующихся был отмечен у челканцев (91,3 %) и тубаларов (90 %). Среди кумандинцев этот показатель равен 74 %.

В ходе социологического опроса представителям кумандинцев, тубаларов и челканцев было предложено оценить личный уровень знания обычаев и традиций своего народа. Итоги опроса показали: только 15,8 % респондентов считают, что знают их хорошо; около половины опрошенных (47,9 %) заявили, что знают наиболее характерные из них; остальные респонденты отметили, что практически не обладают подобными знаниями (табл. 3). Анализ результатов опроса отдельно по каждой этнической группе показывает, что наилучшая ситуация по рассматриваемому вопросу среди челканцев. Среди них совокупная доля респондентов, не знающих традиций или имеющих о них смутное представление, составляет лишь 10,9 %, в то время как среди тубаларов равна 32 %, а среди кумандинцев достигает 64 %.

Несомненно, знать традиции народа и следовать им – не одно и то же. Поэтому респондентам был задан вопрос о том, в какой мере они придерживаются традиций. Было выявлено, что полностью следуют им 13,7 % респондентов, частично – 54,1 %. Не придерживаются их вовсе 32,2 % опрошенных (табл. 4). Результаты опроса показывают, что степень привержен-

⁴ В ходе переписи населения человек в качестве родного языка мог указать лишь один язык. Для лиц, назвавших родным два и более языка, указывался один из них по выбору опрашиваемого.

⁵ Владение языком означает умение говорить, читать и писать или только говорить на данном языке. В ходе переписи населения человек мог указать владение несколькими языками.

⁶ Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. С. 130–131; 138–139.

Таблица 3

Знание обычаев и традиций своего народа, %
Knowledge of the customs and traditions of their people, %

Признак	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Хорошо знают обычаи и традиции	15,8	6	28	13
Знают наиболее характерные обычаи и традиции	47,9	30	40	76,1
Имеют смутное представление об обычаях и традициях	24	40	20	10,9
Не знают обычаев и традиций	12,3	24	12	–

Таблица 4

Следование обычаям и традициям своего народа, %
Following the customs and traditions of their people, %

Признак	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Полностью придерживаются	13,7	6	24	10,9
Частично придерживаются	54,1	28	56	80,4
Не придерживаются	32,2	66	20	8,7

ности респондентов традициям коррелирует с их уровнем знаний о них. Вследствие этого среди челканцев и тубаларов, выделяющихся лучшими показателями знания, относительно невелика доля лиц, совсем не придерживающихся традиций, – 8,7 и 20 % соответственно. Напротив, среди кумандинцев, демонстрирующих низкие показатели знания, доля лиц, не придерживающихся их, намного выше и составляет 66 %.

В ходе социологического опроса не ставилось специальной задачи детального рассмотрения сохранности у городских северных алтайцев отдельных обычаев и традиций. Тем не менее, частной иллюстрацией того, какое значение они им придают, могут послужить данные опроса, характеризующие их отношение к традиционному социальному институту – *сеоку* (алт. *сёёк* – род. – *А. Ч.*). Отметим, что традиционное разделение населения на отдельные сеоки (алмат, комдош, мундус, сагал, тодош и др.) на протяжении многих веков являлось одной из фундаментальных констант социальной организации алтайских этнических групп. В традиционном алтайском социуме каждый человек с юных лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности.

Результаты опроса показали, что в наши дни родовая идентичность северных алтайцев размывается. В ходе опроса свой сеок смогли назвать 70,5 % респондентов. Наилучшее знание демонстрируют тубалары (82 %) и челканцы (80,4 %). Среди кумандинцев свой сеок знают лишь 50 % опрошенных.

Одной из важных функций алтайского сеока, сохранившейся до наших дней, является регламентация семейно-брачных отношений. Социальный институт сеока не допускает заключения брака между представителями одного рода, которые считаются близкими родственниками. В этой связи респондентам был задан вопрос: «Допустим ли брак между девушкой и парнем из одного сеока?». Ответы распределились так: 32,2 % опрошенных ответили «допустим», 52,1 % – «не допустим». При этом негативное отношение к нарушению обычая родовой экзогамии чаще выражали тубалары (74 %) и челканцы (50 %), нежели кумандинцы (32 %).

Исторически традиционная культура народа находится в тесной взаимосвязи с его религиозными воззрениями. В основе религиозного мировоззрения северных алтайцев лежало язычество – обожествление сил природы, восприятие природного и человеческого мира как единого целого. В наши дни, по материалам социологического опроса, доля верующих среди северных алтайцев достаточно высока. В целом назвали себя верующими 47,3 % опрошенных, скорее верующими – 35,6 %. К атеистам или скорее неверующим отнесли себя 17,1 % респондентов.

По данным опроса, большинство верующих (70,2 %) исповедуют православие. Последователями традиционных алтайских верований являются 34,7 % опрошенных. При этом доля лиц, придерживающихся традиционных алтайских верований, заметно выше среди челканцев (43,9 %) и тубаларов (40,5 %), чем среди кумандинцев (18,4 %) (табл. 5).

Таблица 5

Религиозная принадлежность, %^{*}
Religious affiliation, %

Вероисповедание	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Традиционные верования алтайцев	34,7	18,4	40,5	43,9
Православие	70,2	76,3	71,4	63,4
Ислам	0,8	2,6	–	–
Протестантизм	0,8	–	–	2,4
Другое	3,3	7,9	–	2,4

^{*} Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать два варианта ответа.

Результаты опроса показали, что в среде городских северных алтайцев наличествует религиозный синкретизм, «двоеверие»: 9,1 % респондентов отметили, что придерживаются как православия, так и традиционных алтайских верований. Эта ситуация в большей степени характерна для челканцев (12,2 %) и тубаларов (11,9 %), среди кумандинцев доля «двоеверцев» составляет лишь 2,6 %.

По материалам глубинных интервью видно, что представители северных алтайцев считают свой образ жизни в городском быту мало отличающимся от образа жизни русского городского населения. Из их повседневной жизни ушли традиционные одежды, головные уборы, традиционные предметы быта. Утрачена также традиционная свадебная обрядность. Интервьюируемые поведали лишь о единичных случаях (у тубаларов и челканцев) проведения свадеб с соблюдением традиционного свадебного церемониала. Практически не сохранились обряды, связанные с семейно-бытовой сферой, с рождением ребенка. В городских условиях исчез обычай коллективной взаимопомощи, который проявлялся, например, при строительстве дома.

По мнению интервьюируемых, в наибольшей степени северные алтайцы сохраняют верность традиционной кухне. Во многих семьях известны передаваемые из поколения в поколение рецепты блюд, которые готовят и в праздники, и в будни. Отчасти сохраняются обычаи гостеприимства, уважения к старшим, некоторые религиозные представления, элементы традиционной похоронной обрядности.

У городских северных алтайцев пользуются большой популярностью традиционные праздники. В первую очередь это Дьылгаяк, знаменующий начало нового года в день весеннего равноденствия (21 марта). Дьылгаяк, возрожденный в постсоветский период, на первых порах праздновался на семейном уровне, а в последние годы его границы расширились

до масштабов публичного мероприятия. Очень любим также праздник Тюрюк Байрам (Праздник Кедр). Исходно это был праздник, приуроченный к началу сбора кедрового ореха в конце лета. В наши дни Тюрюк Байрам отмечается как праздник культурного и духовного возрождения коренных малочисленных народов Республики Алтай [Чемчиева, 2016].

Для северных алтайцев, независимо от того, проживают они в городе, или в сельской местности, указанные праздники очень важны. На них они имеют редкую возможность прикоснуться к культурному наследию своих предков. Программы праздников непременно включают в себя театрализованные представления, знакомящие с обычаями и традициями северных алтайцев, выступления фольклорных коллективов, исполняющих народные песни и танцы. Кроме того, в рамках праздников проводятся различные традиционные состязания, такие как борьба, конные скачки, лазание на кедр, бросание кедровой биты. Важной составляющей праздников являются демонстрация традиционной одежды, приготовление традиционных блюд, выставки изделий народных промыслов и т. д. По словам интервьюируемых, некоторые люди, в основном среднего и пожилого возраста, стараются на эти праздники нарядиться в этническую одежду.

Рассмотренные результаты этносоциологического исследования свидетельствуют о том, что культурное наследие, которое сохраняют городские кумандинцы, тубалары и челканцы, весьма ограничено. Тем не менее, многие из них именно через это наследие чувствуют причастность к своему народу. Так, на вопрос «Что роднит Вас с людьми из вашего народа?» большинство респондентов дали ответ «язык» (59,6 %). На втором и четвертом местах оказались «обычаи и традиции» (54,1 %) и «культура» (в целом) (45,2 %) соответственно. На третье место респонденты поставили признак «родная земля – Алтай» (50 %). Далее следуют «историческое прошлое» (30,8 %), «внешний облик» (21,9 %), «черты характера» (17,1 %). Менее популярными оказались такие ответы, как религия (11,6 %), совместное проживание (10,3 %) и общая государственность (республика) (8,9 %) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос:
«Что роднит вас с людьми из вашего народа?», % *

Distribution of answers to the question:
“What unites you to people from your nation?”, %

Варианты ответа	Всего	Группа респондентов		
		кумандинцы	тубалары	челканцы
Язык	59,6	60	56	63
Обычаи и традиции	54,1	40	58	65,2
Родная земля – Алтай	50	36	54	60,9
Культура	45,2	36	48	52,2
Историческое прошлое	30,8	28	36	28,3
Внешний облик	21,9	22	28	15,2
Черты характера	17,1	10	20	21,7
Религия	11,6	8	12	15,2
Совместное проживание	10,3	10	10	10,9
Общая государственность (республика)	8,9	4	16	6,5
Другое	6,2	12	2	4,3
Ничего не роднит	0,7	2	–	–
Затрудняюсь ответить	0,7	2	–	–

* Сумма превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать до двух вариантов ответа.

Представленный эмпирический материал позволяет резюмировать, что слой городских кумандинцев, тубаларов и челканцев возник в Республике Алтай в результате их миграции из села в город. Это были переселенцы, которые стремились получить в городе специальное образование, найти хорошую работу и улучшить условия своей жизни. Часть из них влилась в городскую жизнь под напором внешних жизненных обстоятельств, вынудивших их покинуть свои «неперспективные» деревни.

Адаптация к городской среде отразилась на образе жизни северных алтайцев, их культурных предпочтениях и образцах поведения. Первое же поколение горожан проявило большую открытость к восприятию городской культуры и не стремилось воспитывать новые поколения в духе сохранения традиций. В условиях проведения государственной политики, направленной на создание гомогенного «советского народа», знание языка и культуры своего этноса не рассматривалось как некая ценность, которую необходимо сохранить.

Нарушение механизма трансляции этнической культуры от поколения к поколению способствовало тому, что дети не перенимали культурное наследие своих родителей. Сегодня в городе у северных алтайцев основным языком общения выступает русский. Языки этнических групп являются достоянием меньшинства. Традиции и обычаи северных алтайцев стираются из памяти и вытесняются универсальными культурными формами жизни.

Несомненно, жизнь в городе (в зоне активного взаимодействия различных культур) изначально не позволила бы северным алтайцам ограничиться исключительно культурой своего народа. Целые пласты их традиционной культуры больше уже не могли воспроизводиться в городских условиях, поскольку хозяйственная деятельность, с которой они были связаны, практически прекратилась – речь идет о традиционных промыслах (охота, рыболовство, собиравательство) и занятии животноводством.

В то же время процесс утраты традиционной культуры и языка происходил у городских северных алтайцев более стремительно, чем у также переселявшихся в город южных алтайцев. При рассмотрении причин, обусловивших такое различие, прежде всего следует учитывать то, с каким культурным «багажом» северные алтайцы переселялись в город.

Предки северных алтайцев в силу своего географического расселения вошли в соприкосновение с русскими людьми и русской культурой раньше (XVII в.), чем южные алтайцы (XVIII в.). Со временем русское влияние на жизнь северных алтайцев только усиливалось. Северные алтайцы первыми оказались в сфере влияния Русской церкви и стали обращаться в православие (особенно активно в XIX в.). Смена вероисповедания неизбежно приводила к коренным переменам в жизни неофитов. Новообращенным воспрещалось оставаться среди своих некрещеных сородичей, они выводились из-под родового управления и переселялись в миссионерские селения; на новом месте переходили на оседлость, начинали заниматься плужным земледелием и огородничеством. Их быт существенно изменялся. Одновременно крещеные северные алтайцы получали возможность обучаться в миссионерских начальных школах, направленных, в первую очередь, на подготовку местных кадров проповедников христианства. Позднее эти кадры составили основу первой алтайской интеллигенции [Сатлаев, 1995. С. 130–137].

Политика христианизации, тесное соседство с русскими людьми, смешанные браки оказали большое русифицирующее влияние на северных алтайцев. Уже в конце XIX в. в их среде получили развитие ассимиляционные процессы. Впоследствии именно ассимиляция явилась главной причиной того, что численность северных алтайцев перестала расти вслед за естественным приростом. В советский период ситуация усугубилась проведением политики атеизма, приведшей к угасанию у северных алтайцев религиозных традиций. Для северных алтайцев также не прошла бесследно и ликвидация «неперспективных» деревень. Уничтожение мест компактного расселения, разрыв родственных и земляческих отношений для народов, не имевших других источников поддержания своей культуры, кроме среды, из которой она происходит, оказались катастрофичными.

Таким образом, миграция кумандинцев, тубаларов и челканцев в город происходила из уже частично ассимилировавшейся сельской среды. Поэтому неудивительно, что ново-

прибывшие горожане, относительно легко усваивая новые нравы и новый стиль жизни, часто не могли противостоять ослаблению своего этнического самосознания и культурной идентификации.

В 1990-е гг. представители городской интеллигенции северных алтайцев первыми осознали глубину отчуждения своих сородичей от культурного наследия предков. Они констатировали обострение в жизни и городских, и сельских северных алтайцев кризисных процессов утраты традиционной обрядности, угасания духовно-религиозных практик, снижения престижа и уровня владения родным языком, разрушения культурной преемственности. В этой связи в среде северных алтайцев широкое признание получила идея национально-культурного возрождения. Представители кумандинцев, тубаларов и челканцев выдвинули программу по сохранению культурной самобытности своих этнических групп и выступили за признание их исчезающими народами. В итоге в 2000 г. кумандинцы, тубалары и челканцы были включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Этнический ренессанс оказал заметное воздействие на самосознание городских северных алтайцев. В течение двух последних десятилетий немало горожан, до этого не задумывавшихся над своей культурной идентичностью, стали проявлять интерес к своим корням, культуре и языку. Несомненно, нельзя было ожидать, что за столь короткий период городские северные алтайцы возродят свои обычаи и традиции, заговорят на родном языке. Более того, многие из них и сегодня не предпринимают никаких шагов к изучению языка и традиций, хотя и выражают большую скорбь по их утрате.

Тем не менее, городские северные алтайцы обладают выраженной культурной идентичностью. Их культурная идентичность, основываясь на полуосознанных социокультурных шифрах, не изживает себя, а приобретает новые формы. Она все менее привязана к уровню языковой компетенции или уровню владения общим кругом этнокультурных знаний. На передний край выдвигается символический компонент культурной идентичности. Для большинства городских северных алтайцев этническая культура и язык выступают особой ценностью, все более приобретающей символическое значение. Они могут не владеть родным языком и не понимать сакральных смыслов обычаев и традиций своего народа, но это не мешает им чувствовать и считать себя кумандинцами, тубаларами или челканцами. Поэтому есть все основания полагать, что этнокультурная идентичность городских северных алтайцев сохраняет свою скрытую мощь и выступает важным средством манифестации принадлежности к определенной этнокультурной общности и ее единства.

Список литературы / References

- Лярская Е. В.** «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // ЭО. 2016. № 1. С. 54–70.
Lyarskaya E. V. «Komu-to tozhe nado i v gorode zhit'...»: nekotorye osobennosti transformatsii sotsial'noi struktury nentsev Yamala [«Somebody Has to Live in the City Too...»: Specificities of the Transformation of Social Structure of the Yamal Nents]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographical Review]*, 2016, no. 1, p. 54–70. (in Russ.)
- Маслов Д. В.** Этничность и бюрократия: заметки о солидарности коренных малочисленных народов Республики Алтай // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 60–82.
Maslov D. V. Etnichnost' i byurokratiya: zametki o solidarnosti korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altai [Ethnicity and Bureaucracy: Notes on Solidarity Among Indigenous People of Altai Republic]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian Historical Research]*, 2014, no. 2, p. 60–82. (in Russ.)
- Поворознюк О. А.** Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносциальные сети и борьба за ресурсы // ЭО. 2016. № 1. С. 23–41.
Povoroznyuk O. A. Gorodskie aborigeny BAMa: Industrial'nyi bum, tekhnosotsial'nye seti i bor'ba za resursy [The Urban Aborigines of the BAM Region: Industrial Boom, Technosocial Networks and Struggle for Resources]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographical Review]*, 2016, no. 1, p. 23–41. (in Russ.)
- Сатлаев Ф. А.** Горный Алтай в период феодализма в России (XVII–XIX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 191 с.

Satlaev F. A. Gornyi Altai v period feodalizma v Rossii (XVII–XIX vv.) [Gorny Altai in Feudal Russia (17th – 19th centuries)]. Gorno-Altaysk, Yuch-Sumer Publ., 1995, 191 p. (in Russ.)

Функ Д. А. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 8–14.

Funk D. A. Vvedenie k spetsial'noi teme nomera [Introducing the Theme]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 2, p. 8–14. (in Russ.)

Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 39–59.

Khakhovskaya L. N. Aborigeny v gorode: etnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Aborigines and the City: the Ethno-Cultural Profile of Residents of Magadan]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2014, no. 2, p. 39–59. (in Russ.)

Чемчиева А. П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3 (74). С. 195–198.

Chemchieva A. P. Sotsial'nye praktiki vozrozhdeniya traditsionnykh prazdnikov (na primere korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altai) [Social Practices of Reviving Traditional Festivals (at the example of indigenous small peoples of the Altai Republic)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2016, no. 12-3 (74), p. 195–198. (in Russ.)

Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском Севере // ЭО. 2016. № 1. С. 10–22.

Schveitzer P. Korennye narody i urbanizatsiya na Alyaske i na kanadskom Severe [Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographical Review], 2016, no. 1, p. 10–22. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.08.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Чемчиева Аржана Петровна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, chemchieva@gmail.com)

Arzhana P. Chemchieva, PhD in Philosophy, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, chemchieva@gmail.com)

УДК 902.2

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-146-149

Рецензия на книгу:

Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья

Кемеров. гос. ун-т; Сиб. отд-ние Академии горных наук
Кемерово, 2018. 156 с.

С. Г. Скобелев

*Новосибирский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Благодарности

Рецензия подготовлена по тематике государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Для цитирования

Скобелев С. Г. Рецензия на книгу: Кимеев В. М. Сибирские остроги Притомья. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т; Сиб. отд-ние Академии горных наук, 2018. 156 с. // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 146–149. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-146-149

Review on Monograph:

Kimeev V. M. Siberian Ostrogs of the Tom River Basin

Kemerovo, Kemerovo State University; Siberian Branch of Academy of Mining Sciences, 2018.
156 p.

S. G. Skobelev

*Novosibirsk State University
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The monograph of Professor Valery Kimeev is devoted to a highly topical current theme, namely, archaeological study of sites of Russian origin in Siberia. The author considered the ostrogs (Russian fortresses) located in the basin of the Tom River: Tomskii (1604), Kuznetskii (1618), Sosnovskii (1657), Verkhotomskii (1665) and Mungatskii (1715). Using archival and archaeological materials quite fully and objectively, the author reviewed the history of creation, restructuring and development of these sites, as well as established the places of their original location. The book is properly illustrated with archival and modern photographs, images of mock-ups of the ostrogs, drawings of archaeological artifacts, diagrams and maps. At the same time, it is necessary to point out some weak points of the monograph, which can be improved in the course of subsequent studies. However, in general the author has successfully

© С. Г. Скобелев, рец., 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

solved the task of modeling the collective image of objects of this type, which is very important when conducting their field reconstructions.

Keywords

the Tom River basin, Russian forts (fortresses), study, Professor V. Kimeev, field reconstructions, monograph

Acknowledgements

The review message was prepared on the state assignment in the field of scientific activities (project No. 33.5677.2017 / 8.9)

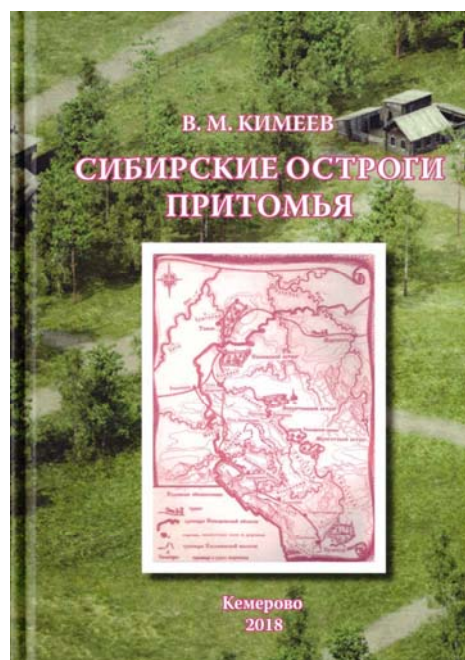
For citation

Skobelev S. G. Review on Monograph: Kimeev V. M. Siberian Ostrogs of Tom River Basin. Kemerovo: Kemerovo State University; Siberian Branch Academy of Mining Sciences, 2018, 156 p. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 146–149. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-146-149

Рецензируемый труд доктора исторических наук, профессора кафедры археологии Кемеровского государственного университета Валерия Макаровича Кимеева посвящен весьма актуальной в настоящее время тематике, а именно археологическому изучению памятников русского происхождения. К рассмотрению им приняты русские остроги, находящиеся на территории такого крупного региона Сибири, как бассейн Томи. Работа, что важно отметить, посвящена крупным историческим датам – 400-летию Кузнецкого острога, 100-летию г. Кемерово и 75-летию Кемеровской области.

В. М. Кимеев является признанным специалистом в области истории и этнографии, а также в археологии как коренного, так и русского населения данного региона. Он лично участвовал в полевом изучении возможных остатков Сосновского, Верхотомского и Мунгатского острогов на Томи. Во многом именно его усилиями создан и в 2003 г. открыт на берегу Томи великолепный Этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок» (Кемеровская область, Кемеровский район, дер. Старочервово). Здесь реконструированы в натуральную величину и музеефицированы типичные для сибирских острогов проездная и три угловые срубные башни, караульная изба, тын, жилые и хозяйственные постройки. К настоящему времени такая реконструкция собирательного образа русского сибирского острога XVII–XVIII вв. является единственной в музейной практике в нашей стране; возможно, в данном отношении (по идентичности, полноте, объективности и комплексности результатов) с ней может сравниться лишь Форт Росс в Калифорнии. «Тюльберский городок» в настоящее время служит прекрасной учебной базой для студентов-историков Кемеровского государственного университета.

В ходе этой работы В. М. Кимееву неизбежно приходилось обращаться к широкому кругу сведений, происходящих с площади памятников русского освоения Сибири. Соответственно это означало для него знакомство как с археологическими источниками, так и с архивными материалами разных лет, естественно, относящимися и к острогам, поставленным в бассейне Томи. В связи с этим можно уверенно сказать, что в настоящее время он является наиболее компетентным специалистом в области истории и археологии этого региона Сибири в русское время. Следовательно, уже заранее можно предсказать, что вышедшие из-под его пера описания, характеристики, выводы и рекомендации по реконструкции русских памятников Притомья являются наиболее полными и объективными.

Обложка монографии В. М. Кимеева
Cover of the book by V. M. Kimeyev

Следует отметить, что история русского освоения Притомья уникальна на фоне аналогичных процессов, протекавших на иных территориях Сибири, где обычно осуществлялось постепенное, поступательное, движение в восточном или южном направлении. В связи с этим и техника возведения построек во многом менялась в соответствии с географией их расположения. Особенно характерно это для острогов бассейна Енисея. Русское освоение Притомья началось еще в первые годы XVII в. с создания в 1604 г. Томского острога и завершилось в 1715 г. строительством Мунгатского острога. В течение этого времени в Притомье были воздвигнуты Кузнецкий (1618 г.), Сосновский (1657 г.) и Верхотомский (1665 г.) остроги. Вскоре после строительства почти у самого устья Томи (на крайнем севере региона) Томского острога, в 1618 г. в верховьях этой реки был заложен самый южный опорный пункт в регионе – Кузнецкий острог. И все дальнейшее освоение региона в течение почти столетия шло путем строительства острогов между этими двумя крайними точками. Данное обстоятельство следует обязательно учитывать при подготовке рекомендаций по их реконструкции.

Автор монографии в первой главе, в том числе с использованием недавно изученных архивных материалов, довольно полно и объективно рассмотрел историю создания, перестроек и развития этих острогов, определил ряд мест первоначального расположения отдельных объектов в них, что особенно важно, учитывая наличие ряда спорных моментов и даже ошибок в историографии, в первую очередь, для Кузнецкого острога. Следуя объективному обоснованию И. Ю. Ускова [2007], он отнес время создания Верхотомского острога к 1665 г., тем самым устраняя имевшуюся в историографии ошибку, когда это событие определялось 1657 г. Важно отметить квалифицированную интерпретацию им планировки, текущего состояния острогов и отдельных объектов на карте С. У. Ремезова, в изобразительных материалах последующего времени.

Как было показано автором во второй главе работы, все перечисленные памятники в той или иной степени подвергались разнохарактерному археологическому изучению, осуществлялись их графические и, частично, натурные реконструкции, публиковались относящиеся к ним отдельные архивные материалы, освещающие результаты раскопок. Однако сведения об этом были весьма слабо представлены в историографии русского освоения Сибири. Данный труд В. М. Кимеева, включающий обширную археологическую часть, в наиболее полной для нашего времени мере решает такую проблему. На комплексах разнородных материалов, включая полученные при его непосредственном участии, В. М. Кимеевым предложены варианты реконструктивных решений для ряда сооружений Кузнецкого, Сосновского, Верхотомского и Мунгатского острогов. К сожалению, имеющихся сегодня сведений не хватает, для того чтобы на твердой базе археологического происхождения воссоздать полную картину планировки целиком для площади каждого из этих объектов. Но впереди новые полевые исследования, когда, несомненно, будут получены оригинальные источники, которые позволят восполнить современные представления о местах расположения как самих острогов, так и отдельных сооружений на их площади.

Книга в иллюстрирована архивными и современными фотографиями, изображениями макетов острогов, рисунками вещевых археологических находок, схемами и картами. Издание будет интересно как специалистам в области русской археологии Сибири, так и историкам, этнологам, краеведам, туроператорам, представителям национально-культурных обществ и молодежных объединений, в целом широкому кругу любителей истории.

Вместе с тем следует указать и на некоторые слабые места монографии.

Так, автором принято не совсем удачное название работы – «Сибирские остроги Притомья». Понятно, что Притомье – это и есть часть Сибири, поэтому дополнительное определение «сибирские» излишне, тем более что в тексте монографии они фигурируют еще и как «казахьи». Последнее определение не совсем объективно, так как общим названием русских военных людей в Сибири независимо от их категории было «служилые».

На иллюстрациях, демонстрирующих объемно-планировочные решения Сосновского и Верхотомского острогов, не показаны выходы к воде – имеются лишь угловые и проезжие к полю башни и ворота. Но такие варианты решений маловероятны, поскольку для водопоя,

доставки воды в остроги для хозяйственных нужд, подъема грузов с лодок и их самих на хранение на зиму требовалось бы проделывать слишком долгий путь вне стен крепостей. Поэтому выход к воде в виде башни, ворот или просто калитки обязательно должен был присутствовать, тем более что автор сам допускает такую возможность (с. 62). Так, в единственном к настоящему времени археологически полностью изученном сибирском остроге – Саянском на Енисее (1718 г.), имелись как проезжая к полю башня, так и башня с выходом к реке.

Для натурной реконструкции Мунгатского острога автором дана рекомендация применить стены в виде тына. Однако в ходе археологического изучения реальных остатков тына здесь не обнаружено. Кроме того, для острогов Южной Сибири, построенных или отремонтированных уже в XVIII в., техника тына была мало характерна, на смену ей приходили комбинации заплота и тарасов (например, в том же Саянском и втором Абаканском острогах).

При определении времени создания Сосновского острога (напомним, что это был 1657 г.) один из его создателей – атаман Д. Е. Копылов – без уточнения этих сведений назван первым, кто взял ясак с енисейских кыргызов. Это неверно, так как кыргызы (по крайней мере, их северная часть) еще в 1602 г. числились ясачными людьми Кетского острога [История Хакасии..., 1993. С. 171].

Лишним, хронологически не соответствующим теме работы, можно считать изображение якобы казаков XIX в. (с. 45), тем более, не указано, откуда взят этот рисунок. Такие же претензии могут быть высказаны и относительно необходимости ряда иных иллюстраций и полноты библиографического оформления сведений о них (с. 61, 62, 102). Кроме того, некоторые иллюстрации имеют недостаточное графическое качество (с. 51, 63, 85).

Тем не менее, после ознакомления с монографией, давая общую оценку этого труда, следует подчеркнуть, что результатом проделанной работы можно считать не только обобщение уже имеющихся письменных и археологических источников по истории острогов Притомья, но и обоснование приемов моделирования собирательного образа памятников данного типа, что весьма важно при проведении их натуральных реконструкций. В целом, автор успешно справился с поставленными им задачами и заложил хорошую основу для дальнейших исследований.

Список литературы / References

- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука, 1993. 525 с.
 Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 goda [The History of Khakassia from Ancient Times to 1917]. Moscow, Nauka, 1993, 525 p. (in Russ.)
- Усков И. Ю.** О времени поставления Верхотомского острога // Города и остроги земли Сибирской. 2007. URL: http://ostrog.ucoz.ru/publ/u/uskov_i_ju/o_vremeni_postavlenija_verkhotomskogo_ostroga/49-1-0-86 (дата обращения 03.10.2018).
Uskov I. Yu. O vremeni postavleniya Verkhotomskogo ostroga [On the Time of Construction of the Verkhotomsky Fortress]. *Goroda i ostrogi zemli Sibirskoi* [Cities and Fortresses of the Siberian Land], 2007 (in Russ.) Available at: http://ostrog.ucoz.ru/publ/u/uskov_i_ju/o_vremeni_postavlenija_verkhotomskogo_ostroga/49-1-0-86 (accessed 03.10.2018)

Материал поступил в редколлегию
Received
 04.10.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Скобелев Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, sgskobelev@yandex.ru)

Sergey G. Skobelev, PhD in History, Head the Laboratory of Humanities at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, sgskobelev@yandex.ru)

УДК 902

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-150-154

Итоги IX Съезда Азиатской палеолитической ассоциации на базе научно-исследовательского стационара «Денисова Пещера» в Алтайском крае

А. И. Кривошапкин^{1,2}, Д. В. Папин^{1,2}, А. М. Хаценович²

¹ *Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия*

² *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Благодарности

Конференция проведена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-49-221002)

Для цитирования

Кривошапкин А. И., Папин Д. В., Хаценович А. М. Итоги IX Съезда Азиатской палеолитической ассоциации на базе научно-исследовательского стационара «Денисова Пещера» в Алтайском крае // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 150–154. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-150-154

Results of 9th Meeting of Asian Paleolithic Association in the Field Research Center “Denisova Peshchera” (Altai Region, Russia)

A. I. Krivoshapkin^{1,2}, D. V. Papin^{1,2}, A. M. Khatsenovich²

¹ *Altai State University
Barnaul, Russian Federation*

² *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The Asian Paleolithic Association is an international organization whose activity is aimed at the development and improving of collaboration in archaeological and paleoanthropological Paleolithic research in Asia. The Ninth Meeting of the Asian Paleolithic Association was held in the field research center “Denisova Cave” (Altai region, Russia), on July, 30 – August 6, 2018. Organized by the Altai State University and the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences on behalf of the presidium of the Asian Paleolithic Association (APA), the conference provided opportunities to share new data on Paleolithic investigations gathered throughout Asia. About 50 participants from the United Kingdom, Israel, Russia, China, Korea and Japan presented results of their research.

Keywords

Asian Paleolithic Association, Stone Age, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic, conference

Acknowledgements

The Conference was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-49-221002

For citation

Krivoshapkin A. I., Papin D. V., Khatsenovich A. M. Results of 9th Meeting of Asian Paleolithic Association in the Field Research Center “Denisova Peshchera” (Altai Region, Russia). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 150–154. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-150-154

© А. И. Кривошапкин, Д. В. Папин, А. М. Хаценович, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

В 2007 г. ведущими учеными из России, Китая, Японии и Кореи было заключено соглашение, в рамках которого провозглашалось создание ассоциации палеолитических исследований Азии и прилегающих территорий. Согласно одновременно принятому положению, Азиатская палеолитическая ассоциация (АПА) является международной организацией, деятельность которой направлена на развитие и повышение уровня академической коммуникации в археологических и палеоантропологических исследованиях палеолита Азии. Начиная с 2008 г. проводились ежегодные, а с 2014 г. – раз в два года, съезды Ассоциации. По итогам съезда 2016 г., проходившего в Токио (Япония), президентом Ассоциации на период 2016–2018 гг. был выбран заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, профессор, д-р ист. наук А. И. Кривошапкин, а местом проведения встречи в 2018 г. и ответственными организациями – научно-исследовательский стационар «Денисова Пещера» (Алтайский край), Алтайский государственный университет (Барнаул) и ИАЭТ СО РАН (Новосибирск).

Международная известность данного съезда, географический охват участников (от Атлантики до Пасифики), хронология исследований (все подразделы каменного века) имеют огромное научное и репутационное значение как для Алтайского края, так и для отечественной науки в целом. С открытием в Денисовой Пещере «денисовца» – нового, ранее не известного подвида человека, выделением его генома и изучением ДНК (наследие которой было обнаружено у современных жителей Меланезии) Алтайский край стал своего рода Меккой для ученых разных специальностей – от генетиков до археологов. Участникам съезда предоставлялась уникальная возможность посетить палеолитические стоянки открытого типа Карама, Ануй-2 и 3, Усть-Каракол и ряд пещер, где были найдены антропологические останки «денисовца» и неандертальца и остатки их материальной культуры – Денисова Пещера, Чагырская Пещера, Пещера Окладникова.

IX съезд АПА посвящался обсуждению и решению ряду научных проблем, актуальных для археологии палеолита Западной и Восточной Азии. Темы докладов участников съезда охватывали широкий спектр междисциплинарных исследований – от специфики анализа каменных артефактов, изучения недавно открытых памятников до решения глобальных проблем в области хронологии каменного века, культурной эволюции на всем его протяжении и первоначального заселения Азии древним человеком. Был представлен широкий массив работ по всем этапам развития каменного века и естественнонаучным методам его изучения. Членами АПА анонсирована статья, вышедшая в августе 2018 г. в журнале «Nature», посвященная секвенированию генома из небольшой кости, обнаруженной в Денисовой Пещере и принадлежащей девочке, чей отец был «денисовцем», а мать – представителем вида неандертальцев. Эта новость инициировала оживленную дискуссию по итогам конференции.

Первый блок докладов был представлен на пленарном заседании. Их делали главы делегаций стран – членов АПА, ведущие специалисты в области археологии каменного века. Заседание являло собой срез того, что происходит на данный момент в археологии стран Азии.

Директор ИАЭТ СО РАН М. В. Шуньков в своем докладе сделал полный экскурс во все аспекты исследований археологического памятника Денисова Пещера в Алтайском крае. Он поставил вопрос о связи «денисовца» (*Homo altaensis*), существовавшего на протяжении практически всей археологической летописи Денисовой Пещеры, с производством каменной индустрии и неутилитарных изделий в раннем верхнем палеолите. Точка зрения о том, что «денисовцы» могли быть создателями культуры пластинчатого начального верхнего палеолита, при известном ее обосновании может изменить понимание о миграциях древних гоминид и доказать конвергентное развитие древних культур.

Председатель Палеолитической ассоциации Китая профессор Гао Син представил результаты совместной Китайско-Американской экспедиции, сделавшей сенсационное открытие памятника Ньява Деву, ОСЛ-датирование которого доказывает, что эта стоянка является самым ранним свидетельством заселения Тибета. Данное открытие меняет представление о том, что большие высоты были освоены человеком лишь на границе плейстоцена – голоцена. Кроме того, ген, отвечающий за адаптацию к высотам, был обнаружен у «денисовцев», и, следовательно, не исключено, что они или их потомки являлись первыми покорителями Тибета.

Участники IX Съезда Азиатской палеолитической ассоциации
на научно-исследовательском стационаре «Денисова Пещера»
(фото Е. Н. Бочаровой)

Participants of the 9th congress of the Asian Paleolithic Association
at the field research center «Denisova Peshchera»
(photo by E. N. Bocharova)

Профессор Хироюки Сато из Японии также представил яркое для Японского архипелага открытие – погребения плейстоценового времени в пещере Ширахо-Саонетабару. Исходя из полученных радиометрических определений пещера использовалась для погребения в течение весьма длительного времени – 28 500–20 000 л. н.

Профессор Робин Деннел из Великобритании представил съезду сенсационное открытие, опубликованное накануне конференции в журнале «Nature», – обнаружение памятника нижнего палеолита возрастом 2,1 млн л. на территории Китая.

Президент АПА профессор А. И. Кривошапкин представил культурно-хронологическую схему среднего палеолита Центральной Азии, основанную на новых исследованиях пещеры Сельунгур в Кыргызстане.

Профессор Юн-чжо Ли, исследующий самый известный палеолитический памятник на территории Кореи Суянггэ-6, привел новые радиометрические определения, удревляющие верхний палеолит этого региона.

Тематически секции подразделялись по территориально-хронологическим рамкам исследований.

Секция археологии Китая охватывала исследования от нижнего до верхнего палеолита, включая недавно опубликованные материалы из пещеры Джинситай, которая, исходя из облика каменных орудий, меняет точку зрения на характер среднего палеолита Китая в целом. Был представлен целый спектр исследований, основанных на экспериментальной археологии. Доклады, заслушанные на секции археологии Кореи, также продемонстрировали возрастающую вовлеченность эксперимента как метода в изучение способов производства камен-

ных и костяных орудий. Особое внимание было уделено утилизации каменного сырья, а именно кварца – основы ряда среднепалеолитических индустрий на территории Корейского полуострова.

Секция археологии Японского архипелага включала доклады, представляющие материалы новых памятников, культурно-стратиграфические схемы, основанные на анализе каменных индустрий уже хорошо известных стоянок. Были предложены аналитические результаты изучения отжимного микрорасщепления, генезис которого, включая регион и время его возникновения, является ведущей исследовательской проблемой в археологии Японии. За последние несколько лет специалистами в этой области собран внушительный набор доказательств того, что отжимное микрорасщепление могло возникнуть на территории Японского архипелага и оттуда получить распространение на Корейском полуострове и в континентальной Азии. В то же время специалисты, изучающие верхний палеолит на территории Северной и Центральной Азии, считают, что в Японию микрорасщепление было привнесено с континента, – это было отражено в докладах на секции, посвященной археологии указанных территорий.

В основном, доклады секции археологии Северной и Центральной Азии были представлены молодыми учеными и охватывали проблематику от среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (памятники Денисова Пещера и Кара-Бом), освещая ряд таких аспектов, как хронология культур, анализ каменных технологий и производства персональных украшений. Обсуждались исследования на территории западной и восточной частей Центральной Азии. Они представляли новые данные по датированию методом оптически стимулированной люминесценции памятника Кульбулак в Узбекистане, уникальные находки начального верхнего палеолита на памятнике Толбор-21 в Монголии, изучение сырьевой базы, использовавшейся древним человеком, и связанных с ней миграционных коридоров. Были представлены также доклады по более позднему времени – эпохе неолита на территории Алтая, Забайкалья и Израиля. На памятнике Чагырская Пещера состоялось выездное заседание секции, посвященное проблемам изучения этого палеолитического объекта, от геологии до археологии и изотопного анализа костных остатков, что позволяет определить сезон, когда пещера была населена людьми.

По итогам съезда прошло заседание исполнительного комитета АПА под председательством почетного и действующего президентов академика А. П. Деревянко и профессора А. И. Кривошапкина. Решением комитета было предложено расширить ассоциацию, членами которой на данный момент являются Россия, Китай, Корея и Япония, включив страны Юго-Восточной Азии и Израиль. Профессор Гао Син (Академия наук Китая) был выбран почетным президентом Азиатской палеолитической ассоциации наряду с академиком А. П. Деревянко и профессорами Юн-чжо Ли (Корея) и Акира Оно (Япония). Действующим президентом на 2018–2020 гг. избран профессор Юпин Ванг из Школы антропологии и музееведения Университета Пекина, а Китай, соответственно, – местом проведения следующего съезда в 2020 г.

*Материал поступил в редколлегию
Received
10.09.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник лаборатории Междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия), заместитель директора по научной работе Института археологии и этно-

графии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, krivoshapkin@mail.ru)

Andrey I. Krivoshapkin, Doctor of History, Leading Researcher at the Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation), Deputy Academic Director at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, krivoshapkin@mail.ru)

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории Междисциплинарного изучения археологии Алтая и Западной Сибири Алтайского государственного университета (пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия); научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, papindv@mail.ru)

Dmitry V. Papin, PhD in History, Leading Researcher at Altai State University (61 Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russian Federation), Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, papindv@mail.ru)

Хаценович Арина Михайловна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, ada1985@yandex.ru). ORCID 0000-0002-8093-5716

Arina M. Khatsenovich, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, ada1985@yandex.ru). ORCID 0000-0002-8093-5716

УДК 902.2

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-155-159

Методический семинар

«Поиск и определение границ объектов археологического наследия: роль естественнонаучных дисциплин, новые технологические возможности, нормативно-правовые аспекты»

К. К. Павленок, Д. А. Бычков

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Для цитирования

Павленок К. К., Бычков Д. А. Методический семинар «Поиск и определение границ объектов археологического наследия: роль естественнонаучных дисциплин, новые технологические возможности, нормативно-правовые аспекты» // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 155–159. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-155-159

Methodological Seminar

“Searching and Determining Boundaries of Archaeological Heritage Sites: Role of Science, New Technological Opportunities, Regulatory-Legal Aspects”

K. K. Pavlenok, D. A. Bychkov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The seminar was held to review current technical capabilities, regulatory and legal aspects of searching for and determining the boundaries of archaeological heritage sites. These issues were discussed in the context of classical methods and approaches. Actual methods of collecting and processing such information were debated, including those currently offered by natural sciences.

Results. The participants of the seminar considered a range of methodological issues related to the use of natural science methods to identify and define the boundaries of cultural heritage sites. They also widened their ideas about the actual technical means at the disposal of natural sciences. A detailed consideration of implementing the proposed technical tools and methods in the practice of archaeological research has allowed us to formulate the direction of future forums.

Conclusion. Such a close collaboration of archaeologists, specialists in the natural sciences and representatives of executive authorities allows us to work out well-defined definitions of the phenomena studied and to find a common ground on the way to preserve the cultural heritage. Conducting such seminars provides an opportunity to look at the same issues from the perspective of different specialists, such as an archaeologist, geophysicist, an inspector for the supervision of objects of cultural heritage, etc. With the current social conditions, which imply lobbying the interests of certain economic structures in the federal legislative bodies, it is necessary to consolidate the archaeological community. Events of such importance are a platform for accelerating these processes.

Keywords

cultural heritage, GIS, natural science methods, seminar

© К. К. Павленок, Д. А. Бычков, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

For citation

Pavlenok K. K., Bychkov D. A. Methodological Seminar "Search and Determination of the Borders of Archaeological Heritage Objects: The Role of Natural Sciences, New Technological Opportunities, Regulatory-Legal Aspects". *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 155–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-155-159

Первоначальным и наиважнейшим из этапов сохранения и изучения объектов археологического наследия (далее – ОАН) является выделение данного памятника в окружающем пространстве и определение его границ. Для того чтобы представить свои наработки в этой сфере и рассмотреть современные технологические и методические подходы к решению данной задачи с учетом требований актуальной нормативно-правовой базы, 5–6 марта 2018 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН проводился методический семинар, инициированный отделом охранно-спасательной археологии¹. В работе семинара приняли участие более 70 человек – сотрудники ИАЭТ СО РАН, ИА РАН, других институтов Сибирского и Уральского отделений РАН, университетов Иркутска, Барнаула, Омска, Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, региональных музеев, руководители и специалисты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченных в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Новосибирская, Омская, Кемеровская, Томская области, Алтайский и Красноярский края), подведомственных им учреждений; руководители и сотрудники частных археологических организаций; специалисты проектных организаций; эксперты, аттестованные для проведения государственной историко-культурной экспертизы.

Основной целью семинара было рассмотрение актуальных способов сбора, обработки и передачи той информации об объектах археологического наследия, которую в настоящее время предлагают естественнонаучные дисциплины, а также обсуждение современных нормативно-правовых требований к поиску и определению границ ОАН. Для ее достижения работа семинара была организована в рамках трех тематических блоков: геоинформационный анализ территории как обязательная процедура, предваряющая археологические разведки; поиск и определение границ ОАН – действующие методики и новые технологические возможности; археологические исследования и государственная историко-культурная экспертиза.

Первым содержательным блоком в работе семинара было рассмотрение актуальных технологий и разнообразного опыта коллег в использовании ГИС для анализа перспективности территории в отношении наличия (отсутствия) ОАН. Свои наработки представили д-р геол.-минерал. наук И. Д. Зольников (ИГМ СО РАН, ИАЭТ СО РАН, Новосибирск), канд. ист. наук В. М. Новосельцева (ИАЭТ СО РАН; ИГУ, Иркутск), канд. геогр. наук Е. П. Крупочкин (АлтГУ, Барнаул).

И. Д. Зольников подробно охарактеризовал применение методов ГИС и ДДЗ для решения задачи обнаружения ОАН. Им предложено понимание ГИС-технологий как инструмента, обеспечивающего выявление закономерностей пространственно-территориального распределения археологических памятников. Это становится возможным с помощью моделирования обстановок, благоприятных для проживания древнего населения на какой-либо территории. В качестве критериев могут, например, использоваться: геоморфологическая ситуация, освещенность, источники сырья для производств и др. При наложении всех характеристик получается общая картина перспективных зон для поиска археологических объектов. На примерах Западно-Сибирской низменности и Северного Приангарья было показано так-

¹ Археологическая разведка на стыке наук и актуальные вопросы охранно-спасательных работ // Сайт Института археологии и этнографии СО РАН. 10.03.2018. URL: <http://www.archaeology.nsc.ru/newsarcru/203> (дата обращения 23.03.2018).

же, что большое значение при составлении ГИС по археологическим объектам имеют корректировка и проверка принятых концепций геологической истории региона.

В. М. Новосельцева обратила внимание на ситуацию, которая фиксируется сейчас в некоторых распадах с открытыми устьями, выходящими в долину Ангары ниже Иркутска. Объекты на этих участках были открыты А. П. Окладниковым еще в 1930-е гг. и долгое время были затоплены. Но благодаря строительству Богучанской ГЭС все водохранилища Ангарского каскада сбрасывали воду для ее наполнения. Как следствие, пляжи на открытых устьях, которые находились под водой, освободились. Под слоем песка были обнаружены голоценовые культурные отложения, и постановка этих ОАН на государственную охрану сейчас является серьезной методической проблемой.

Е. П. Крупочкин обрисовал современные возможности использования аэрокосмических методов для изучения археологических памятников на территории Горного Алтая. На основе экспериментов в долинах Уландрыка и Юстыда было показано, что этот способ не позволяет обнаружить ОАН, но значительно ограничивает зоны поиска.

В ходе обсуждения докладов отмечалось, что ГИС-технологии уже играют важную роль в сфере охраны культурного наследия. В ряду основных результатов отечественной науки в этом направлении – проект Института археологии РАН «Россия как археологическое пространство» [Макаров и др., 2017] и региональная ГИС, созданная Е. А. Зайцевой на материалах Сургутского Приобья [Зайцева, 2010].

Проблема фиксации следов вмешательства человека в естественные ландшафты по данным геоботаники была рассмотрена д-ром биол. наук Н. Н. Лашинским (ЦСБС СО РАН, Новосибирск). Представленный им доклад имел своей целью дать ответ на вопрос: что может дать применение геоботанических методов для определения перспективности расположения ОАН и их границ? На ряде примеров было доказано, что аномалии в составе растений могут выступать в роли маркеров, по которым можно выделять границы обитания человека. Но в настоящее время нельзя назвать ни одной специфической реакции растений именно на деятельность человека, так как высока вероятность спутать влияние человека с зоогенным воздействием.

Особенности применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и данных дистанционного зондирования (ДДЗ) для археологических исследований и связанных с ними геодезических работ представили в своих докладах канд. геол.-минерал. наук А. В. Котляров (ИГМ СО РАН, Новосибирск), канд. ист. наук А. В. Постнов (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск) и А. А. Картозия (ИГМ СО РАН, Новосибирск). Докладчики сфокусировали внимание на возможностях реконструкции геоморфологической ситуации во время возникновения изучаемого объекта и оценки изменений, произошедших с ним за время археологизации. На примере исследований в дельте Лены на островах Самойловский и Курунгнах было продемонстрировано, что благодаря ДДЗ есть возможность зафиксировать в рельефе мельчайшие изменения. Это может применяться при поиске ОАН. Отмечено также, что наиболее рационально использовать БПЛА для подготовки основы топографического плана на незалеженных поверхностях. Участники семинара сошлись во мнении, что результаты данных исследований представляются значимыми в вопросе выделения признаков антропогенных изменений в природных ландшафтах.

Широкое обсуждение вызвал доклад академика В. И. Молодина и О. А. Поздняковой (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск), в котором был представлен опыт использования геофизических методов при определении границ ОАН. Многолетние исследования археологических памятников Барабинской лесостепи сотрудниками ИАЭТ СО РАН и ИНГГ СО РАН дали возможность установить взаимосвязи между характером геофизических аномалий и расположением археологических объектов, адаптировать аппаратуру и методику для решения археологических задач, определить критерии подбора методов для изучения разнотипных памятников в пределах различных природно-ландшафтных зон. Исследования проводились также на территории Кулундинской степи, Верхнего Приобья, Горного Алтая, Хакасии и Монголии. В ходе обсуждения доклада были высказаны различные точки зрения об осо-

бенностях применения геофизических методов при охранно-спасательных работах. Прежде всего обозначена необходимость соотнесения условий проведения работ и результативности определенных геофизических методов в данных условиях.

В рамках рассмотрения участниками семинара нормативно-правовых аспектов сохранения археологического наследия представлены доклады канд. ист. наук А. В. Энговатовой и канд. культурологии А. В. Работкевича, посвященные методическим наработкам и нормативно-правовым инициативам ИА РАН (Москва) в сохранении культурного наследия. Внимание было сосредоточено на примерах успешной реализации наиболее острых запросов археологического сообщества, которые сейчас находятся на разных стадиях реализации. К ним относятся создание сети фондохранилищ для массового археологического материала, разработка новой методики определения предельной стоимости и порядка проведения археологических работ, выработка рекомендаций по оформлению раздела проекта об обеспечении сохранности ОАН, совершенствование законодательства в сфере охраны подводного культурного наследия.

В целом, в результате проведения семинара удалось разобрать многие методические вопросы, связанные с применением естественнонаучных методов для выявления и определения границ ОАН. Участники семинара получили широкое представление об актуальных технических средствах, которыми располагают специалисты в области естественнонаучных дисциплин. Подробное рассмотрение опыта внедрения предлагаемых технических средств и методов в практику археологических исследований позволило сформулировать вопросы, определившие направление работы будущих семинаров подобного характера. Одновременное участие в семинаре сотрудников научно-исследовательских институтов РАН, представителей государственных органов по охране объектов культурного наследия, экспертов по ГИКЭ и специалистов-археологов из научно-производственных объединений позволило всесторонне рассмотреть предмет дискуссии. Данное обстоятельство было положительно отмечено участниками семинара.

По итогам работы семинара сформулирована следующая резолюция.

1. Участники семинара считают целесообразным:

1.1. Определение перспективности территорий для обнаружения ОАН требуется проводить на основе корректных географических и историографических обоснований и закономерностей распространения данных объектов. Рекомендуются разрабатывать и использовать специализированные региональные ГИС.

1.2. В рамках общественного обсуждения актов государственной историко-культурной экспертизы обращать внимание на результаты экспертиз, основанных на умозрительных представлениях о перспективности территорий, осуществленных без строгого обоснования и (или) натурного обследования, на базе необоснованных мест закладки шурфов.

1.3. Включать в состав участников исследований археологических объектов специалистов в области геоботаники.

1.4. Привлекать к археологическим исследованиям специалистов в области геофизики, БПЛА, ДДЗ. Определять в рамках междисциплинарных исследований региональные условия эффективного применения геофизических методов для определения границ археологических объектов. Включать в состав документации, обосновывающей мероприятия по обеспечению сохранности объектов археологического наследия, результаты геофизических исследований.

2. Продолжать на базе ИАЭТ СО РАН организацию открытых методических семинаров по проблемам междисциплинарных исследований археологических объектов и применения этих достижений в области охранно-спасательной археологии. Требуются регулярные собрания для обсуждения методики и нормативно-правовой базы археологических исследований с учетом региональной специфики территорий и объектов российской Азии.

3. Участникам семинара на основе опыта собственных исследований и правоприменительной практики сформулировать свои предложения по дополнению и изменению действующей нормативно-правовой базы. Направить эти предложения в ИА РАН напрямую или через организаторов семинара.

Список литературы / References

Зайцева Е. А. Методика камерального зонирования территории в системе охраны объектов археологии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (некоторые итоги и перспективы) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 120–124.

Zaitseva E. A. Metodika kameral'nogo zonirovaniya territorii v sisteme okhrany ob'ektov arkheologii Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry (nekotorye itogi i perspektivy) [Methods of Cameral Zoning of the Territory in the System of Protecting Archaeological Sites in the Khanty-Mansi Autonomous Region – Yugra (some results and future prospects)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2010, no 2, p. 120–124. (in Russ.)

Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н. Пространство древности: археологические памятники на карте России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 7. С. 622–634. DOI 10.7868/S0869587317070052

Makarov N. A., Zelentsova O. V., Korobov D. S., Voroshilov A. N. Prostranstvo drevnosti: arkhelogicheskie pamyatniki na karte Rossii [The Space of Antiquity: Archaeological Sites on the Map of Russia]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 87, p. 622–634. (in Russ.) DOI 10.7868/S0869587317070052

Материал поступил в редколлегию
Received
25.03.2018

Сведения об авторах / Information about the Authors

Павленок Константин Константинович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-организационной работе, куратор отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, pavlenok-k@yandex.ru)

Konstantin K. Pavlenok, PhD in History, Deputy Director on Research and Organization, Supervisor of the Department of Rescue Fieldwork at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, pavlenok-k@yandex.ru)

Бычков Дмитрий Александрович, инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, BDA.nsk@yandex.ru)

Dmitry A. Bychkov, Research Engineer at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, BDA.nsk@yandex.ru)

УДК 902, 903
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-160-164

**V Международная научная конференция
«Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий»,
посвященная 85-летию со дня рождения доктора исторических наук,
востоковеда, археолога Виталия Епифановича Ларичева**

С. Г. Скобелев^{1, 2}, И. Н. Трошкина³

¹ Новосибирский государственный университет

² Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

³ Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
Абакан, Россия

Благодарности

Сообщение подготовлено по тематике государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9)

Для цитирования

Скобелев С. Г., Трошкина И. Н. V Международная научная конференция «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященная 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, востоковеда, археолога Виталия Епифановича Ларичева // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 160–164. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-160-164

**V International Scientific Conference
“Peoples and Cultures of Sayano-Altai and Adjacent Territories”
Dedicated to the 85th Anniversary of Doctor of Historical Sciences,
Orientalist, Archaeologist Vitaliy E. Larichev**

S. G. Skobelev^{1, 2}, I. N. Troshkina³

¹ Novosibirsk State University

² Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

³ Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation

Abstract

Purpose. During the period of 26th – 28th September 2018, the capital of the Republic of Khakassia, the city of Abakan, and the Ordzhonikidzevskii district of Khakassia hosted the V International Scientific Conference “Peoples and Cultures of Sayano-Altai and adjacent territories” dedicated to the 85th anniversary of Doctor of Historical Sciences, orientalist, archaeologist Vitaliy Epifanovich Larichev. The Abakan location was chosen as it was on the territory of Khakassia that V. E. Larichev conducted his main field research in the fields of Palaeolithic and Astroarchaeology. In this regard, it is important to show the results of the work of this significant scientific forum.

© С. Г. Скобелев, И. Н. Трошкина, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

Results. The conference was attended by scientists and instructors on archaeology from Japan, India, the Principality of Monaco, Mongolia, Kazakhstan, Tuva, Altai, Khakassia, Novosibirsk, Krasnoyarsk and Kemerovo Regions. By the beginning of the conference, its Organizing Committee prepared the forum materials in the form of a book. The keynote speech at the plenary meeting of the conference was given by the Doctor of Historical Sciences, Director of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History, V. N. Tuguzhekova. The speaker stressed that it was V. E. Larichev who, using Khakass materials, laid prerequisites for modern methods of studying the ancient calendar systems of Siberia. The sectional sessions of the conference covered the results of scientific research conducted by V. E. Larichev both on the territory of Khakassia and in East Asia. The working day ended with a performance by a wonderful artistic folk team from the city of Abakan. On the second day of the conference, a practical field seminar was held on one of the research sites that V. E. Larichev considered particularly important, Pervyi Sunduk, on the territory of the Ordzhonikidzevsky district of Khakassia. It is widely recognized that this unique natural-historical site is the only one of its kind on the territory of Khakassia. However, it is necessary to continue its complex interdisciplinary studies. The site needs effective protection as in recent years the anthropogenic load on this location has increased greatly.

Conclusion. In general, the scientific forum was an important stage both in the study of the rich scientific heritage of V. E. Larichev and in the solution of a number of topical issues of archaeology, ethnography and history of the peoples of Southern Siberia and adjacent territories of Central and East Asia.

Keywords

orientalist and archaeologist V. E. Larichev, scientific heritage, study, scientific conference

Acknowledgements

The information was prepared on the state assignment in the field of scientific activities (project No. 33.5677.2017 / 8.9)

For citation

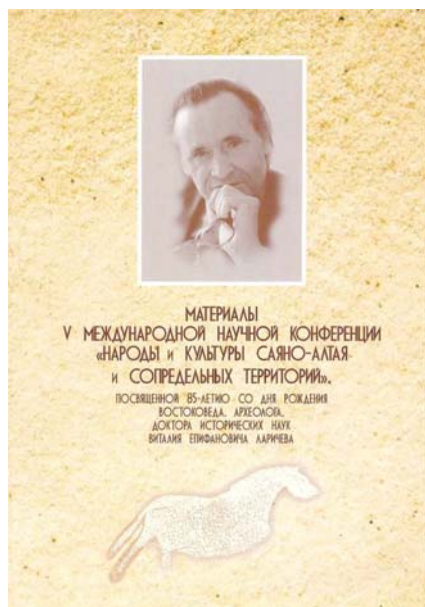
Skobelev S. G., Troshkina I. N. V International Scientific Conference “The Peoples and Cultures of the Sayano-Altai and Neighboring Territories” Dedicated to the 85th Anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Orientalist, Archaeologist Vitalii E. Larichev. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 160–164. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-160-164

Столица Республики Хакасия город Абакан и Орджоникидзевский район Хакасии с 26 по 28 сентября 2018 г. стали местом работы V Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, востоковеда, археолога, научного сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН Виталия Епифановича Ларичева.

Конференция была подготовлена Хакасским НИИ языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) при поддержке Министерства образования и науки Республики Хакасия, а также Российского фонда фундаментальных исследований. Проведение ее в Абакане связано с тем, что именно на территории Хакасии В. Е. Ларичев вел свои основные полевые исследования в области палеолита и астроархеологии.

В работе этого научного форума приняли участие представители Правительства и Верховного Совета, Совета старейшин Республики Хакасия, ученые и преподаватели из Японии, Индии, Княжества Монако, Монголии, Казахстана, Тувы, Алтая, Хакасии, а также из Новосибирска, Красноярского края и Кемеровской области. Новосибирский государственный университет в работе конференции представляли заведующий лабораторией гуманитарных исследований кандидат исторических наук С. Г. Скобелев и доцент кафедры археологии и этнографии кандидат исторических наук С. В. Алкин.

К началу работы конференции ее Оргкомитет подготовил и издал материалы форума в виде сборника статей «Материалы V Международной научной конференции “Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий”, посвященной 85-летию со дня рождения доктора исторических наук, востоковеда, археолога Виталия Епифановича Ларичева». Перед открытием конференции 26 сентября 2018 г. для ее участников было организовано посещение Минусинского краеведческого регионального музея им. М. Н. Мартыанова, а также Республиканского музейно-культурного центра (Абакан). В последнем экскурсия была особенно познавательна в связи с совсем недавним открытием его экспозиций в новом здании, отличающемся размерами, современным обустройством и богатством выставленных артефактов, особенно предметов монументального творчества людей разных эпох.

Сборник тезисов докладов
конференции
Book of conference abstracts

На пленарном заседании конференции 27 сентября 2018 г. с основным докладом выступила доктор исторических наук, директор ХакНИИЯЛИ В. Н. Тугужекова. Она рассказала об основных этапах жизни и научной деятельности В. Е. Ларичева, дала детальную характеристику его работ в Забайкалье и на Дальнем Востоке, в Красноярском крае, в Монголии и в Средней Азии, показала их высокую научную значимость. Отмечались и большие заслуги исследователя в области востоковедения. Заседание продолжили своими докладами кандидат технических наук, доцент кафедры космической и физической геодезии Сибирского государственного университета геосистем и технологий (Новосибирск) Е. Г. Гиненко, а также С. В. Алкин. Докладчики в разные годы работали с В. Е. Ларичевым, в том числе в полевых условиях. В их выступлениях, в дополнение к материалам, изложенным В. Н. Тугужековой, были даны детальные оценки результатов деятельности этого ученого в Хакасии и Забайкалье, в первую очередь показаны основные новые направления изучения им памятников каменного века на территории Хакасии (Малая Сая и др.), включая петроглифы, возможно, того же времени. В качестве важной составляющей части его научных интересов оха-

рактеризованы разработки основ астроархеологии Южной Сибири, которые на практике осуществлялись на севере Хакасии на таких объектах, ставших затем широко известными, как све Оңдо (Первый Сундук), святилище Белая Лошадь и све Тарпиг (Саратский Сундук). Было единодушно подчеркнуто, что именно деятельностью В. Е. Ларичева на хакасских материалах были заложены предпосылки современных методик изучения древних календарных систем Сибири, которые в настоящее время активно используются и развиваются в ходе продолжающихся астроархеологических исследований когда-то созданной В. Е. Ларичевым Северо-Хакасской экспедиции.

После проведения пленарной части конференции работа продолжалась в двух секциях: Астроархеология и древняя история; Актуальные проблемы российского и зарубежного востоковедения. На секционных заседаниях в первую очередь освещались и оценивались результаты научных исследований, проведенных В. Е. Ларичевым как на территории Хакасии, так и в Восточной Азии. Показана высокая эффективность его деятельности как специалиста-археолога и востоковеда. Детально охарактеризованы заслуги исследователя в сфере полевой астроархеологии, показавшие высокую научную значимость изучения календарных систем древних обществ Евразии. Одновременно рассматривалась и обширная научная тематика, связанная с решением современных конкретных актуальных проблем методики астроархеологии, древнейшего искусства, древней и средневековой истории Сибири, Дальнего Востока и прилегающих районов, российского и зарубежного востоковедения, в том числе в сфере изучения архивных материалов из Китая.

Завершился рабочий день выступлением народного художественного коллектива «Чон көглері» (Народные мелодии) из Абакана, исполнившего ряд хакасских народных и иных песен в сопровождении различных национальных инструментов.

Во второй день работы конференции для ее участников был проведен практический полевой семинар по местам исследований В. Е. Ларичева на памятнике Первый Сундук на территории Орджоникидзевского района Хакасии. Именно этот природно-исторический объект в долине р. Белый Июс рассматривался исследователем как ключевой для понимания сути и уровня развития древней астрономии в Южной Сибири. Участники конференции осмотрели

Выступление хакасского народного художественного коллектива
«Чон кӧглері» (Народные мелодии) из Абакана
(фото И. Н. Трошкиной)

Performance of the Khakass folk art collective «Чон кӧглері» (Folk melodies)
from the city of Abakan (photo by I. N. Troshkina)

Участники полевого семинара на г. Первый Сундук (фото И. Н. Трошкиной)
Participants of the field seminar on the object of Pervyi Sunduk (photo by I. N. Troshkina)

выделенные В. Е. Ларичевым и его последователями основные составляющие элементы данного памятника, обменялись мнениями об их назначении и времени создания. Безусловным для всех оставалось убеждение, что этот уникальный и очень крупный природно-исторический памятник является единственным в своем роде как минимум на территории Хакасии и нуждается в продолжении комплексного междисциплинарного изучения. Требует он и действенной охраны, поскольку за последние годы антропогенная нагрузка на него увеличилась многократно.

В резолюции конференции были даны оценки результатов научного творчества В. Е. Ларичева, приняты предложения по увековечению его памяти. В частности, предложено назвать именем исследователя одну из поточных аудиторий в здании Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, издать полный список его трудов, защищенных под его руководством диссертаций и дипломных работ студентов, сведений об организации и проведении научных конференций и т. д.

В целом, конференция стала важным этапом как в работе по изучению богатого научного наследия В. Е. Ларичева, так и в решении ряда актуальных проблем археологии, этнографии и истории народов Южной Сибири и сопредельных территорий Центральной и Восточной Азии.

*Материал поступил в редколлегию
Received
04.10.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Скобелев Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий Лабораторией гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия), старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия, sgskobelev@yandex.ru)

Sergey G. Skobelev, PhD in History, Head the Laboratory of Humanities at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, sgskobelev@yandex.ru)

Трошкина Ирина Николаевна, кандидат философских наук, зав. сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия, i.troschkina2012@yandex.ru)

Irina N. Troshkina, PhD in Philosophy, Head of the Department of Economics and Sociology at the Khakass Research Institute of the Language, Literature and History, Abakan (23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russian Federation, i.troschkina2012@yandex.ru)

УДК 308, 1174, 1400
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-165-168

**Города, люди, традиции (по материалам круглого стола
«Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе»
в рамках III Международной конференции
«Города и люди: коммуникации и цифровизация»)**

И. В. Октябрьская¹, Е. Н. Романова²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия*

Для цитирования

Октябрьская И. В., Романова Е. Н. Города, люди, традиции (по материалам круглого стола «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе» в рамках III Международной конференции «Города и люди: коммуникации и цифровизация») // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография. С. 165–168. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-165-168

**Cities, People, Traditions (On Materials of the Round Table
«Space of Traditional Calendar Holidays in a Megacity»
in the Framework of the III International Conference
«Cities and People: Communications and Digitalization»)**

I. V. Oktyabrskaya,¹ E. N. Romanova²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to the issues of sustainable development of northern cities in the modern world as a creative territory for development of local communities in planning and implementation of programs of vital activity, of environment, business, and the presentation of ethno-cultural practices. On the base of successful experience of organization of the International Conference «Cities and People» in Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), is revealed the modern strategy of northern cities, where a multi-channel dialogue of traditions and innovations, social groups, society, government and business, city and the mass media is the main condition for sustainable development. The particular attention is paid to the key symbol of the Republic of Sakha (Yakutia), the traditional calendar holiday Ysyakh, its communicative and innovative potential within the framework of humanitarian urbanism.

Keywords

city, human capital, sustainable development, cultural heritage, traditions and innovations, humanitarian urbanism, territory of development

© И. В. Октябрьская, Е. Н. Романова, 2018

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 7: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography

For citation

Oktyabrskaya I. V., Romanova E. N. Cities, People, Traditions (On Materials of the Round Table «Space of Traditional Calendar Holidays in a Megacity» in the Framework of the III International Conference «Cities and People: Communications and Digitalization»). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 165–168. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-7-165-168

С 20 по 24 июня 2018 г. в Якутске состоялась III Международная научная конференция «Города и люди: коммуникации и цифровизация». Она проводится с 2014 г. каждые два года Окружной администрацией г. Якутска и Общественной палатой города при поддержке Общественной палаты РФ и Союза городов Заполярья и Крайнего Севера, Евразийского регионального отделения Всемирной организации объединенных городов и местных властей (ЕРО ОГМВ), Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), Программы ООН по населенным пунктам (ООН – Хабитат) и других организаций. В форуме традиционно принимают участие несколько сотен человек из десяти и более стран мира.

В 2014 г. I Международная конференция была посвящена теме «Формула взаимного доверия»; II конференция, прошедшая в 2016 г., – «Местные решения для устойчивого развития». Тему III Международной конференции «Города и люди» определила формула «Коммуникации и цифровизация». Ее главными партнерами стали Международная ассамблея столиц и крупных городов (МАГ) и Всемирная организация умных и устойчивых городов (WeGO), а также Всероссийский совет местного самоуправления, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Высшая школа экономики, Технопарк «Якутия» и др.

Завершение конференции совпало с проведением республиканского праздника Ысыах, который приходится на дни летнего солнцестояния и отмечает наступление нового года в традиционном календаре саха (якутов). В 2018 г. за время проведения праздника его посетило 190 тыс. чел. Программа праздника стала органичным продолжением конференции, ключевой проблемой для которой была проблема коммуникаций.

Идеологию III Международной конференции «Города и люди» задавала концепция Хабитат-III (постоянной конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию) в г. Кито (Эквадор) 2016 г. Согласно принятым положениям, в современном мире урбанизация и сопутствующая ей высокая концентрация человеческого капитала и ресурсов рассматривается как важнейший фактор всеобщего процветания. Города становятся центрами устойчивого развития территорий, успех которого зависит от степени участия и творческой инициативы локальных сообществ в планировании и реализации программ организации жизнедеятельности, среды и бизнеса. Города во всем мире сегодня формируют новые повестки экономического, социального и культурного развития, в основе которых лежит культура коммуникаций, и все большее значение играют цифровые информационные технологии.

Для Якутии эта тема имеет огромное значение. 2018 год объявлен в столице республики Годом Новаторства. Перемены в облике и жизни современного Якутска задаются концептом «Умный и эффективный город», который с учетом возможностей цифровизации акцентирует задачи обеспечения комфорта и развития городских сообществ в экстремальных условиях Севера. При этом речь идет не только о технологиях, но и о новом мышлении. Многоуровневая сетевая городская коммуникация (диалог традиций и новаций, социальных групп общества, общества и власти, власти и бизнеса, города и масс-медиа и т. д.) является главным условием устойчивого развития.

Якутск, выступая организатором конференции, готов стать международной площадкой по обобщению мирового опыта урбанизации в экстремальных условиях и его реализации на уровне разработки муниципальных стратегий, стратегий регионов и государств. Эти цели определяют программные установки III Международной конференции «Города и люди».

В ходе ее проведения прошли: панельные сессии «Городская среда – пространство общения», «Городские сообщества – новая культуры коммуникаций», «Будущее экономики горо-

да в эпоху цифровизации», «Информационные технологии и социальный институт»; воркшопы «Городская устойчивость» и «Общественные пространства в экстремальном климате»; форсайт-сессия «Якутск-2032»; пленарное совещание – XXVI сессия Международной ассамблеи столиц и крупных городов (МАГ); мероприятия Форума неравнодушных граждан и др. акции.

Особое место в программе занимали круглые столы «Народная концепция проекта “Земля Олонхо”» и «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе». Их содержание определяла общая проблема устойчивого развития городов в экстремальных условиях Севера на основе актуализации человеческого капитала и социокультурной интеграции общества. В условиях Республики Саха решение этих задач невозможно без учета гуманитарной урбанистики – в таких рамках на протяжении последних лет в регионе реализуются проекты на стыке культурной географии, культурной антропологии, искусства и т. п.

Междисциплинарный диалог на тему традиций и новаций в городской среде сформировал программу круглого стола «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе». Он прошел в формате международного научно-практического семинара-дискуссии 21 июня 2018 г. в Центре духовной культуры «Дом Арчы» – сакральном месте Якутска, которое воплощает собой включение традиции в современную городскую среду.

Круглый стол начался с обряда очищения и алгыса-благословения, угощения национальным священным напитком – кумысом. Мероприятие объединило около 50 человек: этнографов, археологов, культурологов, социологов, музееведов, а также практиков, занимающихся рекреацией и музейным строительством, специалистов городских администраций из России, Казахстана, Польши.

Место и форма проведения круглого стола были выбраны не случайно, поскольку ключевой для него стала проблема оценки и использования культурных традиций как ресурса инновационного развития. Это подчеркнула начальник Управления культуры и духовного развития администрации Якутска А. Н. Корякина в обращении к участникам семинара. «В нашем городе, – сказала она, – проживают представители более 100 народов и национальностей, и всех нас объединяет язык культуры. Мы чтим историю, обращаемся к нашим истокам и каждый год узнаем много нового о земле, где живем. Культура, традиции, история – это то, что помогает всем нам в развитии нашего родного города».

Опыт Якутска в ходе проведения круглого стола обсуждался в сравнении с культурными и социальными практиками городов России, Казахстана, Польши. В его программу вошли доклады д-ра ист. наук Е. Романовой (ИГИИПМНС, Якутск, РФ), заслуженного художника Якутии П. Копестинской, Т. Горецкого (Этнографический музей г. Варшавы, РП), Л. Бухалика (Муниципальный музей г. Жоры, РП), д-ра ист. наук И. Октябрьской (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск, РФ), канд. ист. наук З. Сурагановой (Национальный музей, РК), д-ра ист. наук Р. Бравиной (ИГИИПМНС, Якутск, РФ), канд. ист. наук Н. Даниловой (ИГИИПМНС, Якутск, РФ), д-ра соц. наук В. Игнатъевой (ИГИИПМНС, Якутск, РФ), В. Васильева (ИГИИПМНС, Якутск, РФ) и др.

Модератором круглого стола выступила д-р ист. наук Е. Н. Романова. Ею и другими участниками были обозначены основные векторы обсуждения, связанные с оценкой археологического, историко- и этнокультурного наследия в пространстве современного города. В ходе обсуждения докладов и широкой итоговой дискуссии был обобщен опыт изучения и презентации культурного наследия Якутска, формировавшегося с 1851 г. – с момента создания Сибирского отдела Русского географического общества. Итогом развития в этой области стало создание меморативного пространства города, включающего Центр духовной культуры «Дом Арчы», расширяющуюся музейную сеть, многочисленные памятники, историко-архитектурный комплекс «Старый город», соединивший музей под открытым небом и свободную торгово-туристическую зону, и т. д.

Особенностью культурной инфраструктуры Якутска последних лет стала ее ориентация на развитие социального творчества горожан, большое место в котором заняли традиционные праздники. Главным в праздничном календаре Якутии является Ысыах.

Обсуждению феномена Ысыаха, который с 1991 г. стал государственным праздником Республики Якутия, была посвящена отдельная панель круглого стола. В ходе обсуждения подчеркивалось, что в современной Якутии происходит осмысление этнокультурного наследия как системы духовных ценностей и признание его в качестве имиджевого инструмента в развитии территории. С момента возрождения традиционный праздник Ысыах воспроизводится ежегодно в сакральной местности «Үс Хатын». Его программа (с участием главы и первых лиц республики) разработана на основе опыта предков коневодов саха и достижений сегодняшнего дня.

Важным показателем развития праздника Ысыах как составляющей культурного потенциала Якутии является его признание на российском и международном уровне. В 2011 г. Ысыах был признан «Лучшим национальным праздником» России, а в 2018 г. вошел во Всемирный список самых привлекательных туристических событий.

Сегодня, как подчеркнули участники круглого стола и в целом III Международная конференция «Города и люди», главная задача ученых и практиков, создающих концепции устойчивого развития городов, заключается в том, чтобы воспитывать в жителях Якутии активное отношение к празднику Ысыах, репрезентирующему древнее наследие степной культуры, транслирующему его как живую, развивающуюся традицию и на этой основе объединяющему всех жителей республики.

Участники отметили высокий уровень подготовки мероприятия, актуальность вопросов, поднятых в ходе его проведения, и научно-практическую значимость прозвучавших докладов; выразили уверенность в публикации материалов.

По результатам круглого стола «Пространство традиционных календарных праздников в мегаполисе» был принят ряд научно-практических рекомендаций. Основным итогом стало решение о подготовке концепции представления Ысыаха как воплощения живого нематериального культурного наследия Северной Азии для включения его в Национальный список элементов нематериального культурного наследия РФ (категория «Обычаи, обряды, празднества») с последующим представлением в ЮНЕСКО.

*Материал поступил в редколлегию
Received
01.08.2018*

Сведения об авторах / Information about the Authors

Октябрьская Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия, siem405@yandex.ru)

Irina V. Oktyabrskaya, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, siem405@yandex.ru)

Романова Екатерина Назаровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия, e_romanova@mail.ru)

Ekaterina N. Romanova, Doctor of History, Leading Researcher at the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation, e_romanova@mail.ru)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБАО	–	Агинский Бурятский автономный округ
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
АН СССР	–	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	–	Археологические открытия
АПА	–	Азиатская палеолитическая ассоциация
АССР	–	Автономная Советская Социалистическая Республика
АСИ	–	Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов
БАССР	–	Бурятская Автономная Советская Социалистическая Республика
БАМ	–	Байкало-Амурская магистраль
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БПЛА	–	беспилотный летательный аппарат
ВОГиС	–	Вавиловское общество генетики и селекции
ГАЗК	–	Государственный архив Забайкальского края, Чита
ГАИО	–	Государственный архив Иркутской области, Иркутск
ГИКЭ	–	Государственная историко-культурная экспертиза
ГИС	–	географические информационные системы
ДВО РАН	–	Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДДЗ	–	данные дистанционного зондирования
ДЗ	–	дистанционное зондирование
ЕРО ОГМВ	–	Евразийское региональное отделение Всемирной организации «Объединенные города и местные власти»
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук, Москва
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИГМ СО РАН	–	Институт геологии и минералогии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИГУ	–	Иркутский государственный университет
ИИА УрО РАН	–	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург
ИИАЭНДВ ДВО РАН	–	Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург
ИНГТ СО РАН	–	Институт нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИЦиГ СО РАН	–	Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
КГПУ	–	Красноярский государственный педагогический университет
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук, Москва
ЛПХ	–	личное подсобное хозяйство
МАГ	–	Международная ассамблея столиц и крупных городов
МАЭ РАН	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург
МГУ	–	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва, Ленинград
НГПУ	–	Новосибирский государственный педагогический университет
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НОЦ	–	научно-образовательный центр
ОАН	–	объект археологического наследия
ОСЛ	–	оптически стимулированная люминесценция
РА	–	Российская археология
РАН	–	Российская академия наук
РАЭСК	–	Российская археолого-этнографическая студенческая конференция
РК	–	Республика Казахстан
РП	–	Республика Польша
РСФСР	–	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	–	Российская Федерация
РФА	–	рентгенофазовый анализ
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	–	Советская археология
СамГПУ	–	Самарский государственный педагогический университет
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской академии наук
СССР	–	Союз Советских Социалистических Республик
ТГПИ	–	Тобольский государственный педагогический институт
ТГУ	–	Томский государственный университет
ТИЭ	–	Труды Института этнографии
ТПК	–	территориально-производственный комплекс
УОБАО	–	Усть-Ордынский Бурятский автономный округ
УИИЯЛ УрО РАН	–	Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск
ХакНИИЯЛИ	–	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан
ЦСБС СО РАН	–	Центральный Сибирский ботанический сад Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ЦСУ	–	Центральное статистическое управление
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЮНЕСКО	–	от англ. <i>UNESCO</i> (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization)
AltSU	–	Altay State University, Barnaul
AMS	–	Accelerator Mass Spectrometry
AS USSR	–	Academy of Sciences Union of Soviet Socialist Republics
BAR	–	British Archaeological Reports
IAE SB RAS	–	Institute of archaeology and ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk
IF	–	индекс фасетирования
IFstr	–	индекс фасетирования строгий
IL	–	индекс леваллуа
Ilam	–	индекс пластинчатости
KSU	–	Kemerovo State University
KSPU	–	Krasnoyarsk State Pedagogical University

NSU	–	Novosibirsk State University
NSPI	–	Novosibirsk State Pedagogical Institute
NSPU	–	Novosibirsk State Pedagogical University
OSL	–	Optically Stimulated Luminescence
PNAS	–	Proceedings of the National Academy of Sciences
RAS	–	Russian Academy of Sciences
SB RAS	–	Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
SHM	–	State Historical Museum, Moscow
SPSS	–	Statistical Package for the Social Sciences
TSU	–	Tomsk State University
USSR	–	Union of Soviet Socialist Republics
WeGO	–	Word Smart Sustainable Cities Organization

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: каб. 1260 и 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62